

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47 2025
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (598) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Джеффри Хинтон* (1947), британский и канадский ученый.

Джеффри Хинтон родился в Лондоне (Великобритания). Он вырос в семье, где наука занимала центральное место — его отец был инженером, а дед, Джордж Буль, был математиком, известным своими работами, которые заложили основы для цифровой логики в компьютерах. Это окружение, несомненно, повлияло на его интерес к научным исследованиям и математике.

Хинтон начал свое образование в Великобритании, где он изучал экспериментальную психологию в Кембриджском университете. В 1970 году он получил степень бакалавра в Эдинбургском университете, где углубил свои знания в области искусственного интеллекта и психологии.

Он продолжил свою учебу в США, в Университете Калифорнии в Сан-Диего и получил докторскую степень за исследования искусственного интеллекта и когнитивной психологии. Во время своей работы в аспирантуре Хинтон сосредоточился на моделировании восприятия и памяти, что в дальнейшем сыграло ключевую роль в его исследованиях машинного обучения и нейронных сетей. Он также продолжил работу в академической сфере, преподавая в различных университетах, включая Карнеги-Меллон и Торонтский университет. С 2013 по 2023 год Джеффри Хинтон являлся сотрудником компании Google.

Хинтон сделал революционный вклад в развитие алгоритма обратного распространения ошибок. Этот метод позволил ученым эффективно обучать глубокие нейронные сети, что было критически важно для прогресса в области машинного обучения. Благодаря этому открытию стало возможным обучение сетей выполнению сложных задач, таких как распознавание речи и обработка изображений.

Ранние исследования Хинтона в области когнитивной психологии и искусственного интеллекта заложили ос-

нову для его более поздних теорий и алгоритмов в области глубокого машинного обучения. Он экспериментировал с различными моделями нейронных сетей, пытаясь имитировать процессы человеческого мозга. Эти эксперименты были критически важны для понимания того, как можно обучать компьютерные системы распознавать образы, обрабатывать речь и выполнять другие сложные задачи.

Исследования Джеффри Хинтона в области обратного распространения ошибок и глубоких нейронных сетей стали основополагающими для последующих прорывов в разработке искусственного интеллекта.

В 2012 году команда, в которой работал Хинтон, представила нейронную сеть под названием AlexNet. Эта сеть выиграла соревнование по компьютерному зрению ImageNet, значительно опередив конкурентов. AlexNet продемонстрировала потенциал глубоких нейронных сетей в области обработки изображений и стала вехой в истории развития ИИ.

В 2018 году Джеффри Хинтон стал одним из трех лауреатов премии Тьюринга. Среди прочих его наград — Королевская медаль от Королевского общества, Канадская золотая медаль Герхарда Херцберга Канадского совета по исследованиям в области естественных и инженерных наук, а также Нобелевская премия по физике за 2024 год. Хинтон был избран членом Американской академии искусств и наук. Ученый удостоен нескольких почетных степеней от ведущих университетов мира за его вклад в область искусственного интеллекта и компьютерных наук.

В 2024 году Хинтон снялся (без указания в титрах) в роли самого себя в научно-фантастическом боевике-технотриллере «Атлас».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кольцова Т. В.

Зарубежное законодательство
об административной ответственности
за экологические правонарушения
на примере Соединенных Штатов Америки 221

Коржакова Д. Д.

Проблемы правового
регулирования деятельности органов
опеки и попечительства 223

Коржакова Д. Д.

Институт приемной семьи: актуальные
проблемы..... 226

Крутова Е. В.

Характеристика и место договорной
ответственности среди других видов
гражданско-правовой ответственности
в институте гражданского права 230

Лодкина В. В.

Допустимость доказательств: вопросы
терминологии 233

Магомедов Р. Х.

Единство публичной власти и проблемы
оптимизации взаимодействия органов
государственной власти и местного
самоуправления в современной России 234

Макуха А. А.

Специфика назначения и производства
судебных экспертиз в расследовании
незаконного оборота наркотических средств,
психотропных веществ или их аналогов 236

Макуха А. А.

Типичные следственные ситуации
первоначального этапа расследования
незаконного оборота наркотических средств,
психотропных веществ или их аналогов 238

Мануев В. В.

Понятие и виды мер процессуального
принуждения..... 241

Маньков М. С.

К вопросу об определении стадий
законодательного процесса
в Российской Федерации..... 246

Матюнина В. Е.

Уголовно-правовая охрана личности
от сексуальных посягательств
и ее основания 248

Матюхина Т. И.

Общие начала гуманизации современного
уголовного законодательства 249

Мехтиева А. А.

Алкоголизм как причина и условие
совершения преступлений в правовой
действительности современного общества 251

Мехтиева А. А.

Институт государственной защиты
лиц, содействующих уголовному
судопроизводству: анализ понятия..... 255

Назарова А. К.

Интернет как инструмент повышения
эффективности взаимодействия государства
и гражданского общества..... 258

Немирова А. А.

Экономическая и правовая природа доходов
бюджета: к единству дефиниции..... 261

Петровская Д. В.

Правоотношения, реализация права,
правосознание. Взаимосвязь этих понятий
в правовой науке 262

Пирогова Д. А.

Латентная преступность: сущность,
типология и методы выявления
в современном обществе..... 265

Прохорова Е. С., Грибовская А. В.

Коррупция от истоков до нашего времени
и пути противодействия ей..... 267

Розыева З. Б.

Правовые последствия признания сделок
должника недействительными в рамках дел
о несостоятельности..... 269

Русакова А. Р.

Психологическое портретирование
в эпоху цифровых технологий: вызовы
и возможности 271

Салмиянова В. А.

Механизмы государственного регулирования
предпринимательской деятельности: теория
и практика 275

Салмиянова В. А.

Эффективность государственного
регулирования малого и среднего бизнеса
в России 277

Сафронов Я. В.

Влияние отсутствия государственной
регистрации перехода права собственности
на транспортные средства на права
и обязанности участников гражданских
правоотношений 279

Севкович Д. К.

Государственное обвинение в суде 282

Селиверстова Л. А.

Теоретические основы исследования
административной ответственности
за правонарушения, посягающие
на общественный порядок и общественную
безопасность 284

Селиверстова Л. А.

Анализ юридических составов и видов
административных правонарушений,
посягающих на общественный порядок
и общественную безопасность 286

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Зарубежное законодательство об административной ответственности за экологические правонарушения на примере Соединенных Штатов Америки

Кольцова Татьяна Владимировна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
 Московский финансово-юридический университет МФЮА

В США действует развитая система экологического законодательства, которая эффективно управляет охраной окружающей среды. Особенностью данной системы является сочетание различных категорий правовых источников, среди которых центральное место занимают нормы общего права. Под общим правом понимается судебная практика, основанная на прецедентах и принципах разумности.

Административную ответственность за экологические правонарушения можно рассмотреть как одну из разновидностей административно-правовых санкций. Понятие санкции более широкое, чем понятие административной ответственности. Под санкцией понимают ту часть правовой нормы, в которой указываются последствия выполнения или невыполнения самого правила поведения (диспозиции нормы) [1, с. 26]. «Слово „санкция“, — пишет Л. Фридмэн, — предусматривает нечто большее, чем наказание. Оно включает также поощрение. Положительная сторона санкций (поощрения, стимулирование) менее широко известна, потому что литература пугает криминальной стороной... Но стимулирование есть важнейшая составная часть правовой системы» [2, с. 172].

Право применения административно-правовых санкций по законодательству США предоставлено федеральному контролирующему органу и контролирующим органам штатов при выявлении экологических правонарушений в результате инспекционных проверок.

Агентство по охране окружающей среды (Environmental Protection Agency (EPA)) — главный орган, отвечающий за экологический контроль в стране. Его руководитель подчиняется непосредственно президенту. EPA объединило все федеральные программы по борьбе с загрязнением воздуха и воды, радиацией, твердыми отходами, шумом и токсичными веществами. Агентство отвечает за улучшение качества окружающей среды, защиту здоровья людей и разработку природоохранных законов.

В США действует современная система государственного экологического контроля, которая проверяет со-

блюдение установленных нормативных требований к качеству окружающей среды и допустимому негативному воздействию на нее. Она базируется на общем правиле: выброс загрязняющих веществ запрещается, за исключением случаев, когда это допускается принятыми в соответствии с законодательством правилами, а количество и концентрации выбрасываемых загрязняющих веществ лимитируется выданными в установленном порядке сертификатами [3, с. 290].

Предприятия и организации обязаны следить за чистотой окружающей среды. Они должны предотвращать экологические нарушения и немедленно сообщать о них в контролирующие органы. Если выброс загрязняющих веществ превышает допустимые нормы, нужно остановить его и устранить последствия.

Отчеты о количестве и концентрации сбросов загрязняющих веществ нужно предоставлять в EPA по запросу или в установленные сроки.

Основными видами административно-правовых санкций по законодательству США являются:

— предписания о приостановлении, прекращении или запрещении той или иной противоправной деятельности, а также обязательные указания об устранении допущенных нарушений и проведении мероприятий по предотвращению подобных нарушений;

— вето на проекты и программы в случаях невыполнения требований Закона о национальной политике в области окружающей среды (National Environmental Policy Act (NEPA)), предписывающих подготовку заключения о возможных негативных последствиях для окружающей среды в результате их реализации;

— отмена или временное приостановление действия лицензий, свидетельств, регистрации, разрешений и т. п. на виды деятельности, регулируемые соответствующим законодательством;

— отзыв продукции, не соответствующей установленным экологическим требованиям;

— штраф как мера административной ответственности.

Если первые два вида санкций являются «универсальными» в том смысле, что применяются за любые экологические правонарушения и предусмотрены всеми природоохранными законами, то отмена или приостановление действия лицензии, свидетельства, регистрации, разрешения, а также отзыв не соответствующей экологическим требованиям продукции — санкции специфические, применяемые только в случаях выявления определенных нарушений [3, с. 344].

При применении административно-правовых санкций, в том числе административных штрафов, в соответствии с американским правом от юридических лиц не требуется доказательств вины нарушителя. Для этого достаточно выявить лишь факт нарушения установленных требований и установить причинно-следственную связь между этим нарушением и наступившими отрицательными последствиями.

Федеральные законы устанавливают административные санкции и процедуры их применения федеральными надзорными органами, тогда как законы каждого штата определяют санкции и порядок их применения соответствующими органами штата.

Если такие санкции, как запреты, предписания, указания в федеральном законодательстве и законодательстве штатов, аналогичны, то взыскиваемые с нарушителей штрафы могут быть различными.

Рассмотрим примеры таких штрафов. В соответствии с Законом о чистоте вод [5] ЕРА имеет право взыскать с нарушителя штраф в размере до 25 000 долларов за выброс загрязняющих веществ в воду с нарушением установленных норм, требований и правил. В тех случаях, когда нарушение носит длительный характер, взыскивается штраф в размере до 10 000 долларов за каждый день в течение всего срока нарушения, но не свыше 125 000 долларов (§ 309 (g)).

За выброс нефти или вредных загрязняющих веществ в воду ответственная сторона уплачивает штраф в размере 25 000 долларов за каждый день нарушения или штраф в размере 1000 долларов за каждый баррель нефти либо за каждое содержащее вредные загрязняющие вещества затаренное (упаковочное) место (§ 311 (7) (A)).

В случаях, когда ответственная сторона не выполнила предписание контролирующего органа о проведении очистных работ, с нее может быть взыскан штраф в размере до 25 000 долларов за каждый день нарушения либо трехкратная стоимость расходов на проведение этих работ (§ 311 (7) (B) ii).

Если в действиях ответственной стороны установлены умысел или «грубая неосторожность», с нее может быть взыскан штраф в размере не менее 100 000 долларов, но не более чем 3000 долларов за баррель нефти или каждое содержащее вредные загрязняющие вещества затаренное (упаковочное) место (§ 311 (7) (D)).

При определении размера штрафа, который должен быть взыскан, контролирующие органы ЕРА и штатов учитывают несколько ключевых факторов. Во-первых,

это тяжесть нарушения. Во-вторых, анализируется, какие экономические выгоды получил нарушитель в результате своих действий. Также важно, были ли ранее зафиксированы подобные нарушения и какие меры принимались для их предотвращения или устранения последствий. Дополнительно рассматривается, как взыскание штрафа повлияет на финансовое положение нарушителя, и учитываются другие значимые обстоятельства.

Порядок применения административно-правовых санкций ЕРА и его контролирующими органами включает несколько этапов. Установив факт экологического правонарушения, ЕРА вправе выбрать один из двух путей:

1) ЕРА направляет официальное уведомление о правонарушении нарушителю и соответствующему контролирующему органу штата. Если в течение 30 дней не будут приняты надлежащие меры по устранению данного нарушения, ЕРА либо самостоятельно применяет данные санкции, либо предъявляет гражданский иск в суд. Если правонарушение вызвало чрезвычайную экологическую ситуацию, представляющую опасность для жизни и здоровья людей, ЕРА обязано выдать предписание о запрете производства немедленно.

Указанные действия ЕРА основаны на том, что ответственность за обеспечение соблюдения установленных требований возложена прежде всего на штат, ЕРА лишь страхует действия контролирующих органов штата, следит за тем, чтобы допущенные нарушения были устранены. И только когда это не сделано, ЕРА использует свои властные полномочия;

2) ЕРА сразу выдает предписание только нарушителю либо предъявляет ему гражданский иск без предварительного уведомления органа штата, не дожидаясь результата его действий. В предписании указываются сущность нарушений и срок, в течение которого они должны быть устранены. Срок не должен превышать 30 дней. До вынесения решения о взыскании штрафа ЕРА обязано предварительно уведомить нарушителя, который вправе потребовать рассмотрения дела в административном суде ЕРА, представив в течение 30 дней свои возражения и соответствующие доказательства.

По результатам инспекционных проверок, выявивших экологические правонарушения, ЕРА и контролирующие органы штатов широко используют правовую форму соглашений. Заключаются такие соглашения с предприятиями-нарушителями, это позволяет избежать дорогостоящих и длительных судебных разбирательств. Наряду с контролирующими органами ЕРА и штатов, участниками соглашений могут быть государственные органы управления (федеральные и штатов), органы прокуратуры.

Эти соглашения заключаются после предъявления контролирующим органом иска к экологическому правонарушителю, но до вынесения судебного решения. По своей юридической природе, добровольное соглашение сторон вступает в силу только после утверждения его судом. Нарушитель обязуется провести определенные ме-

роприятия, направленные на прекращение, устранение причин и предотвращение выявленных нарушений и восстановление качества окружающей среды, а также заплатить штраф. В свою очередь, контролирующий орган отказывается от дальнейшего рассмотрения судом своих исковых требований, предъявленных в связи с выявленным нарушением. Соглашение после утверждения его судом обязательно для сторон, как и любое вынесенное судом решение.

Таким образом, действующая в США система государственного экологического контроля достаточно эффек-

тивна и играет важную роль в деле улучшения качества окружающей среды.

Исследование системы государственного экологического надзора в США, включая организацию работы контролирующих структур как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, а также их взаимодействие с правоохранительными органами, представляет значительный интерес для специалистов в области охраны окружающей среды. Положительный опыт, накопленный в этой сфере, может быть полезен при улучшении российского законодательства и практики его реализации.

Литература:

1. Здунова Д. И. Роль и значение поощрительных санкций // Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Казань : Отечество, 2018. — С. 25–31.
2. Фридмэн Л. Введение в американское право. — Москва : Издательская группа «Прогресс-Универс», 1992. — 284 с.
3. Брославский Л. И. Экология и охрана окружающей среды: законы и реалии США, России и Евросоюзе : монография / Л. И. Брославский. — Москва : ИНФРА-М, 2024. — 582 с.
4. Агентство по охране окружающей среды (EPA) США : [сайт]. — URL: <http://www.epa.gov> (дата обращения 1.10.2025).
5. Summary of the Clean Water Act // United States Environmental Protection Agency : [сайт]. — §§ 309–311. — URL: <https://www.epa.gov/laws-regulations/summary-clean-water-act> (дата обращения: 20.11.2025).

Проблемы правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства

Коржакова Дарья Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Тархова Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье рассматриваются проблемы правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства. В рамках этого изучены подходы к определению термина «опека и попечительство», проанализирован порядок назначения лиц, которые претендуют на статус опекуна, вопрос квалифицированности и отсутствия необходимых навыков у опекунов и попечителей, а также иные проблемы. При этом предложены возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: опека, попечительство, органы опеки и попечительства, актуальные проблемы, правовое регулирования.

Правовая система каждого государства, наряду со всем прочим, определяет наиболее важные направления государственной политики, а также совокупность методов и способов их реализации. В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации, Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, которые обеспечивают достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

При этом органы опеки и попечительства выполняют важнейшую функцию, а именно защищают права несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. Учитывая то, что в России уделяется пристальное внимание обеспечению нормальных условия развития для несовершеннолетних, проблема правового регулирования

деятельности органов опеки и попечительства является весьма актуальной. Действующее законодательство, включающее в себя различные нормативные правовые акты, должны обеспечивать эффективное регулирование взаимоотношений опекунов, попечителей, несовершеннолетних и государства.

Так, опека и попечительство над несовершеннолетними — это институты, деятельность которых направлена на обеспечение защиты прав и законных интересов детей. Порядок деятельности органов опеки и попечительства регламентирован, в том числе, Федеральным законом от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее по тексту — ФЗ «Об опеке и попечительстве») [2, ст. 1755]. Важно понимать, что от эффективности деятельности

органов опеки и попечительства зависит степень реализации прав несовершеннолетних, которые в ином случае не смогут нормально развиваться и быть достойными членами общества. В связи с этим, необходимо системно и последовательно совершенствовать правовые механизмы помощи и поддержки несовершеннолетних детей.

В соответствии с частью 1 статьи 38 Конституции РФ, материнство, детство и семья охраняются государством. Это является дополнительным подтверждением того, что охрана прав и интересов детей, а в особенности оставшихся без попечения родителей, является проблемой государственного масштаба.

Таким образом, актуальность исследования определяется тем, что органы опеки и попечительства выступают в качестве важнейшего структурного элемента системы государственного механизма, предназначенного для воспитания дееспособности несовершеннолетних лиц, защиты прав и интересов недееспособных лиц.

Исследуя проблемы правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства, прежде всего, следует проанализировать подходы к определению понятий «опека» и «попечительство».

Так, в ФЗ «Об опеке и попечительстве» законодателем достаточно скрупулезно определены общественные отношения в сфере опеки и попечительства. Наряду с этим, в указанном федеральном законе содержатся легальные определения данных понятий. При этом название и содержание рассматриваемого федерального закона позволяют заключить, что термины «опека» и «попечительство» недопустимо рассматривать в качестве синонимов либо понятий, которые дополняют друг друга. Очевидно, данные понятия направлены на специфический субъектный состав. В связи с этим, является недопустимым рассматривать их в ином соотношении.

В соответствии со статьей 2 ФЗ «Об опеке и попечительстве», опека — это «форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста четырнадцати лет несовершеннолетних граждан) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия». В этой же статье рассматриваемого федерального закона определено, что попечительство — это «форма устройства несовершеннолетних граждан в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и граждан, ограниченных судом в дееспособности, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (попечители) обязаны оказывать несовершеннолетним подопечным содействие в осуществлении их прав и исполнении обязанностей, охранять несовершеннолетних подопечных от злоупотреблений со стороны третьих лиц, а также давать согласие совершеннолетним подопечным на совершение ими действий в соответствии со статьей 30 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Анализируя легальные определения рассматриваемых понятий, следует заключить, что положения ФЗ «Об опеке и попечительстве» в сущности дублируют положения Гражданского кодекса РФ и Семейного кодекса РФ относительно опеки и попечительства над несовершеннолетними. Кроме того, ряд ученых считают легальные определения данных понятий весьма спорными.

Так, Ю. Н. Аргунова считает, что легальное определение дефиниции «опека» не соответствует реальным целям опеки [3, с. 14]. Отметим, что основные цели опеки заключаются в том, чтобы защитить права и законные интересы соответствующих лиц, в том числе недееспособных, несовершеннолетних.

В свою очередь, М. Н. Шаршак отмечает, что сформулировать единое понятие «опека и попечительство» не представляется возможным, так как данные термины касаются весьма обширного круга отношений [4, с. 430].

Таким образом, легальные определения понятий «опека», «попечительство» подвергаются определенной критике в научной литературе. Однако в современное время терминологические аспекты правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства не являются первостепенными. Более того, для изменения терминологической основы ФЗ «Об опеке и попечительстве» необходимо решить проблемы практического характера. В связи с этим, далее рассмотрим некоторые проблемы правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Так, в практической деятельности зачастую возникает проблема неисполнения опекунами и попечителями обязанностей, возложенных на них. Причиной тому порой служит низкая квалифицированность таких лиц. Очевидно, любой факт неисполнения опекунами и попечителями соответствующих обязанностей следует рассматривать как нарушение действующего законодательства в рассматриваемой сфере [5, с. 56–60].

В главе 5 ФЗ «Об опеке и попечительстве» определен порядок надзора за деятельностью опекунов и попечителей, порядок подачи ими отчета, а также их ответственность. Так, в статье 26 рассматриваемого федерального закона определено, что опекуны и попечители несут административную ответственность, уголовную ответственность за свои действия и бездействие.

С учетом этого является очевидной необходимость минимизировать риск возникновения конфликтных ситуаций в части соблюдения прав и законных интересов подопечных посредством скрупулезного и детального определения прав и обязанностей опекуна в договоре. Наряду с правами и обязанностями, необходимо включать в такой договор меры ответственности за действия и бездействие опекунов, повлекшие нарушение прав и законных интересов подопечных. При этом необходимо учитывать особенности административного и уголовного законодательства с точки зрения установления наличия состава административного правонарушения либо преступления [6, с. 46–48].

В качестве примера из судебной практики рассмотрим Решение Вольского районного суда Саратовской области по делу № 2А-86/2025. Так, опекун обратился в суд с иском к Администрации района о признании незаконным постановления об отстранении от исполнения обязанностей опекуна. Истец указывал, что не допускал каких-либо нарушений, влекущих принятие такого решения. Однако представитель ответчика пояснил, что основанием для принятия такого решения стало то, что сотрудниками МУ МВД России «Балаковское» было установлено, что в семье имеет место конфликт, семейное насилие, вследствие чего ребенок не желает возвращаться в семью опекуна. По данному факту был составлен акт. В связи с чем ответчик посчитал принятое решение законным и обоснованным. Суд, выслушав доводы сторон, проанализировав материалы дела, принял решение об отказе в удовлетворении иска [7].

В данном случае является очевидным то, что права и интересы ребенка были нарушены опекуном. Кроме того, сотрудниками полиции был установлен факт семейного насилия. При этом действующим уголовным законодательством предусмотрена уголовная ответственность за различные деяния, повлекшие нанесение телесных повреждений. В частности, уголовная ответственность за причинение вреда здоровью предусмотрена целым рядом статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) в зависимости от степени тяжести причиненного вреда. В случае, если причинен хотя бы легкий вред здоровью, опекун, как и любое другое лицо, будет привлечено к уголовной ответственности. В данном случае наличие соответствующего квалифицирующего признака по степени тяжести причиненного вреда здоровью приводит к тому, что в каких-либо изменениях отсутствует необходимость.

Однако иначе дело обстоит с побоями. Так, за побои предусмотрена административная и уголовная ответственность. В случае со статьей 116 УК РФ («Побои»), имеются определенные квалифицирующие признаки, позволяющие привлечь к уголовной ответственности лиц за побои при определенных обстоятельствах [8]. Во всех остальных случаях соответствующее лицо привлекается к административной ответственности. В силу особой значимости защиты прав подопечных видится целесообразным дополнить первый абзац статьи 116 УК РФ после слов «в отношении какой-либо социальной группы» следующим словосочетанием: «или лица, находящегося под опекой». В данном случае повышенная ответственность опекунов и попечителей за нарушение прав подопечных позволит минимизировать такие случаи.

Следующая проблема связана с возникновением случаев, когда опека либо попечительство над несовершеннолетними отменены на основании принятия государственным органом соответствующего решения. Речь идет о решениях, влекущих отстранение опекуна либо попечителя от исполнения возложенных на них обязанностей. Вместе с тем зачастую подобное решение может быть принято и непосредственно опекуном (попечителем).

При этом в случае отстранения от исполнения обязанностей опекуна (попечителя) по инициативе уполномоченного государственного органа имеет место стремление государства к реализации охранительной функции. Данные действия направлены на то, чтобы защитить подопечных от неправомерных действий опекунов (попечителей). В данном случае порядок действий в целом понятен, так как существует процедура отстранения. Однако не во всех случаях соответствующие решения органов опеки и попечительства могут быть законными и обоснованными.

В качестве примера из судебной практики рассмотрим Решение Уссурийского районного суда Приморского края по делу № 2–4692/2023. Так, органом опеки и попечительства было принято решение об освобождении опекунов от исполнения обязанностей и передаче ребенка в семью отца. Истец обратился в суд с иском о признании данного решения незаконным и необоснованным, ссылаясь на то, что органы опеки не провели психологическое обследование ребенка с опекунами, не установили привязанность ребенка к опекунам, а также его отношения с биологическим отцом, обстановкой в семье, где ребенку предстояло проживать. Суд, изучив доводы сторон, принял решение об удовлетворении иска, в связи с чем решение органа опеки и попечительства было признано незаконным и необоснованным, так как доводы истца были подтверждены [9].

Соответственно, в некоторых случаях представители органов опеки и попечительства принимают формальные решения, не разобравшись всемерно в сложившейся ситуации. Это может привести к тому, что ребенку будет причинен вред, так как не всегда биологические родители могут воспитать ребенка лучше, чем приемные. Для решения проблемы принятия органами опеки и попечительства поспешных и необъективных решений видится целесообразным предусмотреть механизм оперативного обращения в вышестоящий орган в случае, если инициатор обращения считает принятое органом опеки и попечительства решение, затрагивающее права и интересы ребенка, незаконным и необоснованным. На практике это позволит ужесточить ответственность должностных лиц органов опеки и попечительства посредством ужесточения дисциплинарной ответственности.

Таким образом, наличие рассмотренных проблем препятствует эффективности деятельности органов опеки и попечительства. Для их решения необходим комплексный, системный подход, включающий в себя внесение необходимых поправок в действующее законодательство, создание механизмов контроля деятельности опекунов и попечителей. Кроме того, для полного решения проблем в сфере правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства необходимо параллельно с этим развивать систему образования и механизмы информирования общественности. Все это должно в совокупности способствовать формированию культуры ответственного родительства, созданию равных возможностей, повышению общественного сознания.

В таком случае станет возможным обеспечение должного уровня защиты прав детей.

Для решения выявленных проблем правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства видится целесообразным предпринять следующие меры:

1. дополнить первый абзац статьи 116 УК РФ после слов «в отношении какой-либо социальной группы» сле-

дующим словосочетанием: «или лица, находящегося под опекой»;

2. предусмотреть механизм оперативного обращения в вышестоящий орган в случае, если инициатор обращения считает принятое органом опеки и попечительства решение, затрагивающее права и интересы ребенка, незаконным и необоснованным.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
3. Аргунова Ю. Н. Опека над недееспособными / Ю. Н. Аргунова // Независимый психиатрический журнал. 2015 № 2 С. 14–15.
4. Шаршак М. Н. Многоаспектность понятия опеки и попечительства / М. Н. Шаршак // Юридический институт СКФУ. Сборник трудов конференции. 2020. С. 430–433.
5. Курочкина М. Н. Некоторые вопросы совершенствования законодательства о приемной семье / М. Н. Курочкина // Социс. 2022. № 6. С.56–60.
6. Салтыкова Д. В. Перспективы развития российского законодательства, регламентирующего деятельность органов опеки и попечительства в отношении детей / Д. В. Салтыкова // Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. 2024. № 4–2 (271). С.46–48.
7. Решение Вольского районного суда Саратовской области по делу № 2А-86/2025. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CaHiSElJoqLh/>. (дата обращения: 01.11.2025).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 17 июня 1996 года № 25 ст. 2954.
9. Решение Уссурийского районного суда Приморского края по делу № 2–4692/2023. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZFHp8ETzh2bx/>. (дата обращения: 02.11.2025).
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст.3301.
11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1 Ст.16.
12. Дудкина М. М. Взаимодействие органов опеки и попечительства с органами государственной регистрации гражданского состояния / М. М. Дудкина // Научный альманах. 2024. № 10–3 (120). С. 15–17.
13. Краснюк Д. С. Органы опеки и попечительства в механизме защиты прав ребенка в Российской Федерации / Д. С. Краснюк // Интернаука. 2024. № 41–3 (358). С. 16–17.
14. Парий-Сергеенко Е. П. Проблемы правового регулирования института опеки и попечительства / Е. П. Парий-Сергеенко // Научный журнал «Эномен». 2022. № 68. С.260–268.
15. Полежаева Ю. Н. Недостатки в деятельности органов опеки и попечительства / Ю. Н. Полежаева // Вестник Академии управления и производства. 2025. № 2. С.664–667.

Институт приемной семьи: актуальные проблемы

Коржакова Дарья Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Тархова Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты правового регулирования института приемной семьи. При этом выявлены актуальные проблемы института приемной семьи и сформулированы возможные пути их решения. В частности, рассмотрены некоторые подходы к определению понятия «приемная семья», особенности решения вопроса передачи приемным родителям детей, оставшихся без попечения биологических родителей, в том числе проблема содержания программы подготовки потенциальных приемных родителей. На основании рассмотренных проблем предложены возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: приемная семья, приемные родители, права и обязанности приемных родителей, специальная подготовка приемных родителей, развитие детей, благоприятные условия, семейное право, реализация прав детей.

Защита прав детей является важным ориентиром государственной политики России. Это подтверждается тем, что данная сфера отношений регламентирована как положениями Конституции РФ, так и иными нормативными правовыми актами. Например, в соответствии с частью 4 статьи 67.1 Конституции РФ, государство обязано создавать благоприятные условия для развития детей [1].

Естественно, в большинстве случаев воспитанием и обеспечением всем необходимым детей занимаются родители, однако государство взяло на себя обязательства защиты прав и интересов детей в тех случаях, когда это необходимо. Ведь многие несовершеннолетние не имеют возможности жить в нормальных условиях, получать образование. В связи с этим, законодателем регламентированы определенные способы и формы реализации прав детей, оставшихся без попечения родителей. Важнейшей такой формой является институт приемной семьи.

Актуальность исследования правовых проблем института приемной семьи определяется тем, что в Российской Федерации защита и реализация прав детей является приоритетным направлением государственной политики. При этом дети, оставшиеся без попечения биологических родителей, нуждаются в особой защите, так как самостоятельно не способны отстаивать свои права. Более того, в данном случае от эффективности механизма защиты и реализации прав детей всецело зависит уровень развития несовершеннолетних.

Вместе с тем, на официальном сайте Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка отмечено, что в 2024 году в России было 340 055 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [2]. При этом на официальном сайте Министерства просвещения Российской Федерации указано, что на конец 2024 года в приемную семью было устроено 307 205 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [3]. Соответственно, более 90 % таких детей воспитывается в приемной семье. В свою очередь, из статистики, содержащейся на официальном сайте Правительства Ростовской области, следует, что в данном субъекте России в приемных семьях воспитывается и вовсе более 94 % детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [4].

Таким образом, приемная семья является наиболее распространенной формой устройства на воспитание детей, оставшихся без попечения биологических родителей. Данное обстоятельство позволяет заключить об исключительной актуальности повышения эффективности правового регулирования института приемной семьи.

Рассматривая проблемы правового регулирования института приемной семьи, необходимо, прежде всего, проанализировать основные подходы к определению понятия «приемная семья». Необходимость этого определяется

тем, что в научной литературе существуют различные подходы к определению данного понятия.

Например, по мнению Т. В. Тетериной, приемную семью следует рассматривать в качестве гибридной формы устройства детей, включающей в себя отличительные признаки опеки и усыновления (удочерения) [5, с. 33–34]. В свою очередь, Е. О. Ананьева полагает, что приемную семью можно определить как платную форму опеки (попечительства), осуществляемой на основании заключения договора [6, с. 15–17].

Данные понятия являются достаточно удачными и лаконичными. Думается, приемную семью следует рассматривать как один из институтов семейного права, который отличается существенными особенностями, не позволяющими приравнивать его к опеке (попечительству) или усыновлению (удочерению).

Вместе с тем, логика названных авторов понятна. Так, в пункте 1 статьи 152 Семейного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — СК РФ) определено, что приемная семья — это опека (попечительство), осуществляемое на основании договора, заключенного между приемным родителем и органом опеки и попечительства. Следует отметить, что заключаемый приемным родителем и органом опеки и попечительства договор является срочным [7].

Однако существует и более детальное определение рассматриваемого понятия через рассмотрение правового статуса приемного родителя. Так, в пункте 4 Постановления правительства РФ от 18 мая 2009 года № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» определено, что приемный родитель — это законный представитель ребенка, который принят на воспитание [8]. В соответствии с этим, приемный родитель без наделения тех или иных особых полномочий правомочен защищать права и интересы несовершеннолетнего ребенка во всех отношениях.

Таким образом, несмотря на наличие различных подходов к определению рассматриваемого понятия, видится целесообразным основываться на легальных определениях, определенных положениями рассмотренных правовых документов. Соответственно, приемная семья — это особая форма устройства в семью ребенка, который утратил связь с биологическими родителями, направленная на обеспечения благоприятных условий для его развития и социализации.

Далее следует рассмотреть порядок заключения договора о приемной семье. Так, далеко не каждый человек может заключить договор о приемной семье. Это связано с тем, что к кандидатам предъявляются определенные требования. При этом в статье 146 СК РФ определены конкретные обстоятельства, при наличии которых заключение с соответствующим лицом такого договора невозможно. Наряду с указанными критериями,

существенное значение имеет и совокупность индивидуальных личностных качеств кандидата в приемные родители. При этом тщательно анализируется способность такого лица обеспечить ребенку необходимо условия.

Как отмечает Т. В. Тетерина, в рамках решения вопроса о заключении договора с приемным родителем, ключевое значение имеет то, насколько это соответствует интересам ребенка. Речь идет о том, сможет ли ребенок в приемной семье воспитываться, развиваться как личность, правильно социализироваться. Однако органы опеки и попечительства в обязательном порядке должны исходить из первоочередности обеспечения безопасности ребенка и нивелированию рисков отрицательного влияния со стороны лица, претендующего на заключение договора о приемной семье.

Важным условием для лица, претендующего на заключение договора о приемной семье, является и его психологическая зрелость. Речь идет о том, что такое лицо должно быть способно без затруднений успешно контактировать с приемным ребенком. Данное требование имеет важное значение и связано с тем, что воспитание ребенка в приемной семье подразумевает не только то, что его нужно обеспечивать жильем, едой и одеждой. Кроме того, приемный родитель должен сформировать четкую психологическую связь с ребенком, вызывать у него доверие и симпатию.

В случае несоответствия лица, претендующего на заключение рассматриваемого договора, существенно повышаются риски негативного влияния на психическое и эмоциональное состояние ребенка. Так, в случае отсутствия психологического контакта ребенок будет испытывать постоянное напряжение, недоверие и стресс. Очевидно, это может нанести вред здоровью ребенка. Как итог, в таких условиях приемный родитель не сможет реализовать основную функцию приемной семьи — сформировать физически и духовно здоровую и развитую личность [9, с. 22–25].

В пункте 6 статьи 127 СК РФ определено, что лица, желающие принять на воспитание ребенка, должны пройти подготовку по программе, утвержденной органами исполнительной власти субъектов России. Данная программа направлена непосредственно на психолого-педагогическую и правовую подготовку таких лиц. Важно отметить, что указанная программа утверждена Приказом Министерства образования и науки РФ от 20 августа 2012 г. № 623 [10].

Однако данная программа утверждена в 2012 году. В современное время некоторые ученые считают, что ее содержание не в полной мере соответствует современным реалиям. Например, С. В. Доржиева выделяет четыре основных проблемных вопроса в данной сфере [11, с. 208]. Во-первых, программа не предполагает обучение будущих приемных родителей. Это приводит к тому, что они не осознают потенциальные трудности, что существенно усложняет взаимопонимание в приемной семье. Во-вторых, отмечается, что зачастую будущие приемные родители не обладают начальными родительскими компетенциями,

включая родительский опыт, устойчивую мотивацию к воспитанию ребенка. В-третьих, зачастую ожидания приемных родителей и объективная реальность не совпадают. Главная причина этого заключается в стереотипном мышлении и не понимании специфики воспитания приемных детей. В-четвертых, приемные родители порой не справляются с эмоциональными трудностями, что оказывает негативное влияние на психологический климат в приемной семье.

Следует согласиться с данным подходом. Для решения указанной проблемы важно при подготовке будущих приемных родителей акцентировать внимание на психических и иных особенностях приемного ребенка, многие из которых уже столкнулись с существенными трудностями, затрудняющими их нормальное развитие.

В качестве примера из судебной практики проанализируем Решение Луховицкого районного суда Московской области от 29 января 2020 г. по делу № 2А-87/2020. Так, истцы обратились в суд для того, чтобы оспорить невозможность стать приемными родителями. В обосновании своего иска истцы привели довод о том, что они уже являются приемными родителями троих детей, но желают принять в свою семью еще ребенка. В связи с этим, они обратились в орган опеки и попечительства, однако им было отказано в принятии в семью других детей.

Судом было отказано в удовлетворении иска. Так, суд исходил из того, что истец злоупотреблял спиртными напитками и несколько раз привлекался к административной ответственности на этой почве. При этом до этого такого за истцом не наблюдалось. Кроме того, суд учел то, что, со слов представителей детского сада, в который ходила приемная дочь истцов, они не посещали родительские собрания и другие мероприятия.

Наряду с этим, представители детского сада пояснили, что истица, общаясь со своей приемной дочерью, была замечена в использовании оскорбительных слов и грубого тона разговора. При этом такое поведение истицы обосновывается тем, что приемная дочь что-то не умеет или не знает. Соответственно, истица не наладила эмоциональный контакт с приемной дочерью, а также даже не стремится к этому. В результате такого поведения истцов приемная дочь боялась свою приемную мать, в связи с чем испытывала определенные трудности контакта с другими взрослыми людьми и своими сверстниками. Более того, истцы отказались от предложения обращения в специализированный центр для работы с психологами с целью повышения их навыков воспитания с детьми, обращения с ними. На основании этого суд отказал в удовлетворении иска [12].

Далее следует отметить, что многие дети, которые остались без попечения родителей, испытывали различные жизненные трудности, терпели негативное влияние и отношение. Поэтому умение приемных родителей контактировать и общаться с приемными детьми имеет ключевое значение. Если у потенциальных приемных родителей отсутствуют знания и навыки общения с детьми, их воспитания и развития, то невозможен и близкий эмоцио-

нальный контакт с приемными детьми. Кроме того, невозможно построить доверительные отношения, что со временем негативно скажется на здоровье приемных детей. Соответственно, в таких условиях станет невозможным реализовать основную функцию приемной семьи.

В связи с этим, законодателем предусмотрена необходимость обязательного прохождения специальной подготовки лицами, которые хотят принять в семью приемного ребенка. Порядок и содержание данной программы регламентирован Приказом Министерства образования и науки РФ от 20 августа 2012 года № 623. Однако, по мнению некоторых ученых, усвоение данной программы является недостаточным для того, чтобы обеспечивать приемным детям необходимые условия для их развития, воспитания. Данный факт, к тому же, подтверждается рассмотренным примером из судебной практики.

Причины недостаточности такой подготовки заключаются в том, что в рамках прохождения программы не уделяется достаточно внимания изучению специфики психологии детей. Думается, это является наиболее важным для потенциальных приемных родителей. Другой проблемой является то, что содержание данной программы характеризуется преимущественно теоретической направленностью. Думается, в рамках прохождения специализированной подготовки потенциальных приемных родителей преимущественное внимание должно уделяться не рассмотрению многочисленных терминов, понятий и правовых норм. Это, скорее, должно быть вводной частью. При этом преимущественное внимание требуется уделять обучению методике воспитания и развития детей, налаживанию с ними доверительных отношений, поддержанию положительного психологического климата в семье.

В содержательной части определены проблемы в сфере института приемной семьи. Учитывая значимость приемной семьи как формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, их решение является весьма значимым.

В ходе исследования было установлено, что в практической деятельности встречаются случаи, когда потенциальные родители желают взять в семью ребенка, однако им не всегда предоставляется такая возможность. Причины, по которым потенциальным приемным родителям может быть отказано, рассмотрены ранее. Одной из ключевых причин принятия отрицательного решения в данном случае является то, что потенциальные приемные родители не обладают необходимой психологической подготовкой. Очевидно, в таких случаях такие лица не будут способны в полной мере обеспечить развитие и социализацию ребенка.

В таких ситуациях очевидна необходимость принятия органами опеки и попечительства отрицатель-

ного решения. При этом видится целесообразным внесение изменений в действующее законодательство в части возложения на приемных родителей прохождения дополнительной подготовки в случаях, если органами опеки и попечительства либо иными государственными органами, представителями общественности выявлен факт неподобающего поведения. Речь идет о тех случаях, когда поведение и модель взаимодействия приемных родителей с ребенком напрямую затрагивает права ребенка.

С другой стороны, для минимизации таких ситуаций необходимо также усовершенствовать программу первоначальной подготовки потенциальных приемных родителей. Так, видится целесообразным смещение приоритета с рассмотрения теоретических аспектов воспитания на практические вопросы, что обеспечит более эффективное развитие и социализацию детей. В ходе этого положительное влияние может оказать изучение негативных примеров, связанных с негативным влиянием на детей из-за отсутствия психологического контакта с приемными детьми и иными значимыми аспектами воспитания и развития детей в приемной семье. Теоретическую часть также необходимо видоизменить с уклоном на изучение специфики психологии детей разного возраста.

Таким образом, приемная семья является важнейшей формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, самостоятельным институтом семейного права. От эффективности правового регулирования института приемной семьи и практической реализации соответствующих правовых норм напрямую зависит степень воспитания и развития детей, которые лишены возможности жить с родными родителями.

Для совершенствования правового регулирования института приемной семьи видится целесообразным следующее:

1. Внести изменения в Приказ Министерства образования и науки РФ от 20 августа 2012 г. № 623, а именно уменьшить теоретическую составляющую программы и ввести в нее практико-ориентированные занятия, позволяющие обучить будущих приемных родителей навыком решения проблем при воспитании приемных детей, которые потенциально могут возникнуть;
2. Пункт 6 статьи 127 СК РФ дополнить абзацем: «В случае установления факта неисполнения либо ненадлежащего исполнения приемными родителями возложенных на них обязанностей, осуществляется обязательная дополнительная подготовка»;
3. Разработать программу обязательной дополнительной подготовки, которая должна проводиться с привлечением психологов и иных специалистов в целях формирования у приемных родителей необходимых знаний и навыков.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.

2. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: официальный сайт. — URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1535>. (дата обращения: 11.10.2025).
3. Министерство просвещения Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans. (дата обращения: 10.10.2025).
4. Правительство Ростовской области: официальный сайт. — URL: <https://www.donland.ru/news/23162/> (дата обращения: 10.10.2025).
5. Тетерина Т. В. Содержание договора о приемной семье: отдельные аспекты / Т. В. Тетерина // Экономика, социология и право. 2019. № 2. С. 33–34.
6. Ананьева Е. О. Договор о приемной семье: проблемы законодательного регулирования / Е. О. Ананьева // Юридический мир. 2020. № 7. С. 15–17.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1 Ст.16.
8. Постановление правительства РФ от 18 мая 2009 года № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» // Российская газета. 27 мая 2009 года. № 94.
9. Явон С. В. Взаимоотношения в приемных семьях: проблема привязанности / С. В. Явон, М. В. Башкирова // Технолоогизация социо-экономической сферы. 2024. Т. 2. № 2 (3). С. 22–25.
10. Приказ Министерства образования и науки РФ от 20 августа 2012 г. № 623 «Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации» // Российская газета от 31 августа 2012 г. № 200.
11. Доржиева С. В. Приемная семья: прошлое, настоящее, будущее: монография / С. В. Доржиева, А. Н. Левушкин. — Москва: Издательство «Проспект», 2025. — 208 с.
12. Решение Луховицкого районного суда Московской области от 29 января 2020 г. по делу № 2А-87/2020: официальный сайт. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/roXWoOksh0rQ/>. (дата обращения: 09.10.2025).
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст.3301.
14. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 февраля 2014 г. № 7. Ст. 735.
16. Митцукова Г. А. Экономико-правовые основы приемной семьи в Российской Федерации / Г. А. Митцукова, Т. В. Шалаумова // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 376–378.

Характеристика и место договорной ответственности среди других видов гражданско-правовой ответственности в институте гражданского права

Крутова Елена Владиславовна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматриваются результаты проведенного автором исследования института договорной ответственности как вида гражданско-правовой ответственности в гражданском праве.

Ключевые слова: договорная ответственность, гражданско-правовая ответственность, договор, обязательства, гражданские правоотношения.

Актуальность настоящего исследования подтверждается непрерывным развитием договорной ответственности как правового инструмента. Данное развитие обусловлено тем, что в современных гражданско-правовых правоотношениях заключается все больше договоров, заключаемых, при этом, в различных сферах деятельности человека, и как следствие, возникает больше

случаев, когда одна из сторон договора нарушает обязательства, установленные соответствующим договором.

Являясь видом гражданско-правовой ответственности, договорную ответственность можно определить следующим образом. Она представляет из себя следствие осуществленного нарушения стороной договорного правоотношения того обязательства, которое было при-

нято ей посредством заключенного договора. Соответствующее нарушение выражается в неисполнении или же в ненадлежащем исполнении одной из сторон договорных правоотношений обязательства, установленного соответствующим договором.

Говоря о видах гражданско-правовой ответственности в целом, необходимо указать на то, что они делятся на две условные категории, по принципу оснований возникновения ответственности, в первую входят договорная и внедоговорная гражданско-правовая ответственность, а во вторую долевая, солидарная, а также субсидиарная ответственность. Принципом разграничения первой категории является наличие или отсутствие между сторонами гражданского правоотношения обязательственных отношений. Принципом разграничения второй категории является распределение ответственности между сторонами гражданского правоотношения. [2, с. 345–346]. Отличительным признаком договорной ответственности является факт наличия между сторонами гражданского правоотношения заключенного договора, а также факт нарушения одной из сторон договорного правоотношения условий заключенного договора.

Договор в гражданском праве служит, прежде всего, способом для установления взаимных прав, а также обязанностей сторон договорного правоотношения, способом закрепления порядка исполнения соответствующих обязанностей, помимо этого, в нем также может быть предусмотрена та ответственность, которая наступит в будущем, в случае нарушения его условий одной из сторон. Таким образом, договор играет очень важную роль в гражданском праве, которую, при этом, сложно переоценить. Следствием заключения между сторонами гражданского правоотношения договора является возникновение тех или иных обязательств, при этом, договор также и является самой распространенной формой возникновения обязательственных правоотношений в гражданском праве в целом. ГК РФ устанавливает обязанность надлежащего исполнения обязательств в соответствии с условиями, установленными соответствующим обязательством, а также в соответствии с требованиями законодательства. Помимо этого, в ГК РФ предусмотрена ответственность, которая возникает в случае нарушения обязательств, закреплены ее основания и формы, что необходимо для обеспечения стабильности, в том числе и в договорных правоотношениях. Основаниями, по общему правилу, являются неисполнение, либо же ненадлежащее исполнение условий определенного обязательства. Перечень форм довольно обширен, но самыми распространенными из них являются: возмещение убытков, штраф, неустойка, взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами, также возможно и прекращение договорных отношений. Но следует отметить, что существуют также и другие, установленные законом и договором виды ответственности.

Гражданский Кодекс на сегодняшний день не содержит закрепленного на законодательном уровне опре-

деления понятия договорной ответственности, однако, исходя из анализа статей ГК РФ, посвященных обязательствам, а также ответственности, возникающей при их нарушении, можно сделать следующий вывод. Договорная ответственность заключается в том, что сторона договорных правоотношений, нарушившая договорные условия, должна понести определенную имущественную ответственность, суть которой, прежде всего, заключается в возмещении того ущерба, который был причинен соответствующим нарушением договорных условий. Таким образом, роль договорной ответственности можно определить как восстановление социальной справедливости, что означает, восстановление нарушенных прав добросовестной стороны договорных правоотношений. Касаясь правового регулирования договорной ответственности, необходимо, прежде всего, выделить ГК РФ, в котором содержатся общие положения об обязательствах, а также виды ответственности за их нарушение. Помимо этого, договорная ответственность может регулироваться иными нормативными актами, содержащими положения об отдельных видах деятельности, либо видах договоров. Также договорная ответственность регулируется непосредственно положениями конкретного договора, в котором предусмотрена ответственность за нарушение его условий.

Отличительной особенностью, характеризующей договорную ответственность, является то, что она устанавливается не только законом, но также может быть определена непосредственно сторонами в договоре. При этом, за нарушение условий заключенного договора виновная сторона несет ответственность вне зависимости от того, прописана в условиях соответствующего договора какая-либо конкретная ответственность или же нет. Таким образом, если в договоре отсутствуют положения об ответственности, в случае нарушения его условий, к нарушителю применяются общие положения, содержащиеся в ГК РФ относительно ответственности за нарушение обязательств. В случае же, если в договоре сторонами определены положения об ответственности при нарушении его условий, к нарушителю, по общему правилу, применяются положения, установленные договором. При этом, положения договора должны учитывать общие нормы гражданского законодательства, в том числе, не противоречить им. Однако, при составлении договора сторонам рекомендуется все же определить ту ответственность, которая будет применяться в случае его нарушения одной из сторон данного правоотношения. А именно, определить вид применяемой ответственности ее объем, а также прописать за нарушение каких конкретно условий соответствующая ответственность будет наступать. [1].

Договорную ответственность в гражданском праве в целом, условно, можно разделить на несколько групп. Первая группа включает ответственность сторон в случае нарушения непосредственно условий заключенного договора. Данное положение является самым распространенным и включает в себя большое количество вариантов

неисполнения стороной договорных правоотношений тех или иных обязательств. Вторую группу составляет ответственность, возникающая в случае причинения ущерба при исполнении договорного обязательства, который может выражаться, например, в виде упущенной выгоды. Третьей группой является ответственность за недобросовестное поведение, таким поведением может быть, к примеру, обман при исполнении обязательств договора. Четвертую группу составляет ответственность, которая наступает при невозможности по каким-либо причинам исполнения условий договора. Пятая, в свою очередь, группа объединяет ту ответственность, которая будет наступать в случае несоблюдения конфиденциальности определенной информации [3]. Следует отметить, что данный перечень групп ответственности является наиболее популярным и устанавливается в достаточно большом количестве заключаемых договоров, однако его нельзя назвать исчерпывающим, поскольку стороны договора вправе предусмотреть и иную, не противоречащую закону ответственность за нарушение тех или иных договорных условий.

Следует отметить, что законом для договорных правоотношений предусмотрено преимущественно диспозитивное регулирование, поскольку при заключении договора стороны, по общему правилу, свободны в определении его условий, в том числе, соответственно, и условий об ответственности в случае его нарушения [4]. Соответственно, участникам договорных правоотношений предоставляется достаточно большая свобода в установлении условий об ответственности в договоре. Однако, законодательство все же содержит общие положения, а также минимальные требования, регулирующие договорные правоотношения. В преимущественном большинстве договоров стороны, все-же, определяют ответственность, которая возникнет в случае нарушения его условий, это позволяет персонализировать договор в соответствии с конкретной сферой деятельности, к которой относится заключенный договор. Ответственность, которая может быть установлена сторонами очень разнообразна, так, к примеру, стороны могут установить ответственность за нарушение срока поставки товара, за неустранение требования по устранению недостатков, присутствующих в определенном товаре, за просрочку оплаты товара или услуги. Ответственность может быть предусмотрена, например, в виде возврата аванса, об обращении взыскания на заложенное имущество, о прекращении действия скидки на оплату товара и так далее. Поскольку на сего-

дняшний день существует множество видов различных гражданских правоотношений, то соответственно и заключается большое количество договоров, которые, при этом, относятся к различным сферам деятельности, что способствует постоянному развитию договорной ответственности, из чего следует, что виды договорной ответственности, которые могут быть установлены сторонами договора, также увеличивается.

Поскольку договорная ответственность возникает вследствие нарушения договорных обязательств, можно сделать вывод, что моментом ее возникновения является сам факт нарушения одной из сторон условий договора. В том случае, если виновная сторона отказывается добровольно нести ответственность за нарушение договора, по общему правилу, к нарушителю применяется, прежде всего, претензионный порядок, а затем, при неисполнении требований претензии, судебный. Следует отметить, что суд вправе уменьшить размер договорной ответственности в том случае, если установит, что он явно несоразмерен тем последствиям, которые возникли после нарушения условий договора. В таком случае суд самостоятельно определяет размер ответственности исходя из оценки обстоятельств конкретного дела, однако здесь идет речь не об изменении судом определённых сторонами видов ответственности, а только лишь о ее снижении, что необходимо для недопущения неосновательного обогащения другой стороны договорных правоотношений. При этом, для того, чтобы суд снизил размер ответственности виновной стороне необходимо доказать несоразмерность ответственности последствиям нарушения того или иного договорного обязательства.

Институт договорной ответственности в гражданском праве играет немаловажную роль. Данная роль заключается, прежде всего, в регулировании правоотношений между субъектами договорного обязательства. Договорная ответственность служит инструментом, необходимым для обеспечения исполнения обязательств, принятых на себя сторонами, заключившими соответствующий договор, поскольку предусматривает санкции за нарушение данных обязательств, тем самым создает условия для стимулирования участников договорного правоотношения надлежащим образом исполнять принятые на себя посредством заключения договора обязательства. Таким образом, основная роль договорной ответственности в гражданском праве заключается в обеспечении защиты прав, а также законных интересов участников договорных правоотношений.

Литература:

1. Иванов А. С. Институт договорной ответственности в гражданском праве РФ // Материалы XXI межрегиональной научной конференции, 2022. С. 221–225.
2. Михайленко Е. М. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для среднего профессионального образования. Москва: Издательство Юрайт, 390 с.
3. Шайхутдинова З. З. Договорная ответственность в гражданском праве // Материалы XXIII Всероссийской ежегодной научно-практической конференции студентов, 2024. С. 275–279.

4. Шевченко К. Р. Институт договорной ответственности в гражданском праве как гарант стабильности экономического развития // Сборник тезисов VI республиканской научно-практической конференции, 2024. С. 364–366.

Допустимость доказательств: вопросы терминологии

Лодкина Виктория Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Барсукова Вероника Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье на основе исторического и сравнительно-правового анализа исследуется проблема отсутствия законодательного определения понятия «допустимость доказательств», что порождает терминологические сложности и правоприменительные противоречия в уголовном и гражданском судопроизводстве, особенно в условиях цифровизации.

Ключевые слова: допустимость доказательств, процессуальное право

Допустимость доказательств, являясь основным свойством, определяющим их юридическую силу в судопроизводстве, остается одной из наиболее дискуссионных и терминологически неопределенных категорий в российской процессуальной науке и практике из-за отсутствия ее официально принятого определения. Как отмечает М. В. Савченкова, «ошибка в определении соответствия доказательств требованиям допустимости может привести к неточному установлению фактических обстоятельств дела, повлечь за собой вынесение незаконного судебного решения» [4].

Заметим, что терминологическая неопределенность понятия «допустимость» не является исключительно современной проблемой. В дореволюционной процессуальной науке данный термин часто использовался в синонимичном ряду с такими понятиями, как «пригодность», «разрешение» или «юридическая сила доказательств». Как указывал И. Я. Фойницкий, ненадлежащие доказательства могут вести суд в ложном направлении, и для его защиты была разработана система правил, определяющих, какие сведения могут быть представлены суду [6]. В советский период, с акцентом на формализованные процедуры, понятие допустимости стало более тесно связываться именно с соблюдением процессуальной формы. М. А. Чельцов связывал допустимость с законодательно установленными источниками доказательственной информации, подчеркивая, что «закон определяет запреты на использование отдельных источников доказательств», таких как анонимные сообщения или показания, основанные на слухах, поскольку их невозможно проверить [6].

В современном УПК РФ вместо официально закрепленного определения допустимого доказательства, статья 75 УПК РФ устанавливает перечень оснований для признания его недопустимым. Это формирует доминирующую в правоприменении презумпцию: доказательство считается допустимым, если не установлено обратное. Такая законодательная конструкция, на наш взгляд, переносит выработку конкретных критериев в сферу доктрины и судебного толкования. Обобщая научные под-

ходы, можно утверждать, что содержание допустимости охватывает законность источника и субъекта получения сведений, строгое соблюдение процессуальной процедуры и надлежащую форму ее фиксации [4].

Цифровая трансформация, в свою очередь, ставит под сомнение традиционные подходы к оценке доказательств. Как отмечают исследователи, уязвимость электронной информации к модификации размывает границы между процессуальной допустимостью и фактической достоверностью, что порождает противоречивую судебную практику [3]. Очевидно, что решение проблемы требует совершенствования процессуальных норм и законодательного закрепления «электронных доказательств» как отдельного вида со специальными правилами оценки.

В гражданском процессе, регулируемом ГПК РФ, понятие допустимости также неразрывно связано с процессуальной формой, но его анализ усложняется тесным переплетением с категориями относимости и достаточности. Согласно статье 59 ГПК РФ, суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела (правило относимости). Допустимость же, в узком смысле, регулируется статьей 60 ГПК РФ, которая гласит: «Обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами». В отличие от уголовного процесса, где суд играет активную роль в сборе доказательств, в гражданском процессе определяющим субъектом доказывания является суд, но инициатива в представлении доказательств лежит на сторонах. Суд, как отмечают В. В. Назаров и А. Д. Золотухин, «устанавливая обстоятельства предмета доказывания, определяет и организует процессуальное поведение лиц, участвующих в деле, по доказыванию именно тех обстоятельств, на которые он указал» [5].

Особую терминологическую и практическую проблему в гражданском процессе, как нам кажется, создает положение части 6 статьи 330 ГПК РФ, согласно которому «правильное по существу решение суда первой инстанции

не может быть отменено по одним только формальным соображениям». Данная норма создает парадоксальную ситуацию: нарушение процессуальной формы получения доказательства, которое напрямую затрагивает его допустимость, может быть проигнорировано вышестоящим судом, если он сочтет итоговое решение верным. Это положение, по мнению В. В. Назарова и А. Д. Золотухина, не соответствует принципу законности и фактически девальвирует значимость института допустимости, превращая его из строгого процессуального фильтра в факкультативное правило. Таким образом, в гражданском процессе термин «допустимость» может иметь более гибкое толкование, что создает риски для обеспечения процессуальных гарантий сторон.

Еще раз подчеркнем, что анализ понятия «допустимость доказательств» выявляет его сложную природу и терминологические проблемы, так как в законодательстве отсутствует единая дефиниция, что приводит к его определению через отрицание в уголовном процессе или через смежные категории в гражданском. Несмотря на выработанные доктриной четкие критерии, их применение на практике не всегда последовательно, а новые вызовы, такие как цифровые доказательства, усугубляют эту неопределенность, размывая границы между допустимостью и достоверностью. Безусловно, важно вводить в кодексы четкое определение допустимости, т. к. это позволит унифицировать практику, усилить правовые гарантии участников процесса и укрепить принцип законности.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.06.2024) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
3. Горбатов, В. В. Допустимость доказательств, полученных с использованием электронных цифровых средств / В. В. Горбатов // Молодой ученый. — 2022. — № 38 (433). — С. 99–103.
4. Савченкова М. В. Допустимость как свойство доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные исследования. 2023. № 49 (179). Ч. II. С. 60–63.
5. Назаров В. В., Золотухин А. Д. К вопросу о допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 148–160.
6. Османов М. М., Собалирова З. Х. Краткий анализ понятия «допустимость доказательств» в уголовном процессе // Право и управление. 2023. № 4. С. 240–243.

Единство публичной власти и проблемы оптимизации взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в современной России

Магомедов Руслан Хадисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Евдокимов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу современных подходов к оптимизации взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в условиях формирования единой системы публичной власти, закреплённой конституционной реформой 2020 года.

Ключевые слова: публичная власть, государственное управление, местное самоуправление, оптимизация взаимодействия, цифровизация, электронное участие, муниципальное управление.

Формирование единой системы публичной власти стало ключевым направлением трансформации российского государственного и муниципального управления после конституционной реформы 2020 года. Новое конституционное положение о единстве публичной власти отразило объективную потребность в упорядочивании отношений между государственным и муниципальным уровнями, поскольку практика их взаимодействия до реформы характеризовалась недостаточной скоординированностью, фрагментарно-

стью и дублированием функций. Конституционные изменения придали этим отношениям идеологическую и правовую завершенность, а последующее обновление законодательства позволило выстроить нормативную основу взаимодействия более системно и последовательно [1]. В научных исследованиях подчёркивается, что включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти при сохранении их организационной автономии открывает возможности для оптимизации управления, но одновременно требует точного

баланса между интеграцией и самостоятельностью муниципального уровня.

Исходным фактором развития механизмов взаимодействия стало принятие Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [2] и Федерального закона № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [3]. Эти акты не только конкретизировали распределение полномочий, но и закрепили принцип координированного участия органов публичной власти разных уровней в решении вопросов местного значения. Правовая реформа направлена на преодоление структурных проблем, связанных с неэффективным распределением функций и ответственности, что ранее приводило к разнообразию практик, снижению качества публичных услуг и неравномерности реализации конституционных прав граждан на разных территориях [7, с. 15].

Важную роль в совершенствовании взаимодействия играет цифровизация управления, которая усилила горизонтальные и вертикальные связи между государственными и муниципальными структурами. Электронные формы участия граждан — электронные обращения, дистанционное голосование, краудсорсинговые платформы, инициативное бюджетирование — не только улучшили качество коммуникации власти с населением, но и способствовали унификации процедур межуровневого взаимодействия. Исследование Е. Н. Заборовой демонстрирует, что интенсивный рост числа электронных обращений и расширение цифровых каналов связи повышают прозрачность управления, усиливают подотчётность власти и создают предпосылки для более системной координации государственных и муниципальных структур. Цифровая трансформация позволяет выстраивать единую информационную среду, где процедуры мониторинга, учёта, контроля и обратной связи становятся единообразными на всех уровнях публичной власти, что повышает управляемость и снижает административные издержки [8, с. 124].

Несмотря на развитие нормативных, организационных и цифровых механизмов взаимодействия, ключевой проблемой остаётся несоразмерность полномочий органов местного самоуправления и их ресурсных возможностей. Муниципальный уровень зачастую получает значительный объём государственных полномочий при недостаточном финансовом обеспечении и ограниченной кадровой базе

[5, с. 10]. Такая ситуация снижает качество выполнения переданных функций, формирует зависимость от региона, порождает риски недофинансирования и приводит к тому, что возможности органов местного самоуправления не соответствуют ожиданиям и запросам населения. Исследователи отмечают, что именно финансово-ресурсный дисбаланс является основным препятствием для эффективной реализации принципа единства публичной власти и устойчивого развития территорий [6, с. 54].

Для решения проблемы необходимо комплексное реформирование механизмов межуровневого взаимодействия. Важным направлением является укрепление финансовой базы муниципалитетов, включая расширение собственных доходов, введение стабильных нормативов отчислений и совершенствование распределения межбюджетных трансфертов. Не менее значимо улучшение механизма передачи государственных полномочий, которое предполагает обязательность финансового сопровождения, установление стандартов качества и повышение ответственности органов всех уровней за результат их выполнения. Цифровизация также способна сыграть ключевую роль, обеспечивая интеграцию региональных и муниципальных информационных систем, развитие сервисов электронного участия граждан и формирование единого цифрового контура для мониторинга эффективности публичных решений. Наконец, оптимизация невозможна без повышения профессиональной подготовки муниципальных служащих, внедрения проектных методов управления и развития институциональной культуры межуровневой координации [4, с. 24].

Таким образом, современная модель взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления находится в процессе активной модернизации, направленной на повышение качества управления и устранение системных диспропорций. Основным вызов — несоразмерность полномочий и ресурсов — требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, укрепление финансовых механизмов, развитие цифровых инструментов и повышение компетентности муниципального уровня. Только при реализации этих условий можно сформировать действительно эффективную единую систему публичной власти, ориентированную на обеспечение прав граждан и устойчивое развитие территорий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 52 (часть I). — Ст. 8973; 2025. — № 26 (часть I). — Ст. 3499.

3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 12. — Ст. 1200.
4. Вагин, В. В. Участие граждан в государственных программах Российской Федерации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. — 2023. — № 1. — С. 23–26.
5. Гошуляк, В. В. Единая система публичной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2024. — № 4. — С. 7–12.
6. Гриценко, Е. В. Что останется от местного самоуправления в единой системе публичной власти? // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 5. — С. 50–57.
7. Добрынин, Н. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 11. — С. 13–20.
8. Заборова, Е. Н. Электронные формы взаимодействия власти и населения // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. — 2024. — № 2. — С. 122–134.

Специфика назначения и производства судебных экспертиз в расследовании незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

Макуха Анна Александровна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья ориентирована на комплексное осмысление круга актуальных процессуальных и методических проблем, возникающих при назначении и проведении судебных экспертиз по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств. Актуальность избранной тематики предопределена как расширением списка новых синтетических психоактивных веществ, так и обусловленной этим потребностью в их своевременной и надежной идентификации в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: судебная экспертиза, наркотические средства, незаконный оборот, психотропные вещества, аналоги, заключение эксперта, уголовный процесс, специальные знания, следователь, судопроизводство.

В процессе расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (далее — НС), психотропных веществ (далее — ПВ) и их аналогов, назначение судебной экспертизы выступает не просто распространённой, а юридически необходимой процессуальной процедурой. Без привлечения специальных знаний в области химии и фармакологии установить вид исследуемого вещества, его наименование, специфические свойства и, как следствие, надлежащим образом квалифицировать деяние практически невозможно [1]. Изучение правоприменительной практики убеждает, что потенциал экспертного исследования во многом предопределяется уже на стадии вынесения постановления о назначении экспертизы и формирования представляемых эксперту материалов [2, 3].

Специфика назначения экспертиз по делам данной категории в первую очередь обусловлена особенностями объектов исследования. В соответствии с действующим законодательством и разъяснениями Верховного Суда РФ уголовная ответственность установлена не только за оборот НС и ПВ как таковых, но и за оборот растений, содержащих такие вещества, а равно их частей [4]. Это возлагает на следователя обязанность максимально точной предварительной дифференциации объектов ещё до на-

правления их на экспертизу. В научной литературе подчёркивается, что одной из наиболее проблемных сторон остаётся надлежащая упаковка объектов. Нарушение целостности упаковки, отсутствие информативных надписей либо возможность доступа к содержимому без повреждения пломб и печатей нередко приводят к признанию экспертного заключения недопустимым доказательством в судебном разбирательстве [5, 6]. В отношении микроколичеств (следовых количеств вещества на поверхностях весов, упаковок, при смывах с рук и т. п.) использование герметичной тары, исключающей изменение свойств объекта под воздействием влаги, воздуха или иных факторов внешней среды, приобретает принципиальное значение для сохранения доказательственной информации.

Особую сложность представляет назначение экспертиз по так называемым «дизайнерским» наркотикам и их аналогам. В научном дискурсе подчёркивается, что категория «аналог» носит одновременно юридико-химический характер [2]. С одной стороны, спорное вещество должно быть структурно сходно с включённым в перечень подконтрольным соединением, с другой — проявлять сходное психоактивное воздействие. Трудности для эксперта и органов расследования возникают в си-

туациях, когда химическая формула «нового» вещества формально отсутствует в Перечне, утверждённом Постановлением Правительства. В подобных случаях перед экспертом должно быть поставлено не только задание по установлению химического состава, но и по выяснению принадлежности вещества к производным или аналогам соответствующего класса. При этом эксперт-химик в рамках стандартной физико-химической экспертизы, как правило, может ответить преимущественно на вопрос о структуре соединения, тогда как определение психоактивного действия (необходимое для признания вещества аналогом) требует участия специалистов в области токсикологии и фармакологии, что объективно предопределяет потребность в назначении комплексных экспертиз [3].

Анализ постановлений о назначении судебных экспертиз выявляет устойчивые недостатки в формулировке вопросов, адресуемых экспертам. Универсальная формула «Является ли представленное вещество наркотическим?» далеко не всегда охватывает весь объём подлежащих установлению обстоятельств. В современных условиях бесконтактных способов сбыта через закладки особую значимость приобретает установление однородности веществ, изъятых в различных местах, что позволяет обосновать наличие единого умысла и единого источника происхождения наркотического средства [7]. Существующие экспертные методики дают возможность проводить сравнительный анализ примесей и побочных продуктов синтеза, однако следователи нередко не ставят перед экспертом вопрос об общей групповой принадлежности (едином источнике) исследуемых партий, тем самым не используя до конца потенциал экспертного заключения для укрепления доказательственной базы по делам, квалифицируемым по ст. 228.1 УК РФ [5].

Дополнительное своеобразие современной экспертной практики обусловлено широким распространением смесей, в которых наркотическое средство нанесено на нейтральный носитель (лекарственные или бытовые травяные сборы, бумага и т. п.). В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 14 масса наркотического средства в подобных случаях определяется исходя из массы всей смеси [4]. Указанное правило является предметом научной дискуссии и ставит перед экспертом задачу максимально точного выделения наркотического компонента из возможной нейтральной основы либо упаковки (если это технически достижимо), чтобы избежать искусственного завышения вменяемого объёма вещества [2].

Неотъемлемым элементом современной практики расследования наркопреступлений становится использование цифровых следов при назначении и производстве экспертиз. Исследование электронных носителей информации органически сопрягается с традиционными химическими исследованиями. Справедливо отмечается, что сочетание компьютерно-технической экспертизы с химической экспертизой позволяет установить не только вид и состав вещества, но и подтвердить факт его заказа,

оплаты, а также определить координаты мест сокрытия закладок, формируя целостную, логически непротиворечивую картину преступной деятельности [5]. Игнорирование такого комплексного подхода объективно снижает эффективность расследования.

Проведённое исследование свидетельствует о наличии значительного и устойчивого дисбаланса между динамикой появления новых синтетических психоактивных веществ и темпами актуализации методической базы судебно-экспертной деятельности. Сложившаяся практика назначения судебных экспертиз во многом сохраняет формализовано-шаблонный характер, в результате чего потенциал специальных знаний не реализуется в полной мере при доказывании сложных составов преступлений, в частности серийного сбыта либо организации и функционирования преступного сообщества.

Фиксируется выраженная потребность в унификации подходов к исследованию веществ, выступающих аналогами наркотических средств. Сохраняющаяся правовая неопределённость в части критериев отнесения конкретного соединения к аналогам формирует значимые риски как необоснованного уголовного преследования, так и фактического уклонения виновных лиц от ответственности за оборот соединений, формально не включённых в перечни контролируемых, но обладающих выраженным наркогенным потенциалом.

Отдельного, самостоятельного анализа требует проблема материально-технического оснащения региональных экспертных подразделений. Высокоточные аналитические методы, включающие, в частности, газовую хроматографию с масс-спектрометрическим детектированием, являются критически необходимыми для надёжной идентификации микрограммовых количеств синтетических наркотиков. Однако их фактическая доступность в территориально удалённых субъектах остаётся фрагментарной и неравномерной, что объективно обуславливает увеличение сроков производства экспертиз и, как следствие, затягивание стадий предварительного расследования.

Серьёзную озабоченность вызывает также уровень профессиональной подготовки следователей в части корректной и содержательной формулировки вопросов, адресуемых эксперту. Игнорирование вопросов, касающихся способа изготовления вещества (кустарный либо промышленный характер производства), а также возможной общности источника происхождения (через проведение компаративного исследования), существенно обедняет доказательственную базу, редуцируя роль экспертизы до простой констатации вида исследуемого вещества, тогда как она потенциально способна выступать ключевым инструментом в установлении и документировании каналов поставки.

Взаимодействие следственных органов и экспертных учреждений требует вывода на качественно иной уровень, предполагающий отказ от сугубо формального вынесения постановления о назначении экспертизы и переход

к практике предварительных консультаций со специалистом. Такие консультации необходимы для выработки оптимальной тактики экспертного исследования, особенно при изъятии нетипичных объектов либо при обращении с новыми, ранее не встречавшимися видами психоактивных веществ.

В результате проведённого исследования сформулированы выводы, соотносящиеся с поставленными задачами. Во-первых, анализ действующей нормативно-правовой базы показал, что, несмотря на детальную регламентацию порядка назначения судебных экспертиз в УПК РФ и Федеральном законе № 73-ФЗ, на практике сохраняются значительные затруднения, связанные с квалификацией вновь появляющихся видов психоактивных веществ. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость оперативной корректировки и актуализации перечней подконтрольных соединений. Во-вторых, установлено, что специфика исследования аналогов наркотических средств предопределяет необходимость комплексного, междисциплинарного подхода, предполагающего не только углуб-

лённый химический анализ строения вещества, но и токсикологическую оценку его воздействия на организм человека. При этом отсутствие законодательно закреплённой методики отнесения конкретных соединений к аналогам наркотических средств представляет собой существенный пробел правового регулирования, требующий его устранения. В-третьих, выявлен круг типичных ошибок, допускаемых при назначении экспертиз, к числу которых относятся несоблюдение правил упаковки изымаемых объектов, фактически делающих невозможным их дальнейшее исследование, а также стереотипная, формализованная постановка вопросов, игнорирующая потенциал установления единого источника происхождения исследуемых веществ. Минимизация и преодоление указанных недостатков представляется достижимой за счёт систематического повышения квалификации сотрудников следственных органов и внедрения в практику института предварительных консультаций с экспертами на стадии подготовки постановления о назначении судебной экспертизы.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Фимин В. А. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228 УК РФ): проблемы квалификации и правоприменения // Молодой ученый. 2022. № 41 (436).
3. Земцова С. И. Проверка показаний на месте при расследовании незаконного сбыта синтетических наркотических средств, совершённого с использованием интернет-магазинов: цель и задачи // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. №. 4 (8).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/.
5. Ковалев И. Д. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вопросы российской юстиции. 2021. №. 12.
6. Бобовкин М. В., Ручкин В. А. Современное состояние и тенденции развития судебно-почерковедческой экспертизы в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2016. №. 4.
7. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/.

Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

Макуха Анна Александровна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена всестороннему осмыслению и систематизированному анализу типичных следственных ситуаций, возникающих на первоначальной стадии расследования преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ. Актуальность заявленной проблематики определяется существенной трансформацией наркопреступлений: переходом к бесконтактным моделям сбыта, опосредованным функционированием теневого сегмента сети Интернет

(DarkNet), что обуславливает необходимость пересмотра и адаптации традиционных криминалистических методик к цифровой среде.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, следственная ситуация, первоначальный этап расследования, бесконтактный сбыт, осмотр места происшествия, электронные доказательства, оперативно-розыскные мероприятия, цифровые следы, криминалистическая тактика, доказывание.

Теоретический анализ практики применения уголовного закона и специальных криминалистических исследований [2] позволяет заключить, что типичные следственные ситуации начального этапа расследования преступлений, предусмотренных ст. 228–228.1 УК РФ [8], обусловлены прежде всего сочетанием двух системообразующих параметров: объема и качества исходной информации о событии преступления, с одной стороны, и наличия либо отсутствия задержанного лица — с другой. В условиях доминирования бесконтактных форм оборота наркотиков традиционная криминалистическая типология указанных ситуаций претерпевает существенные изменения. В современных реалиях можно выделить четыре базовых варианта развития следственной ситуации, наиболее характерных для сегодняшней правоприменительной практики.

Ситуация 1. Лицо задержано с поличным в момент совершения преступления либо непосредственно после его окончания (наиболее благоприятный для расследования вариант). В подобной конфигурации развития событий подозреваемый (как правило, курьер или закладчик) задерживается сотрудниками полиции в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) либо в процессе патрульно-постовой службы. Специфика такой ситуации в современных, состоит в необходимости максимально быстрого и процессуально безупречного закрепления связи между задержанным, обнаруженным веществом и конкретной местностью [1]. Центральным следственным (либо процессуальным) действием выступает осмотр места происшествия, личный досмотр (в рамках КоАП РФ — до возбуждения уголовного дела) либо личный обыск (после возбуждения).

Именно здесь проявляется процессуальная коллизия. Если наркотическое средство изымается из кармана одежды, подобное изъятие по своей юридической природе должно оформляться как личный обыск (ст. 184 УПК РФ [7]). Вместе с тем на стадии доследственной проверки (ст. 144 УПК РФ) производство личного обыска затруднено необходимостью предварительного вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. В результате на практике нередко используется механизм осмотра места происшествия, при котором местом признается участок местности, где задержано лицо, либо изъятие проводится в рамках личного досмотра.

В рамках данной ситуации критически значимым становится немедленное изъятие и процессуальное закрепление данных мобильного телефона задержанного. Как обоснованно подчеркивается в научной литературе [3, 5], именно в мессенджерах (Telegram, WhatsApp) и приложе-

ниях для записок чаще всего хранятся координаты тайников (мастер-кладов), фотоматериалы с изображением мест закладок, а также переписка с куратором. Осмотр смартфона в порядке ст. 176–177 УПК РФ [7] позволяет трансформировать исходно простую ситуацию (задержание лица с наркотическим средством) в перспективную с точки зрения установления и документирования цепочки сбыта.

Ситуация 2. Обнаружены наркотические средства, однако лицо, их оставившее, не установлено (ситуация выявленной информационной неопределенности). Такая конфигурация складывается при выявлении тайников-кладок случайными гражданами или сотрудниками полиции без одновременного задержания курьера. В соответствии со ст. 144 УПК РФ [7] в этом случае проводится осмотр места происшествия. Ключевая проблема — отсутствие установленного субъекта преступления, что предопределяет особую направленность деятельности следователя.

Во-первых, требуется максимально детальная фиксация особенностей упаковки (характер изолянты, тип зип-лок-пакета, наличие магнита и т. п.). Способ упаковки нередко позволяет отнести тайник к определенному интернет-магазину (наркошопу).

Во-вторых, назначается дактилоскопическая и молекулярно-генетическая экспертиза изъятых упаковочных материалов. Современная экспертная практика демонстрирует, что даже на клейкой поверхности изолянты возможно обнаружение пригодных к идентификации следов папиллярных узоров либо ДНК-профиля [4].

В-третьих, проводится анализ биллинга и соединений абонентских номеров в зоне обнаружения тайника в предполагаемый период его закладки (соответствующие сведения запрашиваются на основании судебного решения).

Ситуация 3. Поступила оперативная информация о готовящемся либо уже начавшемся сбыте, личность предполагаемого участника известна, однако его задержание еще не осуществлено. Данная ситуация характеризуется наличием опережающей (превентивной) информации и развивается по логике реализации результатов оперативно-розыскной деятельности. Следователь в тесном взаимодействии с оперативными подразделениями разрабатывает план задержания. Наиболее результативным инструментом выступает проведение ОРМ наблюдение или проверочная закупка (включая дистанционные форматы).

Особенностью рассматриваемой ситуации является необходимость системного документирования цифровых финансовых операций. Если ранее проверочная закупка, как правило, связывалась с передачей меченых денежных

купюр, то сегодня речь чаще идет о переводе криптовалюты или фиатных средств на электронные кошельки (QIWI, ЮMoney и др.). В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ № 14 [6], для квалификации деяния как сбыта достаточно совершения действий, направленных на передачу наркотического средства. В этих условиях следователь обязан заблаговременно привлечь специалиста, способного обеспечить фиксацию электронных следов транзакций и скриншотов переписки, поскольку преступники нередко удаляют чаты дистанционно [2].

Ситуация 4. Лицо задержано после приобретения наркотического средства (потребитель) и дает показания, указывая на конкретного сбытчика либо на место расположения закладки. В таком случае следственная ситуация приобретает дуалистический характер: одновременно расследуется эпизод приобретения/хранения (ст. 228 УК РФ) и эпизод сбыта неустановленным лицом (ст. 228.1 УК РФ). Приоритетной задачей становится проверка показаний на месте: задержанный демонстрирует точное место, где им был поднят «клад». Осмотр соответствующего участка местности позволяет зафиксировать географические координаты и соотнести их с данными, содержащимися в мобильном телефоне задержанного.

Существенный аспект связан с необходимостью целенаправленной работы с задержанным, направленной на получение доступа к его аккаунту в теневом интернет-магазине. Это открывает возможности для изучения «витрины» магазина, используемых способов оплаты и, в ряде случаев, для выхода на организаторов преступной деятельности посредством анализа блокчейн-транзакций [2].

Обобщая рассмотренные варианты развития следственной ситуации, можно констатировать, что их специфика на современном этапе органически связана с обязательным использованием специальных знаний в области информационных технологий. Следственная ситуация более не ограничивается исключительно физическим пространством; она неизбежно включает виртуальную составляющую (облачные хранилища, мессенджеры и иные цифровые сервисы), доступ к которой должен быть обеспечен в наиболее ранние часы после выявления преступления. Именно оперативное получение и процессуальное закрепление цифровых следов становится ключевым условием успешного расследования преступлений, предусмотренных ст. 228–228.1 УК РФ [8].

Анализ рассмотренных следственных ситуаций позволяет констатировать наличие качественного, по сути парадигмального сдвига в системе расследования наркопреступлений. Если ранее акцент доказывания традиционно делался на материальных следах (отпечатки пальцев, микрочастицы вещества, следы упаковки и т. п.), то в современных условиях центр тяжести постепенно смещается в плоскость информационных, прежде всего цифровых, следов. Тем самым формируется зона повышенной правовой чувствительности, поскольку действующие процессуальные механизмы изъятия, осмотра и фиксации

электронной информации далеко не всегда успевают адаптироваться к динамично развивающимся технологическим способам сокрытия следов преступной деятельности (использование VPN-сервисов, цепочек прокси-серверов, программ шифрования и иных средств анонимизации).

Существенную сложность продолжает представлять интерпретация поведения задержанного при отсутствии прямых, очевидных признаков сбыта (таких как наличие весов, фасовочных материалов, характерной суммы денежных средств и др.). В подобных случаях решающее значение приобретает именно комплексный, ситуационный подход: только сопоставление времени создания фотографий, данных геолокации телефона, информации биллинга и иных цифровых следов позволяет убедительно опровергнуть защитную версию и продемонстрировать их связь с деятельностью по сбыту.

Отдельного внимания требует зависимость успешного разрешения следственных ситуаций от уровня и качества взаимодействия между следователем и оперативными подразделениями. В условиях бесконтактных форм сбыта так называемый информационный вакуум, неизбежно возникающий при обнаружении тайника без установления лица, его организовавшего, может быть преодолен исключительно за счет полноценно организованной оперативной работы, включая применение технических мероприятий на каналах связи и иных средств ОРД. Изолированная, «автономная» деятельность следователя в подобных условиях, как правило, не приводит к значимым результатам и носит во многом формальный характер.

Дискуссионным и методологически сложным остается вопрос уголовно-правовой оценки действий лиц, выполняющих функции «операторов», «логистов» или «складов», которые не вступают в непосредственный контакт с конечным потребителем. Специфика следственной ситуации в этом случае заключается в том, что доказательства их причастности зачастую локализованы преимущественно в электронно-цифровой среде — на серверах и платформах, размещенных за пределами юрисдикции Российской Федерации. Это объективно обуславливает необходимость дальнейшего развития механизмов международно-правового сотрудничества, унификации процедур запроса и получения цифровых данных, а также внедрения новых форм депонирования и сохранения электронных доказательств.

Наконец, следует подчеркнуть, что сама система типизации следственных ситуаций не может рассматриваться как статичная и завершенная. Появление новых преступных схем (включая использование беспилотных летательных аппаратов для доставки, автоматизированных ботов-продажников, распределенных платформ сбыта и т. п.) неизбежно формирует новые, более сложные алгоритмические задачи для органов предварительного расследования. В этих условиях криминалистические методики должны обладать адаптивностью и способностью к оперативной модернизации, а профессиональная под-

готовка следователей — включать углубленное изучение основ компьютерной информации, цифровой криминалистики и правовых аспектов работы с электронными доказательствами.

В ходе проведенного исследования осуществлена классификация типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования наркопреступлений, среди

которых доминирующее значение сохраняют задержание с поличным (в том числе в момент получения координат тайника) и обнаружение наркотических средств в тайниках при отсутствии данных о причастном лице. Показано, что современная следственная ситуация носит гибридный характер, поскольку объективно объединяет в себе элементы материальной обстановки и цифровой среды.

Литература:

1. Куликов А. В., Шелег О. А. Особенности осмотра места происшествия по делам о незаконном обороте наркотических средств, совершённых бесконтактным способом, в ракурсе обеспечения задач национальной безопасности //Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности. 2023.
2. Чистова Л. Е. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием интернета и электронных средств связи //Вестник Московского университета МВД России. 2011. №. 5.
3. Афзалетдинова Г. Х. Актуальные проблемы противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков //Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Уфа. 2019. №. 1. С.
4. Бессонова Т. В. Особенности квалификации преступлений, связанных со сбытом наркотических средств // Вестник экономики, права и социологии. 2020. №. 4.
5. Сезонова Т. В. Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании незаконного сбыта наркотических средств через интернет-магазин //Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. 2021.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»// СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Понятие и виды мер процессуального принуждения

Мануев Вадим Валерьевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена комплексному исследованию института мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве. Рассматриваются исторические предпосылки формирования данного института, анализируется понятие и правовая природа мер принуждения. Особое внимание уделяется классификации мер процессуального принуждения и практическим проблемам их применения. На основе анализа доктринальных источников и судебной практики выявлены три основные проблемы: недостаточная конкретизация доказательственной основы применения мер принуждения, несовершенство механизма наложения ареста на имущество и отсутствие единообразия в определении размера компенсации морального вреда при незаконном применении мер принуждения. Предложены пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, меры пресечения, задержание подозреваемого, обязательство о явке, наложение ареста на имущество, компенсация морального вреда, уголовное судопроизводство, права личности.

Институт процессуального принуждения занимает центральное место в системе гарантий эффективности уголовного судопроизводства. Применение мер принуждения позволяет обеспечить надлежащее пове-

дение участников процесса, предотвратить противодействие расследованию и судебному разбирательству, создать условия для возмещения вреда, причиненного преступлением. При этом данные меры неизбежно огра-

ничивают конституционные права и свободы личности, что требует установления четких правовых рамок их применения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения баланса между публичными интересами государства в борьбе с преступностью и частными интересами граждан в защите их прав и свобод. По мнению В. М. Харзиновой, «меры принуждения в уголовном процессе применяются компетентными органами государства и должностными лицами при условии соблюдения ими соответствующих гарантий законности, обоснованности и мотивированности их применения» [6, с. 3]. Данное положение требует детального анализа как теоретических основ, так и практики применения мер принуждения.

Принуждение как институт появился в уголовном процессе России с момента введения наказаний, что связано с возникновением государства Древней Руси. Институт принуждения получил отражение в Русской Правде XI века в виде поручительства в явке к суду, принудительного доставления в суд, телесного наказания [6, с. 1]. Судебник 1497 года и Соборное уложение 1649 года также предусматривали институты принуждения в уголовном процессе.

Как вид мер принуждения, меры пресечения впервые в России появились после принятия Свода законов Российской Империи в 1832 году. Позже принуждение как термин в уголовном процессе России было закреплено в 1845 году в Уложении «о наказаниях уголовных и исправительных». Развернутое определение принуждению впервые было дано в нормах права Саксонского кодекса 1855 года, который предписывал: «Употребить силу или угрозу, с целью заставить что-либо сделать, претерпеть или перестать делать».

Уголовное уложение 1903 года формулировало понятие принуждения как «наказуемой угрозой выполнить или допустить что-либо, нарушающее право или обязанность принуждаемого, или отказаться от осуществления права или от исполнения обязанности». УПК 1922 и 1923 годов не выделял отдельной главой меры процессуального принуждения, однако в этих кодексах задержание было выделено от других мер процессуального принуждения.

УПК РФ, принятый в 2001 году, предусматривает отдельный раздел «Меры процессуального принуждения», включающий задержание подозреваемого (глава 12), меры пресечения (глава 13) и иные меры процессуального принуждения (глава 14) [2]. Данная структура отражает современное понимание системы мер принуждения в российском уголовном процессе.

Процессуальное принуждение представляет собой конкретное понятие, определенную совокупность мер, перечень которых приведен в действующем законодательстве. Как справедливо отмечают А. В. Гриненко и Д. А. Иванов, «принуждение вне конкретных мер не существует, как не существует и иных мер принуждения, помимо прямо закрепленных в законе» [5, с. 1].

Представляется правильным определение, предложенное В. М. Харзиновой: меры процессуального принуждения — это меры государственного принуждения, применяемые после возбуждения уголовного дела компетентными органами государства и должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование и судебное разбирательство к конкретному кругу участников уголовного процесса в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством при наличии оснований и определенных условий для их применения с соблюдением принципов уголовного судопроизводства [6, с. 4].

Применение мер процессуального принуждения будет считаться законным (правомерным) при соблюдении следующих условий. Во-первых, они применяются после возбуждения уголовного дела. Как исключение, некоторые авторы называют случаи, когда такие меры (например, задержание) применяются на первоначальной стадии процесса, при проверке сообщения о преступлении [3, с. 1].

Во-вторых, меры применяются надлежащим субъектом применения. Применить меру процессуального принуждения имеют право только органы, осуществляющие уголовное преследование и суд в тех случаях, когда уголовное дело ими принято к своему производству. Запрещено предоставлять возможность применения мер процессуального принуждения другим должностным лицам, хотя контроль за фактическим осуществлением этих мер возможен и другими органами.

В-третьих, меры применяются на основании соответствующего процессуального решения, которое оформляется в виде процессуального документа. Например, для применения меры пресечения в виде подписки о невыезде следует вынести постановление о применении меры пресечения и обязательство.

В-четвертых, меры применяются при соблюдении определенных условий их применения. Например, для заключения под стражу первым условием является применение данной меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, и вторым условием является то, что нет возможности применения иной, более мягкой меры пресечения.

В-пятых, меры применяются к определенному кругу участников уголовного судопроизводства. Задержанию могут быть подвергнуты только подозреваемые; заключение под стражу как мера пресечения, ограничивающая больше других мер пресечения свободу, применяется к обвиняемым, а в исключительных случаях к подозреваемым; приводу могут быть подвергнуты обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик, понятой.

Для применения той либо иной конкретной меры процессуального принуждения требуется наличие соответствующих оснований. Фактическим (материальным) ос-

нованием являются доказательства, которые вызывают необходимость применения той либо иной меры, а юридическим (формальным) основанием — составление соответствующего процессуального документа. В качестве оснований в любом случае не должны использоваться какие-либо домыслы, предположения, не подтвержденные доказательствами версии.

При применении мер процессуального принуждения должно использоваться правило их экономии. Принуждение не является самоцелью. Если та либо иная задача может быть решена без применения принуждения или с применением принуждения сравнительно небольшой степени, то следователь, суд должны идти по пути наименьшего принудительного воздействия. Данный принцип находит свое отражение в части 1 статьи 97 УПК РФ, согласно которой мера пресечения может быть применена при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжить заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу [2].

Уголовно-процессуальный закон выделяет в отдельные главы три вида мер процессуального принуждения: задержание подозреваемого (глава 12 УПК РФ), меры пресечения (глава 13 УПК РФ) и иные меры принуждения (глава 14 УПК РФ) [2]. В процессуальной литературе меры процессуального принуждения классифицируются в зависимости от целей и задач по-разному.

В. М. Харзинова предлагает классификацию мер процессуального принуждения на четыре группы [6, с. 4–5]. Первую группу составляют меры пресечения: подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; просмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым; залог; домашний арест; заключение под стражу. Вторую группу образуют меры процессуального принуждения, направленные на обеспечение процесса доказывания, — задержание подозреваемого.

Третью группу формируют меры процессуального принуждения, обеспечивающие процесс расследования и судебного разбирательства: обязательство о явке; привод; временное отстранение от должности; денежное взыскание. Четвертую группу составляют меры, направленные на обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением: наложение ареста на имущество; наложение ареста на ценные бумаги.

Данная классификация представляется обоснованной, поскольку она основана на целевом назначении каждой группы мер. Вместе с тем, в юридической литературе встречаются и иные подходы к систематизации мер процессуального принуждения. Некоторые авторы предлагают классификацию на основе субъектного критерия, выделяя меры, применяемые к обвиняемым (подозреваемым), и меры, применяемые к иным участникам процесса.

Меры пресечения как самостоятельный вид мер процессуального принуждения заслуживают особого внимания. По своей сути мера пресечения — это закрепленный в законе способ воздействия на лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, с целью обеспечить его явку по вызовам. Статья 97 УПК РФ содержит основания для избрания мер пресечения. К ним относятся доказательства, которые позволяют обосновать вывод о том, что в случае отказа от избрания следователем той либо иной меры пресечения лицо совершит одно из социально негативных действий.

При наличии оснований фактором, который помогает определить, какую конкретную меру пресечения целесообразно выбрать из их общего перечня, являются обстоятельства, которые дополнительно учитываются в соответствии со статьей 99 УПК РФ. К ним относятся: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства [2]. Однако такие дополнительные условия не должны полностью подменять собой собственно основания для избрания той либо иной меры пресечения, а лишь выделять меру пресечения, которая в данном конкретном случае наиболее целесообразна.

Анализ судебной практики позволяет выявить правоприменительные подходы к реализации норм о мерах процессуального принуждения. Показательным является постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 октября 2025 года по делу С. В., обвиняемой по части 1 статьи 264.1 УК РФ [3]. В данном деле рассматривались вопросы наложения ареста на имущество как меры процессуального принуждения и конфискации транспортного средства.

Суд установил, что при принятии решения о наложении ареста на имущество необходимо руководствоваться требованиями статьи 165 УПК РФ и действовать в пределах полномочий, предоставленных частью 2 статьи 29 УПК РФ. Важным является вывод суда о том, что рассмотрение ходатайства дознавателя в отсутствие собственника имущества и его защитника не ставит под сомнение выводы суда о необходимости наложения ареста на спорный автомобиль, так как извещение заинтересованных лиц о времени и месте рассмотрения ходатайства судом о наложении ареста на имущество законом не предусмотрено.

Суд подчеркнул, что обстоятельство, при котором стоимость транспортного средства превышает максимальный размер штрафа, предусмотренного в качестве наказания санкцией части 1 статьи 264.1 УК РФ, не свидетельствует о незаконности принятого судом решения, поскольку арест на имущество является мерой процессуального принуждения, которая может применяться в публично-правовых целях как для обеспечения имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или штрафа в качестве меры уголовного наказания, так и для обеспечения возможной конфискации имущества [3].

Данная правовая позиция заслуживает поддержки, поскольку она основана на системном толковании норм уголовно-процессуального законодательства. Наложение ареста на имущество выполняет обеспечительную функцию и не должно ставиться в зависимость от соразмерности стоимости имущества и возможного размера штрафа. Публичный интерес в обеспечении исполнения приговора превалирует над частным интересом в сохранении имущества в свободном обороте до разрешения дела по существу.

Второе дело, заслуживающее внимания, — определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2025 года по делу М. о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности с применением меры процессуального принуждения в виде обязательства о явке [4]. По данному делу М. был осужден, в отношении него было возбуждено уголовное дело, избрана мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке. Впоследствии уголовное дело было прекращено по основанию, предусмотренному пунктом 2 части 1 статьи 24 УПК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления [4].

Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования частично, взыскав компенсацию морального вреда в размере 50 000 рублей. Суд апелляционной инстанции снизил размер компенсации до 5 000 рублей, указав, что размер компенсации, определенный судом первой инстанции, явно завышен, не соответствует требованиям разумности и справедливости и не обеспечивает баланс частных и публичных интересов [4].

Кассационный суд оставил апелляционное определение без изменения, указав, что при определении размера подлежащей взысканию денежной компенсации морального вреда судом апелляционной инстанции приняты во внимание все обстоятельства причинения вреда, в том числе время, в течение которого лицо подвергалось уголовному преследованию, мера уголовно-процессуального принуждения, примененная в отношении истца, в виде обязательства о явке [4].

Данное дело демонстрирует подход судов к оценке последствий применения мер процессуального принуждения. Обязательство о явке является одной из наиболее мягких мер принуждения, не связанной с лишением свободы. Суд учел, что в отношении М. не применялась мера пресечения, а лишь обязательство о явке, что повлекло меньший объем ограничений его прав и свобод. Вместе с тем, сам факт незаконного уголовного преследования признан судом основанием для компенсации морального вреда.

Представляется, что при определении размера компенсации морального вреда суды должны исходить не только из вида примененной меры принуждения, но и из длительности уголовного преследования, последствий для личной и профессиональной жизни лица, индивидуальных особенностей потерпевшего. В рассмотренном

деле уголовное преследование длилось с 31 мая 2023 года по 29 февраля 2024 года, то есть около девяти месяцев [4]. Данный период является достаточно продолжительным для того, чтобы незаконное уголовное преследование причинило лицу моральные страдания.

А. В. Гриненко и Д. А. Иванов справедливо отмечают, что в законе не в полной мере выражен постулат о том, что дополнительные условия, предусмотренные статьей 99 УПК РФ, не должны полностью подменять собой собственно основания для избрания той либо иной меры пресечения [5, с. 3]. Изучение правоприменительной практики подтверждает наличие многочисленных случаев, когда лицо заключается под стражу без достаточных оснований, а лишь ввиду того, что оно обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

В качестве пути решения данной проблемы предлагается законодательное закрепление требования об обязательном отражении конкретных доказательств, подтверждающих необходимость применения меры принуждения, непосредственно в документе о применении такой меры. В частности, в постановлении об избрании меры пресечения должны быть указаны не только факты, свидетельствующие о возможности совершения обвиняемым действий, препятствующих производству по уголовному делу, но и конкретные доказательства (показания свидетелей, документы, результаты оперативно-розыскной деятельности), которые подтверждают эти факты. Такой подход обеспечит надлежащую мотивированность процессуальных решений и создаст дополнительные гарантии против необоснованного применения мер принуждения.

Как показывает анализ судебной практики, в материалах дела зачастую отсутствует протокол наложения ареста на имущество, а также сведения об ознакомлении собственника имущества с постановлением о наложении ареста на имущество, разъяснении ему права на его обжалование [3]. При этом суды исходят из того, что извещение заинтересованных лиц о времени и месте рассмотрения ходатайства о наложении ареста на имущество законом не предусмотрено.

Данный подход представляется спорным с точки зрения обеспечения прав собственника имущества. Наложение ареста на имущество существенно ограничивает право собственности, гарантированное статьей 35 Конституции РФ. В связи с этим предлагается законодательно закрепить обязанность суда извещать собственника имущества или его законного представителя о времени и месте рассмотрения ходатайства о наложении ареста на имущество. При невозможности обеспечения явки указанных лиц в суд решение может быть принято в их отсутствие, но с последующим направлением им копии постановления и разъяснением права на его обжалование. Кроме того, необходимо законодательно урегулировать процедуру составления протокола наложения ареста на имущество с обязательным участием собственника или его представителя, понятых, с подробным опи-

санием арестованного имущества и разъяснением прав собственника.

Анализ судебной практики показывает, что суды по-разному подходят к определению размера компенсации морального вреда при незаконном применении мер процессуального принуждения. В рассмотренном деле размер компенсации был снижен с 50 000 рублей до 5 000 рублей, что составляет десятикратное уменьшение [4]. При этом суд апелляционной инстанции не привел каких-либо конкретных расчетов, обосновывающих именно такой размер компенсации.

Для решения данной проблемы предлагается разработать методические рекомендации для судов по определению размера компенсации морального вреда при незаконном применении мер процессуального принуждения. В таких рекомендациях следует предусмотреть дифференциацию размера компенсации в зависимости от вида примененной меры принуждения (обязательство о явке, подписка о невыезде, домашний арест, заключение под стражу), длительности уголовного преследования, последствий для личной и профессиональной жизни лица. Целесообразно установить минимальные размеры компенсации для каждого вида меры принуждения, которые могут быть увеличены судом с учетом конкретных обстоятельств дела. Такой подход обеспечит единообразие судебной практики и предсказуемость размера компенсации для реабилитированных лиц.

Кроме того, представляется необходимым законодательно закрепить презумпцию причинения морального вреда при незаконном применении мер процессуального принуждения. В настоящее время реабилитированное лицо должно доказывать факт причинения ему морального вреда, что создает дополнительные трудности для реализации права на компенсацию. Между тем, сам факт незаконного уголовного преследования с применением мер принуждения очевидно причиняет лицу нравственные страдания, связанные с переживаниями о своей судьбе, репутации, будущем. Закрепление презумпции причинения морального вреда позволит реабилитированным лицам сосредоточиться на доказывании размера причиненного вреда, а не самого факта его причинения.

Таким образом, институт мер процессуального принуждения прошел длительный исторический путь развития — от первых упоминаний в Русской Правде XI века

до современной системы, закрепленной в УПК РФ. Меры процессуального принуждения представляют собой меры государственного принуждения, применяемые после возбуждения уголовного дела компетентными органами при наличии оснований и условий, предусмотренных законом, с соблюдением принципов уголовного судопроизводства.

Классификация мер процессуального принуждения на четыре группы — меры пресечения, меры, направленные на обеспечение процесса доказывания, меры, обеспечивающие процесс расследования и судебного разбирательства, и меры, направленные на обеспечение возмещения вреда, — отражает многофункциональность данного института и его направленность на решение различных задач уголовного судопроизводства.

Анализ судебной практики позволил выявить три основные проблемы применения мер процессуального принуждения: недостаточную конкретизацию доказательственной основы их применения, несовершенство механизма наложения ареста на имущество и отсутствие единообразия в определении размера компенсации морального вреда при незаконном применении мер принуждения.

Для решения выявленных проблем предложены следующие пути совершенствования законодательства: законодательное закрепление требования об обязательном отражении конкретных доказательств в документе о применении меры принуждения; введение обязанности суда извещать собственника имущества о рассмотрении ходатайства о наложении ареста и законодательная регламентация процедуры составления протокола наложения ареста на имущество; разработка методических рекомендаций по определению размера компенсации морального вреда и законодательное закрепление презумпции причинения морального вреда при незаконном применении мер принуждения.

Реализация предложенных мер позволит обеспечить баланс публичных интересов государства в эффективном осуществлении уголовного судопроизводства и частных интересов граждан в защите их конституционных прав и свобод, создаст дополнительные гарантии против незаконного и необоснованного применения мер процессуального принуждения, обеспечит единообразие судебной практики и предсказуемость последствий для участников уголовного процесса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2025).
1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
1. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 октября 2025 г. по делу С. В. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=228223&cacheid=4531671FF27B4993D377A5EAB8C14B12&mode=splus&rnd=ZwgAwW#J6GXB3VQxEghW8j41> (дата обращения 21.11.2025).

1. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2025 г. по делу № 88–10682/2025 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=211458&cacheid=6C15F264E490330ABC7D6BB0BF806E91&mode=splus&rnd=ZwgAww#zjTXB3VC3J6tXifn> (дата обращения 21.11.2025).
1. Гриненко А. В., Иванов Д. А. Проблемы применения мер процессуального принуждения в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 1–8.
1. Харзинова В. М. Понятие и виды мер процессуального принуждения // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 1–5.

К вопросу об определении стадий законодательного процесса в Российской Федерации

Маньков Михаил Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Заметина Тамара Владимировна, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется мнение ученых относительно стадий законодательного процесса; проводится сравнение подходов к определению стадий законодательного процесса; выделены теоретические проблемы относительно количества стадий законодательного процесса; предлагается авторское видение порядка стадий законодательного процесса.

Ключевые слова: законодательный процесс, стадия законодательного процесса, законопроект.

Законодательный процесс в Российской Федерации является важной составляющей деятельности парламента. От продуманности, четкости и организованности этого процесса зависит качество принимаемых законов. Законодательный процесс состоит из ряда последовательных элементов (стадий), каждая из которых имеет свое непосредственное назначение.

В научном сообществе существует достаточно большое количество работ, которые посвящены как законодательному процессу в целом, так и его отдельным стадиям. Среди них можно выделить труды таких ученых, как М. В. Залоило [1], С. Ф. Сулеймановой [2], В. Д. Горобец [3] и т. д. Но в то же время среди ученых не существует единого подхода относительно определения точного количества стадий законодательного процесса, что обусловлено как сложностью, так и отсутствием нормативного закрепления понятий «стадия законодательного процесса».

В соответствии с Конституцией РФ [4] Федеральное Собрание является представительным и законодательным органом Российской Федерации, именно в его ведении находится деятельность по созданию законов. Основной закон в своем тексте содержит необходимый базис информации относительно законодательного процесса и некоторых его аспектов. Например, статья 104 закрепляет субъекты законодательной инициативы, а также то, что законопроекты вносятся в Государственную Думу. Более детальное регулирование действий, связанных с законотворческой деятельностью, находится в Регламенте Государственной Думы [5] и Регламенте Совета Федерации [6].

Но несмотря на имеющееся правовое регулирование законодательного процесса, нормативное определение «стадии» законодательного процесса на сегодняшний день

отсутствует. В. С. Клубенко в своей статье выделяет признаки стадий законодательного процесса: цели и задачи; субъекты; требования для субъектов; завершающий документ или действие [7, с. 169]. Так как законодательный процесс представляет из себя систему этапов, каждый из которых следует за другим, в предложенный список критериев можно также отнести и определенные действия, позволяющие переходить одной стадии в другую, обеспечивая тем самым согласованность и связанность стадий друг с другом.

Проанализировав мнения разных ученых, можно обнаружить, что большинство исследователей придерживаются узкого и широкого подхода к определению стадий законодательного процесса. Первые склоняются к тому, что законодательный процесс состоит из 5 стадий, что нашло свое отражение на официальном сайте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [8], и условно их можно определить как: внесение законопроекта в Государственную Думу в порядке законодательной инициативы от соответствующего субъекта; рассмотрение законопроекта; принятие закона и направление его в Совет Федерации; рассмотрение и одобрение в этой палате; подписание закона главой государства; опубликование закона. Данный подход к определению стадий законодательного процесса является обобщенным и не отражает некоторые детали, например, существование стадии до законодательной инициативы. Это позволяет говорить о законодательном процессе в узком смысле.

Представители широкого подхода, например, Золотухина Т. А., рассматривает законодательный процесс в виде трех стадий: «начальную (предпарламентскую), парламентскую и послепарламентскую» [9, с. 60], указывая на

главенствующую позицию именно парламентской стадии, состоящая из основной работы Государственной Думы и Совета Федерации над законопроектом, хотя называть центральной именно эту стадию можно с оговоркой, поскольку законодательный процесс есть система взаимосвязанных элементов, и если из них отсутствует хотя бы один, то дальнейшее развитие будет невозможным.

В советский период считалось, что законодательный процесс состоит из 4 частей: законодательная инициатива, обсуждение закона, утверждение закона, обнародование закона [10, с. 152]. Данный подход схож с определением стадий законодательного процесса в узком смысле, рассматриваемого ранее. Основным же его недостатком является игнорирование начальной стадии, которая начинается еще до реализации законодательной инициативы, основная суть которой заключается в поиске в обществе тех общественных отношений и ситуаций, которые не урегулированы законодательством страны или нуждаются в правовом регулировании. Лишь осознание наличия пробела в законодательстве страны и необходимости законодательного регулирования общественных отношений в дальнейшем перейдет в законодательную инициативу с наработками нового закона.

Как одну из стадий законодательного процесса можно выделить «нулевые чтения», суть которых связана с достижением договоренности между органами государственной власти, общественностью и иными субъектами относительно нового закона и его аспектов до его рассмотрения в официальных чтениях в парламенте. Данная процедура используется часто не только на федеральном уровне в виде консультаций между представителями исполнительной власти и депутатами Государственной Думы по поводу позиций Правительства, представленных в вносимым им законопроектом, но и на уровне общенациональности, поскольку большинство резонансных или важных для общества законов предварительно рассматриваются на сайте Общественно Палаты Российской Федерации в виде общественно экспертизы [11]. Выделение «нулевых чтений» как стадии законодательного процесса

оправдано тем, что при реализации данного метода позволяет достичь консенсуса между субъектами по поводу принятия нового закона еще до его официального рассмотрения в стенах парламента, что положительно сказывается на качестве законопроекта, а также позволяет выделить и разрешить начальные неточности и проблемы будущего закона.

Некоторые ученые в качестве одной из стадий законодательного процесса предлагают выделить правовой мониторинг закона. Например, Т. С. Цолоева, А. З. Богатерьева и А. В. Тлупова, отмечают, что: «Правовой мониторинг законодательства должен стать неотъемлемой частью законодательного процесса, только тогда будет достигнуто единство правового пространства на территории РФ, будут сделаны существенные успехи в преодолении коллизий, пробелов в законодательстве, а также ошибок в правоприменительной практике». [12, с. 68]. Выделение федерального мониторинга отдельной стадией законодательного процесса обосновано тем, что закон только начинает функционировать в постоянно меняющемся обществе и необходимо изучить последствия его внедрения в жизнь. Реализация закона на практике может встретить определенные препятствия и недочеты, которые можно проанализировать и устранить путем внесения изменений и дополнений. При этом его проведение должно осуществляться хотя бы раз в месяц для более быстрой адаптации и оперативного решения проблем.

Таким образом, законодательный процесс представляет собой определенную систему, состоящая из нескольких самостоятельных, но связанных между собой стадий: поиск и анализ общественных отношений, нуждающихся в законодательном регулировании; реализация законодательной инициативы; «нулевые чтения»; рассмотрение законопроекта в Государственной Думе; одобрение закона и направление его в другую палату; рассмотрение в Совете Федерации и передача законопроекта главе государства; подписание закона Президентом РФ; опубликование закона, которую следует дополнить стадией правового мониторинга.

Литература:

1. Залоило, М. В. Законодательный процесс в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Московский юридический журнал. 2023. № 1. С. 45–57.
2. Сулейманова, С. Ф. Федеральный законодательный процесс: проблемы правового регулирования и практики // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1 (193). С. 84–87.
3. Горобец, В. Д. Этапы федерального законотворческого процесса в Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 9. С. 15–18.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.
5. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 N 2134-III ГД (ред. от 24.09.2024) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — N 7. — Ст. 801; 2024. — редакция от 29 сентября 2024 г.
6. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30.01.2002 N 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — N 7. — Ст. 635.

7. Клубенко, В. С. Стадии законодательного процесса на примере Республики Крым и иных субъектов Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 1. С. 169–178
8. Законодательный процесс [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/9373/> (дата обращения: 15.10.2025).
9. Золотухина, Т. А. О структуре законотворческого процесса в России: стадии и этапы // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 4 (69). С. 59–62.
10. Правотворчество в СССР / Под. ред. А. В. Мицкевича, М., 1974. 313 с.
11. Законопроекты для обсуждения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Общественной Палаты Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/public-examination> (дата обращения: 10.11.2025)
12. Цолоев Т. С., Богатырев А. З., Тлупова А. В. К вопросу форм правового мониторинга законодательства в российской федерации // Образование и право. 2022. № 3. С. 65–68.

Уголовно-правовая охрана личности от сексуальных посягательств и ее основания

Матюнина Валерия Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Насиров Немэт Интигам оглы, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия, Балаковский филиал

В статье рассматривается уголовно-правовая охрана личности от преступных посягательств, предусмотренных нормами гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Предложена авторская классификация половых преступлений, охарактеризованы элементы соответствующих составов преступлений.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, половая свобода, преступления, уголовное право, УК РФ, правоприменение, квалификация.

Действующий отечественный уголовный закон предусматривает ответственность за посягательство на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Половое сношение с лицом посредством криминального преодоления его воли или иным преступным способ во всех демократических государствах признается преступлением, приравляющим повышенную общественную опасность. Данная группа преступлений нарушает фундаментальные права человека на физическую и половую неприкосновенность, личную свободу, честь и достоинство. В результате их совершения причиняется глубокий физический и психологический вред потерпевшему, такого рода деяния надолго травмируют жертву и разрушают ее биологическое и социальное благополучие. В связи с этим российское государство придает особое значение уголовно-правовой охране граждан от сексуальных посягательств, устанавливая строгие меры ответственности за их совершение.

Расположенные в гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» преступления могут быть дифференцированы на различные виды. В основе такой дифференциации могут лежать различные критерии. Так, в зависимости от способа совершения, половые преступления могут быть разделены на две группы: а) насильственные половые преступления; 2) ненасильственные половые преступления.

К числу насильственных половых преступлений относятся: изнасилование (ст. 131 УК), насильственные дей-

ствия сексуального характера (ст. 132 УК), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК). Вторую группу половых преступлений образуют: половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК), развратные действия (ст. 135 УК).

Рассматриваемую группу преступлений можно дифференцировать на две группы в зависимости от непосредственного объекта посягательства: 1) половые преступления, посягающие на половую свободу личности: изнасилование (ст. 131 УК), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК); 2) половые преступления, посягающие на половую неприкосновенность личности: изнасилование и насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних и малолетних (п. «д» ч. 2 ст. 131 и 132 и п. «в» ч. 3 ст. 131 и 132 УК), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет (ст. 134 УК), развратные действия (ст. 135 УК).

Несмотря на предпринимаемые государством шаги по предупреждению преступлений сексуального характера, преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности из года в год сохраняют относительно устойчивое количество в общей структуре преступности. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2023 г. суды признали виновными в совершении преступлений против по-

ловой неприкосновенности и половой свободы 8 228 человек, в 2024 г. количество лиц, привлеченных судами к уголовной ответственности за совершение рассматриваемой группы преступлений, составило 7 944 человека. Продemonстрированные количественные показатели, хотя свидетельствуют о снижении количества лиц, осужденных за совершение половых преступлений, но вместе с тем свидетельствует об относительно устойчивом количестве указанных общественно опасных деяний в общей структуре преступности.

По нашему мнению, единственными основаниями уголовно-правовой охраны прав и свобод человека от преступных посягательств сексуального характера выступают их повышенная общественная опасность и распространенность в социуме. Полагаем, что общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ, заключается в насильственном преодолении воли потерпевшего или половом сношении с ним криминальным способом. Во всех случаях деяние пагубно сказывается на психическом и физическом состоянии потерпевшего. На повышенную общественную опасность преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы дополнительно указывает тот факт, что они совершаются умышленно.

Еще одним немаловажным основанием взятия под охрану уголовного закона половой неприкосновенности

и половой свободы личности является распространенность в социуме преступных посягательств на них. Выше нами были продемонстрированы статистические данные, отражающие количество осужденных за совершение преступлений сексуального характера. Основываясь на них, можно констатировать широкую распространенность в обществе фактов посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности.

В контексте вышесказанного отнесение законодателем права личности на половую неприкосновенность и половую свободу к числу объектов уголовно-правовой охраны оправдано и социально значимо. Отраженные в содержании ст. 131–135 УК РФ общественно опасные деяния, с одной стороны нарушают фундаментальные права человека на физическую и половую неприкосновенность, личную свободу, честь и достоинство, а с другой стороны — угрожают физическому, психическому и социальному развитию личности. Таким образом, охрана половой неприкосновенности и половой свободы лица средствами уголовного закона выступает составной частью общей уголовно-правовой охраны личности. Положительные результаты в указанной сфере зависят не только от совершенства соответствующих уголовно-правовых норм, но и от эффективной правоприменительной деятельности по их применению.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823> (дата обращения: 15.11.2025).
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 15.11.2025).
4. Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4797.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // «Российская газета». № 284. 12.12.2014.

Общие начала гуманизации современного уголовного законодательства

Матюхина Татьяна Игоревна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье анализируется понятие гуманизации в аспекте основного направления реформы уголовно-правовой системы. Определяется как необходимость реформирования уголовного закона и правоприменительной практики с учетом повышения безопасности человека, обеспечения равенства и справедливости в сфере правоприменения, соразмерности наказания и преступных деяний. Анализируются аспекты принципа гуманизма, закрепленные в статье 7 УК РФ.

Ключевые слова: гуманизация, принципы гуманизма, реформирование уголовного закона, соразмерность наказания, равенство, справедливость.

The general principles of the humanization of modern criminal law

Matyukhina Tatyana Igorevna, phd in law, senior lecturer
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

The article analyzes the concept of humanization in the aspect of the main direction of the reform of the criminal law system. It is defined as the need to reform criminal law and law enforcement practice, taking into account the improvement of human security, ensuring equality and justice in the field of law enforcement, proportionality of punishment and criminal acts. The aspects of the principle of humanism enshrined in Article 7 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed.

Keywords: humanization, principles of humanism, reform of the criminal law, proportionality of punishment, equality, justice.

В настоящее время гуманизация становится ключевой потребностью развития российского общества и главным направлением реформы уголовно-правовой системы. Она предполагает необходимость пересмотра уголовного законодательства и практики его применения с целью повышения уровня безопасности человека, обеспечения справедливости и равенства в правоприменении, а также соответствия наказаний тяжести преступлений. В России активно ведется работа по совершенствованию уголовного закона и практики его использования, затрагивающая фундаментальные уголовно-правовые институты. Это делается для повышения уровня криминальной защищенности всех граждан и внедрения принципов законности, равенства, справедливости и гуманизма. Эти принципы играют важную роль в развитии законодательства правового государства и реализации общепризнанных гуманистических идеалов. [1]

Принцип гуманизма закреплен в ст. 7 УК РФ, в соответствии с которой можно выделить несколько аспектов, данного принципа, а именно:

- приоритет прав и свобод человека и гражданина, [2]
- обеспечение гуманного отношения к виновным лицам в ходе реализации норм, устанавливающих ответственность за совершенные деяния

Гуманизм — один из принципов права в демократическом государстве, гарантия основных прав человека как условия сохранения гуманных оснований его бытия. [2]

Современное уголовное законодательство направлено на гуманизацию, что проявляется в снижении репрессивных мер, увеличении возможностей для альтернативных видов наказания и индивидуализации санкций. Это включает в себя декриминализацию менее опасных деяний и смягчение наказаний за преступления, которые ранее подвергались жесткому наказанию. Гуманизация также акцентирует внимание на восстановительном правосудии, которое ориентировано на примирение сторон и компенсацию причиненного ущерба.

В уголовной правоприменительной практике России исторически сложилась проблема несбалансированности карательной государственной политики и чрезмерной криминализации. В связи с этим, гуманизация российского уголовного законодательства осуществляется по следующим основным направлениям:

— улучшение правового положения личности в рамках уголовного права; декриминализация отдельных видов преступлений;

— совершенствование и смягчение системы уголовных наказаний, модернизация уголовно-исполнительных норм. [3]

Разрешить названные проблемы способно помочь расширение практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы. Лишение свободы должно рассматриваться судами как вынужденная мера и только за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Органы, реализующие функции уголовного судопроизводства, должны быть ориентированы на применение к лицам, подозреваемым и виновным в совершении преступлений, минимума принудительных мер, которые необходимы для защиты интересов личности, общества и государства от общественно опасных посягательств, предупреждения новых преступлений, восстановления социальной справедливости и правопорядка, исправления осужденного. Государство должно стремиться к тому, чтобы исключить случаи попадания в места лишения свободы лиц, осужденных за преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Одним из ключевых аспектов гуманизации является пересмотр и декриминализация составов преступлений, которые потеряли свою социальную опасность или стали неактуальными в современных реалиях. Это позволяет освободить судебную систему и правоохранительные органы от рассмотрения дел, не представляющих серьезной угрозы для общества, сосредоточившись на борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Декриминализация также способствует снижению стигматизации лиц, совершивших незначительные правонарушения, и предоставляет им возможность более эффективно интегрироваться в общество. [5]

В связи с чем, гуманизация должна осуществляться взвешенно и последовательно, с учетом особенностей конкретных видов преступлений и личности преступника, а также с обязательным анализом эффективности принимаемых мер. В конечном итоге, целью гуманизации является создание более справедливой и эффективной системы уголовного правосудия, способствующей снижению уровня преступности и укреплению правопорядка в обществе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398. (Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 04.07.2020.)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Гальперин, И. М. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения / И. М. Гальперин, В. И. Курляндский // Основные направления борьбы с преступностью. — М.: Юрид. лит., 1975. — 176 с.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. Е. Круковского, А. И. Чучаева. — М.: Проспект, 2024. — 352 с.
5. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 20.12.2018 № 49-УД18-19 // СПС «КонсультантПлюс».

Алкоголизм как причина и условие совершения преступлений в правовой действительности современного общества

Мехтиева Аишан Ариз кызы, студент магистратуры

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Альметьевский филиал (Республика Татарстан)

С увеличением алкоголизации социума также меняется и характер самого общества, оно становится более криминализированным. Появляются новые виды преступлений, характеризующиеся совершением в состоянии алкогольного опьянения. Данные обстоятельства создают сложность для следственных органов в работе над раскрытием таких преступлений. В связи с этим перед правоохранными органами стоит цель не только раскрыть конкретное преступное деяние и привлечь преступника к ответственности, но активизировать все силы для профилактических мероприятий и борьбе с преступностью в целом, а также с преступлениями, совершенными в состоянии алкогольного опьянения, в частности.

Ключевые слова: алкоголизм, девиации, девиантное поведение, профилактика алкоголизма, алкогольное опьянение.

Злоупотребление алкогольными средствами является пороком, который наносит разрушающий вред человеку, его семейным связям, социальному положению, выступающий основой для деградации личности, утраты его положения. Это может осуществляться в рамках социальных групп и считается массовым пьянством.

Важным замечанием является то, что не всякое потребление алкоголя следует относить к пьянству и злоупотреблению. В России основная масса населения может употреблять алкоголь умеренно, и это не приводит к негативным последствиям ни для самого лица, ни для общества. Есть категория людей в нашей стране, которых можно отнести к абсолютным трезвенникам, порядка 5 % от населения являются алкоголиками и 12 % от общего количества населения злоупотребляют алкогольными напитками.

В лексике русского языка нет трактовки категории «злоупотребление алкоголем как социальное явление». В связи с этим, в литературе используются такие понятия, как алкоголизм и пьянство, именно они являются формой девиантологии.

В итоге девиантологического рассмотрения феноменологии алкоголизма предлагается его следующее авторское определение

Алкоголизм как форма негативной девиантности — есть массовое явление, которое состоит в том, что некоторая часть людей испытывает непреодолимую тягу к алкогольным напиткам, ведущую в дальнейшем к деградации человека, что ставит под угрозу нарушение здоровья нации и провоцирует рост преступности.

Для изучения алкоголизма и преступности на почве пьянства следует использовать интегративный подход, опирающийся на синтез девиантологических, психологических и правовых знаний.

11 декабря 2023 г. было принято Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в РФ на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу» [14], в соответствии с положениями которой алкоголизм признан угрозой в государственном масштабе. Также говорится о том, что алкоголизм угрожает личности, семье и социуму в целом.

Наряду с указанной Концепцией в РФ также разработан Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [12], в нем Министерство здравоохранения РФ выделило алкоголизм в число угроз национальной безопасности, сделав акцент на алкоголизации общества.

Основываясь на данных актах, можно сказать, что вопросы алкоголизма в РФ являются одними из наиболее значимых для решения и ответы на них не найдены до сих пор. Алкоголизм неоднократно признавался угрозой для общества в государственном масштабе. При этом важно обратить внимание тенденцию к снижению количества лиц, стоящих на учете в лечебных учреждениях наркологического направления. Данная тенденция обнаружена при анализе данных за период с 2003 по 2021 годы. Однако, в период с 2021 по 2024 годы можно наблюдать рост таких лиц [8]. Особо сделаем акцент на том, что официальная статистика не отражает реальных данных по количеству лиц с алкогольной зависимостью, поскольку часть таковых получает помощь в негосударственных лечебных заведениях и в указанном числе не отражается [17].

В соответствии с общепринятой классификацией психических расстройств алкоголизм считается разновидностью поведенческого спектра и характеризуется присутствием зависимости, воздействующий на физиологию с поражением центральной нервной системы.

Для начала следует обратить внимание на те причины, которые порождают развитие алкоголизма в обществе. Так, по мнению известного русского психиатра Бехтерева В. М., занимающегося исследованием вопроса алкогольной зависимости, алкоголизм имеет глубокие корни, в частности, к таковым следует отнести: усталость физического плана, моральные издержки относительно политической ситуации в стране, отсутствие уверенности в будущем. Данные причины становились основой для того, чтобы лицо обманчиво находило успокоение в алкогольной продукции, которые только временно дают успокоение [4].

В данном случае, следует согласиться с исследователем, несмотря на то обстоятельство, что с момента его работы в данной области прошло более 100 лет, причины остались прежние. Плохие социально-экономические условия и на сегодняшний день считаются главной причиной развития алкогольной зависимости у населения. Указанное утверждение можно подтвердить статистическими показателями за период 1990–2000 годов, когда в стране был экономический кризис. Тогда население потребляло алкоголь примерно 10 литров на душу населения и эта цифра касается исключительно легального алкоголя. Тогда как нелегальный алкоголь употребляли в количестве 5–6 литров на душу населения. Нелегальный алкоголь был очень популярен в период действия «сухого закона», автором которого считается М. С. Горбачев [13].

В дальнейшем и на сегодняшний момент времени потребление алкоголя на душу населения составляет примерно 7 литров.

Также, Бехтерев В. М. одной из причин распространения алкоголизма в России называл традиции и обычаи. Так, он указывает, что распространенные в стране обычаи основаны на употреблении алкоголя и еде. Это обязательно и на свадьбах, и на крестинах и прочих праздниках. И оправданием такому поведению являются

фразы, что так принято, так нужно, это обычай. Данное явление можно назвать бытовым алкоголизмом, оно распространяется очень быстро, можно сказать, что передается от поколения к поколению.

Еще в начале века проводились подсчеты зависимых от алкоголя лиц и было выявлено, что в 75 % случаев основой для зарождения в человеке алкогольной зависимости являются окружение и влияние традиций и обычаев [5].

Современное российское бытие также во многом основано на традициях и «выпить на посошок», «штрафная рюмка» сохраняются в обиходе. Примечательно также и то обстоятельство, что среди причин развития алкоголизма в социуме вышеуказанный исследователь указывал и невежество, отсутствие образования и не принятие того, насколько вреден алкоголь для организма человека. Многие до сих пор считают, что выпив алкогольный напиток, можно согреться, однако наука доказала обратное уже давно. В частности, после употребления алкогольной продукции человек утрачивает нормальную работу мускульной системы, человек становится менее выносливым.

Также исследователями влияния алкоголя на организм человека, выяснением причин алкоголизма в России являются Макушина О. П., Белова О. Н. [10]. Данные ученые считают, что среди причин развития алкогольной зависимости в обществе можно считать пропаганду в кино, в средствах массовой информации, в интернете и даже мультфильмах. Они в своей научной работе указывают, что человек, изучая информацию в интернете, смотря телевизор, даже не замечает, как чуждая информация им воспринимается достаточно близко. Смотря в художественных фильмах, как человек выпивает спиртные напитки, лицо может зафиксировать в сознании, что это норма, может напротив, подражать любимым героям фильмов и стать потребителем алкоголя в будущем. Указанные исследователи также ввели в обиход понятие «алкогольная программа праздника», то есть именно такая программа становится стартовой для развития в последующем зависимости от таких напитков.

Даже, когда в детских садах просят нарисовать картину праздника, в частности, Нового года, основная масса детей рисуют праздничный стол с шампанским и рюмками и только единицы изображают елку и подарки. Это указывает на то, что дети, наблюдая за празднованием праздников своими родителями и другими родственниками, воспринимают употребление алкоголя, как норму жизни.

Помимо причин алкоголизма, его развития в социуме, интересно рассмотреть алкоголизм в контексте его влияния на противоправную деятельность лиц, его употребляющих.

Влияние на противоправное поведение человека алкоголя, исследователи видят в биологической основе, в частности, воздействии алкоголя на нервную систему [3].

Например, Игнатов А. Н. считает алкоголизм одним из факторов биологического характера, которые являются основой для формирования противоправного поведения, поведения, отклоняющегося от нормы. Он ука-

зывает в своем исследовании, что многие ученые говорят о связи девиантного поведения со спецификой нервной системы, а именно с некоторыми отделами мозга. Когда повреждены ряд отделов лобной части мозга, человек начинает активничать в форме агрессивного поведения, он становится возбужденным, несдержанным, также проявляет иные симптомы агрессии.

Наряду с нервным перевозбуждением, алкоголизм порождает психозы алкогольного свойства. Такого рода психозы — это вид заболевания, которая характеризуется психическим расстройством, среди них: галлюцинации, помутнение разума и прочие. Алкогольный психоз появляется и лиц, страдающих алкоголизмом, у которых признана 2 и 3 стадии зависимости. Именно лица, у которых наблюдается алкогольный психоз часто становятся преступниками, самоубийцами [7].

Лицо, у которого имеется алкогольный психоз в анамнезе не может держать под контролем собственные действия, у него может быть бред, перевозбуждение и вследствие этих состояний, человек может стать источником опасности для окружающих.

Например, Акимов И. Б., указывает, что при контакте с лицами, находящимися в алкогольном опьянении нередко бывают аутоагрессивное поведение, выражающееся в стыдливости, терзаниях чувством вины, обесцениванием себя. Примечательно также, что данная тенденция сменяется агрессивностью очень быстро [2].

Все лица, находящиеся в состоянии опьянения, как алкогольного, так и наркотического, с признанным диагнозом и без такового могут проявлять агрессивность по отношению к другим лицам и быть опасными. Совершенно любой человек может стать объектом вымещения злобы. Указанный исследователь провел эксперимент, для которого он отобрал 40 человек, разделив их на группы по 20 человек в каждой. Так, первая группа была представлена лицами, страдающими алкогольной зависимостью, вторая группа состояла из лиц без пристрастия к алкоголю. В работе был использован исследователем опросник агрессивности Басса-Дарки. В результате полученных ответов, были сформулированы выводы, которые показали, что группа с алкогольной зависимостью показала большую степень агрессивности, негатива, обиды и иных отрицательных чувств, по сравнению с группой, представленной лицами без алкогольного пристрастия. Также исследователь отметил, что более откровенны были люди в группе с алкогольной зависимостью, поскольку им характерна открытость и прямолинейность, они не обладают сарказмом. Это говорит о том, что алкоголь негативно влияет на активизацию отрицательных личностных характеристик, которые являются основой для преступного поведения.

Еще в конце XIX века алкоголизм ученые относили к категории детерминантов преступности.

Эта тенденция сохраняется и на сегодняшний день, в частности, если обратить внимание на официальную статистику МВД РФ, то можно увидеть, что почти каждое

четвертое преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения [15]. Если сравнивать с предыдущими годами, например, с 2022 годом, то есть положительная тенденция, поскольку на тот момент времени доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения составляла 25,2 %.

О признании данной проблемы на уровне государства, говорит принятие Концепции общественной безопасности в Российской Федерации от 14 ноября 2013 года [1]. Законодатель, в данном случае отметил, что факт совершения административных и уголовных правонарушений и преступлений в состоянии алкогольного опьянения указывает на повышение криминогенности в стране по причине алкоголизации населения.

В состоянии алкогольного опьянения совершается больше число уголовных преступлений и административных правонарушений, особенно беспокойной ситуация становится в области правонарушений на транспорте [6]. Особое внимание следует уделить вождению транспортных средств в состоянии алкогольного опьянения. Данное деяние предусмотрено, как в уголовном, так и в административном законодательстве, в частности, ч. 2.ст.264, ст. 264.1 УК РФ, а также с. 12.8 КоАП РФ.

Множество водителей, не отдавая себе отчета в общественной опасности собственного поведения, садятся за руль транспортного средства, находясь в состоянии алкогольного опьянения и надеются на «авось».

Если обратиться к статистическим данным МВД, то среди всех преступлений, которые были совершены в 2023–2024 годах, за период январь — июнь 2023 года — 119515 преступлений было совершено в состоянии алкогольного опьянения, за этот же период 2024 года — 99856 преступлений.

Примечательно, что в Республике Татарстан за период январь — июнь 2023 года — 3514 преступлений было совершено в состоянии алкогольного опьянения, за этот же период 2024 года — 2899 преступлений.

А. И. Бастрыкин, давая интервью, сообщил, что за 2023 год было направлено в суд более 80 тыс. уголовных дел, субъектами которых были лица, совершившие преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Почти половина из них — 42 % обвинялись в совершении ДТП, около 20 % — в совершении грабежей, разбоев и вымогательств, чуть более 10 % — обвинялись в угоне автотранспорта, и также почти 10 % — в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Интересно определить роли алкоголя в совершении указанных и иных видов преступлений и правонарушений. Влияние алкогольных напитков на организм человека не одномоментно, сначала человек получает подъем энергии, настроения. То есть лицо совершающее правонарушение, например, водитель транспортного средства, полон сил, возбужден, поэтому переоценивает собственные возможности и не понимает, что может совершить оплошность.

Далее наступает второй этап влияния на организм, когда человек становится вялым, заторможенным, притупляется зрение, слух, реакции. Именно указанный этап очень опасен для окружающих водителя, управляющего транспортным средством, поскольку человек не может объективно оценивать ситуации и не может расторопно реагировать на изменение дорожной обстановки.

Указанная проблема является очень опасной тенденцией и ее необходимо решать, в качестве профилактических мероприятий всегда проводились беседы о вреде алкоголя [9]. Однако эффективность таких мероприятий крайне низка. Обратимся к интересному опыту зарубежных стран о профилактике нарушений правил дорожного движения лицами в состоянии алкогольного опьянения [16].

В Китае в 2011 году были внесены изменения об ответственности за вождение автомобилей и иных транспортных средств в нетрезвом состоянии, что стало отправной точкой для снижения регистрации подобных нарушений.

Китайские аналитики при сравнении числа такого рода правонарушений в 2011 году, после внесения поправок в законодательство и аналогичного периода 2010 года, увидели снижение правонарушений на 35 %. Это говорит о том, что усиление ответственности, как профилактическая мера направлена на формирование правосознания людей и потенциальные правонарушители будут опасаться садиться за руль в нетрезвом состоянии, поскольку меры воздействия очень серьезные.

В заключение, можно сделать определенные выводы о том, как устранить причины алкоголизма и совершения противоправных деяний. Среди таких способов, направленных на искоренение совершения правонарушений и преступлений на фоне алкогольного опьянения, выделим:

— при показах художественных и мультипликационных фильмов с возрастным ограничением до 16 лет следует отказаться от демонстрации любой алкогольной и опьяняющей продукции. Поскольку несовершенно-

летние могут неверно воспринять такую демонстрацию, как нормотипичное поведение. Наряду с этим было бы очень хорошо, снимать художественные фильмы, где ненавязчиво герои бы пропагандировали здоровый образ жизни, важно завивать популярность отказа от алкоголя.

— нужно информировать, какие деяния совершенные в состоянии алкогольного опьянения могут наказываться в рамках санкций УК РФ, какие ограничиваются санкциями норм КоАП РФ. При этом, это должны быть не просто беседы, а информация, размещенная на баннерах, в сети Интернет, репортажи по телевидению и иные форматы. Важно, чтобы люди знали, какое наказание грозит за совершение подобных деяний. В качестве примера следует назвать нашумевшее дело известного актера Ефремова М. О., который при управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, совершил смертельный наезд на другой автомобиль, двигавшийся по встречной полосе движения. Данное деяние было квалифицировано по ч. 4 ст. 264 УК РФ, виновнику суд назначил наказание в виде 8 лет лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима. Таких дел рассматривается в российских судах ежегодно очень много [11].

Мы считаем, что доведение до сведения общественности таких случаев, и является одним из наиболее действенных методов борьбы с легкомысленным поведением на фоне алкогольного опьянения.

Важно применять поощрительные меры для лиц, которые занимаются общественно-полезными делами и формировать направления таких деяний. Это сформирует новую социальную прослойку лиц, которые научатся получать удовольствие от блага для общества.

Считаем, что указанные мероприятия смогут повысить действенность пропаганды антиалкогольного направления, снизить количество лиц, злоупотребляющих алкоголем. В результате мы сможем получить положительную динамику совершения правонарушений и преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения.

Литература:

1. «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru>, свободный (дата обращения: 24.12.2024).
2. Акимов, И. Б. Психологические особенности агрессивности лиц с алкогольной зависимостью // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. — 2018. — № 1 (23). — С. 100–114.
3. Андреев, К. К. Влияние алкогольной зависимости на формирование противоправного поведения // Новый юридический вестник. — 2023. — № 3 (42). — С. 66–70.
4. Барденштейн Л. М., Герасимов Н. П., Можгинский Ю. Б., Беглянkin Н. И. Алкоголизм, наркомании, токсикомании: учебное пособие. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2021. — с. 64.
5. Бехтерев, В. М. Алкоголизм и борьба с ним — Ленинград: Издательство Ленинградского губпрофсовета, 1927. — 58 с.
6. Дунаева, О. Н. Общественная опасность управления транспортными средствами в состоянии опьянения // Правопорядок: история, теория, практика. — 2016. — № 4 (11). — С. 21–26.
7. Егоров, А. Ю. Особенности алкогольных психозов в психиатрической клинике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. — 2012. — № 1. — С. 29–40.

8. Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами // [Электронный ресурс] режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage>, свободный (Дата обращения 12.11.2025)
9. Майоров, В. И. Профилактика управления транспортными средствами в состоянии опьянения: обзор мирового опыта // Проблемы права. — 2016. — № 1 (55). — С. 86–97.
10. Макушина, О. П. Причины алкоголизма в России // Актуальные вопросы современной психологии: материалы V Международной научной конференции. — 2018. — С. 5.
11. Приговор Ленинградского районного суда г. Калининграда № 1–458/2023 1–73/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1–458/2023 // [Электронный ресурс] режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/6gVoGfoF85J3/>, свободный (дата обращения: 20.12. 2024); Решение Орджоникидзевого районного суда г. Перми № 2–4696/2023 2–694/2024 2–694/2024(2–4696/2023;)-М-3891/2023 М-3891/2023 от 28 февраля 2024 г. по делу № 2–4696/2023 // [Электронный ресурс] режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Hx1fVn420zoH/> свободный (дата обращения: 20.11. 2025)
12. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // [Электронный ресурс] режим доступа: <https://www.consultant.ru>, свободный (Дата обращения 12.11.2025)
13. Простаков П. В начале 1980-х от алкоголизма в СССР умирало 500 тысяч человек в год // ДемоскопWeekly. — 2013. — № 567–568.- С. 53–55.
14. Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2023 г. № 3547-р «Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в РФ на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу» // [Электронный ресурс] режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408113961/>, свободный (Дата обращения 12.11.2025)
15. Сборник МВД России «Состояние преступности в России за январь — март 2023 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/37377025/>, свободный (дата обращения: 12.11.2025).
16. Трощинский, П. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы с «пьяным вождением»: опыт Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 6 (55). — С. 1062–1070.
17. Федотов А. А. Распространение алкоголизма и наркомании в регионах России // Народонаселение.— 2022.- Т. 25.— № 3.— С. 144–152.

Институт государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству: анализ понятия

Мехтиева Аишан Ариз кызы, студент магистратуры

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Альметьевский филиал (Республика Татарстан)

Не секрет, что факт привлечения лица, совершившего преступление, зависит от того, какие показания дадут против него свидетели его преступного поведения. Это обстоятельство говорит о том, что на раскрываемость преступлений оказывает влияние то, насколько лица, содействующие правосудию, члены их семей, будут защищены от влияния, физического воздействия самих преступников и приближенных к ним лиц. Чем выше степень защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, тем охотнее люди стремятся сотрудничать с правоохранительными органами и помогать правосудию.

Ключевые слова: защита, государственная защита, обвинение, свидетель, привлечение к уголовной ответственности.

В Конституции РФ определено, что высшей ценностью для государства являются человек, его права и свободы. Также установлена обязанность государства соблюдать данные права и свободы человека и гражданина, отстаивать их реализацию и защищать.

Прежде, чем рассматривать процессуальные особенности защиты участников уголовного судопроизводства, следует проанализировать категорию «защита» в целом.

Нуждаемость лица, участвующего в уголовном судопроизводстве зависит от многих факторов и положения иных участвующих в деле, лиц, в частности, обвиняемых.

Реализуя свои обязанности, участники уголовного дела, вовлекаются в серьезный конфликт интересов, нередко подвергая себя и своих близких опасности. В данной ситуации, государственная защита поможет обеспечить как собственную безопасность участника уголовного судопроизводства, так и безопасность членов его семьи. В указанном контексте «государственная защита» стала действовать относительно недавно, в конце XX века. Именно в этот период страна оказалась в водовороте изменений как политического, так и экономического характера. Трансформация уголовного судопроизводства, связанная

с формированием института «защиты участников уголовного судопроизводства» произошла под влиянием серьезного роста организованной преступности, появлением угроз в адрес участников уголовного дела, каких ранее не было.

По мнению Е. В. Акуловой, право любого участника уголовного судопроизводства на защиту — это право, гарантированное нормами закона на то, чтобы в определенных ситуациях в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела к лицу были применены государственные меры физической защиты и охраны [2, с. 280].

На первое место в данной трактовке выходит термин «защита». Под функцией защиты следует понимать в узком смысле понятие, являющееся антонимом функции обвинения. Широкий смысл защиты определяет ее, как разными видами деятельности, которые могут реализовываться в ходе посягательства на человека, его права и свободы, с целью их ограничить или нарушить.

А. В. Гуськов понимает по защитой совокупность гарантий безопасности от посягательств изнутри системы или извне; это всегда работа специально уполномоченных органов; всегда происходит применение соответствующего опасности вида государственной охраны и защиты. Также защита участника уголовного судопроизводства означает предоставление ему дополнительных прав и свобод, закрепление с обязательной реализацией гарантий, льгот и компенсаций. Данный исследователь также указывает на то, что термины «государственная защита» и «обеспечение безопасности» являются взаимодополняемыми и неразделимыми [5, с. 148].

Для того, чтобы приблизиться к трактовке понятия государственной защиты участников уголовного судопроизводства, важно обратиться к законодательному регулированию данной области и к пониманию законодателя данного понятия.

В РФ действует Федеральный закон от 20 августа 2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Далее — Закон № 119) [1], который содержит легальное определение государственной защиты. Так, законодатель под государственной защитой участников уголовного судопроизводства понимает работу уполномоченных государственных органов по воплощению в жизнь установленных мер безопасности, которые направлены на обеспечение соблюдения лица права на жизнь, на здоровье, имущество, с предоставлением также мер защиты социального характера по причине того, что лицо содействует отправлению правосудия по уголовному делу.

Также, под государственной защитой понимают реализуемую специально уполномоченными органами определенных мер безопасности по отношению к лицам, являющихся участниками уголовного судопроизводства, заключающихся в мероприятиях правовой, социальной сферы, если есть реальные угрозы посягательства на жизнь и здоровье, а также имущество лиц, по причине их служебной деятельности.

В соответствии с ч. 1 ст. 46, ст. 52 Конституции РФ государственная защита направлена на то, чтобы закрепленные в Основном законе права граждан были соблюдены. Кроме того, важно создавать условия, необходимые для того, чтобы процессуальные права и обязанности участники судопроизводства, установленные УПК РФ, были реализованы.

Это возможно реализовать, когда нужно обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства от обвиняемых, подозреваемых по уголовному делу, если они оказывают воздействие на тех, кто содействует раскрытию преступления или на членов их семей.

Меры защиты, применяемые для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, определяются федеральным законодательством и международными актами в указанной области [3, с. 49].

Поскольку сфера защиты участников уголовного судопроизводства определяется множеством норм, то их можно структурировать в отдельный институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Вектором развития данного института считается обеспечение и защита прав участников уголовного судопроизводства, когда их конституционные права нарушены. Интересно обратить внимание на то обстоятельство, что в зарубежных странах также активно развивают защиту участников уголовного судопроизводства, способствующих правосудию.

Отметим комплексное содержание анализируемого института, которое можно представить, как совокупность мер процессуального характера, направленных на безопасность и установленных специальным законодательством и УПК РФ [9, с. 180]. Нормы, составляющие институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства, регламентируют перечень органов, занимающихся защитой лиц, содействующих правосудию, основания и условия применения мер защиты, а также процедуру их назначения и реализации.

Рассматриваемый институт является структурным элементом механизма обеспечения прав лиц, участвующих в отправлении правосудия по уголовному делу. Наряду с институтом защиты, механизм обеспечения прав участников уголовного судопроизводства состоит из таких мер, как рассмотрение ходатайства, разъяснение прав участникам процесса и прочие.

Для того, чтобы институт защиты прав участников уголовного судопроизводства начал работать, нужно проявление угроз и преступных посягательств на лиц, участвующих в производстве по уголовному делу со стороны других участников процесса или, связанных с ними субъектов. К таким субъектам чаще всего, в соответствии с выводами О. А. Зайцева, можно отнести подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу, если они не находятся в следственном изоляторе, либо лиц, приближенных к ним, находящихся на свободе. Среди таковых можно выделить родственников, друзей подозреваемых и обвиняемых, которые не отнесены к соучастникам по

делу, лиц, которые были специально наняты для запугивания тех, кто содействует уголовному судопроизводству [6, с. 262].

Таким образом, можно сделать вывод о том, кем могут быть лица, заинтересованные в отказе от дачи показаний, даче заведомо ложных показаний и искажении реальной информации по уголовному делу. В частности, это могут быть лица, которые прямо или косвенно заинтересованы в том, чтобы истина не была доведена до судебных органов, также это могут быть совершенно посторонние лица, не имеющие никакого отношения ни к делу, ни к лицу, совершившему преступное деяние. Лица, которые воздействуют своим преступным поведением на сознание тех субъектов, которые содействуют уголовному судопроизводству, руководствуются совершенно разнообразными мотивами и используют разные средства для достижения своей цели. Чаще всего, лица, содействующие преступнику, действуют через шантаж, подкуп, но также не обходится без применения физического воздействия [4, с. 49].

Психическое давление оказывают на лиц, содействующих правосудию с помощью похищения членов их семьи, поджигают дом, автомобиль и совершают иные преступные деяния. Зачастую они действуют посредством сочетания нескольких видов преступного воздействия.

Чаще всего влияние оказывается на свидетелей, которые владеют существенной информацией по уголовному делу. В результате преступного влияния свидетели меняют показания, говоря, что видели не этого человека, не в то время, не в том месте, смягчая положение обвиняемого или подозреваемого. Также может быть осуществлен подлог вещественных доказательств, изменяющие или исключаящие сущность уголовного преследования.

Государственная защита участников уголовного судопроизводства относится к особому вектору деятельности правоохранительных органов [13, с. 4].

Уполномоченные на выполнение данной функции органы государственной власти во всем мире занимаются разработкой дополнительных мер защиты участников уголовного судопроизводства, перенимая опыт других стран и передавая свои наработанные навыки.

Процедура государственной защиты участников уголовного судопроизводства состоит из мер защиты, принимаемых правоохранительными органами, а также из социальных мер поддержки. В предмет прокурорского надзора включается проверка законности применения мер государственной защиты.

Примечательно, что система государственной защиты участников уголовного судопроизводства распространяется не только на потерпевших и свидетелей, но и на иных лиц, включающих сторону обвинения и тех, кто не занимает ни ту, ни другую сторону, но принимает активное участие в процедуре установления истины по делу [12, с. 186].

Если говорить о перечне мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, то нет единого

шаблона и авторы выделяют как расширенный перечень, так и ограниченный.

Например, В. А. Пантелеев указывает, что среди мер защиты следует выделять как социальную составляющую, так и непосредственно меры безопасности. Под мерами безопасности исследователь понимает предпринимаемые меры, направленные на защиту жизни, здоровья и охрану имущества. Данные меры могут быть регламентированы, как УПК РФ, так и иными законами, регулирующими процессуальную область, поэтому имеются они процессуальными.

Кроме того, среди мер безопасности выделяют те, которые не обладают процессуальной направленностью и определяются нормами уголовно-исполнительного, административного и оперативно-розыскного характера [11, с. 110].

Иные группы мер выделяют М. С. Колосович и О. С. Колосович:

- меры социальной защиты участников уголовного судопроизводства;
- меры правовой направленности, то есть урегулированные виды юридической ответственности за деяния, направленные на участников уголовного судопроизводства. Это может быть законно установленная уголовная ответственность, например, неуважение к суду или посягательство на жизнь и здоровье лиц, отправляющих правосудие и прочее. Уголовное и административное законодательство устанавливают ответственность за то, что были разглашены сведения о применяемых к лицу мерах безопасности;
- непосредственное применение к установленным субъектам мер безопасности, как процессуального, так и непроцессуального характера [7, с. 135].

Государственная защита участников уголовного судопроизводства выстраивается на общепризнанных началах, именуемых принципами. Принципы государственной защиты установлены в нормах Федерального закона № 119-ФЗ и представлены такими принципами, как:

- принцип законности;
- принцип уважения прав и свобод человека и гражданина;
- принцип финансирования из федерального бюджета;
- принцип установления взаимной ответственности уполномоченных осуществлять защиту органов и лиц, кому данная защита предоставляется [10, с. 283].

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что законодатель не установил различия между такими терминами, как «государственная защита», «обеспечение безопасности» и «обеспечение государственной защиты». Данное обстоятельство сказывается на правильном толковании и говорит о том, что юридическая техника имеет несовершенный вид. Не совсем понятно, так, защита должна реализовываться посредством применения мер безопасности, но также безопасность выступает целью и итогом защиты [8, с. 128].

Литература:

1. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (с изм. от 28 февраля 2025 г.) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 34. — Ст. 3534; 2025. — № 9. — Ст. 852
2. Акулова Е. В. Государственная защита субъектов уголовно-процессуальных отношений // Молодой ученый. — 2017. — № 21. — С. 280–282.
3. Брусницын Л. В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства. — М.: Юстицинформ, 2009. — 304 с.
4. Буленкова Н. В. Понятие, содержание и значение института государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Legal Bulletin. — 2020. — № 2. — 49–54 с.
5. Дмитриева А. А. К вопросу об основных направлениях повышения эффективности государственной защиты и безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Краснодарского Университета МВД РФ. — 2015. — № 4. — С. 148–151.
6. Зайцев О. А. Проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства. // Союз криминалистов и криминологов. — 2014. — № 3. — С. 261–269.
7. Колосович М. С., Колосович О. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм. — Волгоград, 2011. — 208 с.
8. Конов А. А., Хабирова И. И. К вопросу о понятии государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Инновационная наука. — 2024. — № 9. — С. 128–131.
9. Курбанов Р. М. Защита свидетелей как участника уголовного судопроизводства // Государственная служба и кадры. — 2020. — № 3. — С. 180–182.
10. Латыпов В. С., Латыпова Н. С. Система принципов обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 3(35). — Новосибирск: СибАК, 2014. — С. 283–285.
11. Пантелеев В. А. К вопросу о мерах государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. Изд-во Московского психолого-социального университета. Выпуск 4. октябрь — декабрь 2016. — С. 110–112.
12. Снеткова Л. А. Защита прав свидетеля приглашенным им для участия в уголовном судопроизводстве адвокатом // Образование и право. — 2017. — № 3. — С. 186–193.
13. Ширитов А. Б. Государственная защита участников уголовного судопроизводства: проблемы уголовно-процессуального регулирования: диссертация... кандидата юридических наук. — Автореф. диссерт. к.ю.н. — Кубан. гос. ун-т., 2011. — 23 с.

Интернет как инструмент повышения эффективности взаимодействия государства и гражданского общества

Назарова Анастасия Кирилловна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В условиях цифровизации государственно-правовых институтов интернет становится не только средством коммуникации, но и действенным правовым инструментом взаимодействия между государством и гражданским обществом. В статье раскрываются теоретико-правовые аспекты трансформации механизмов гражданского участия, анализируются современные формы цифрового взаимодействия, оценивается правовая база электронного участия в Российской Федерации, а также выявляются существующие проблемы и предлагаются направления их решения. Акцент сделан на необходимости нормативного закрепления цифровых форм участия, развитии институтов электронной демократии и формировании нового подхода к публичному управлению в цифровую эпоху.

Ключевые слова: интернет, гражданское общество, электронное государство, цифровое участие, правовое регулирование, электронная демократия, публичное управление.

Цифровизация является одной из определяющих характеристик современной эпохи. Она затрагивает не только экономику и социальные коммуникации, но и ока-

зывает мощное трансформирующее воздействие на политико-правовую систему. Особое значение в этом контексте приобретает интернет, как глобальная инфраструктурная,

коммуникационная и информационная среда, в которой формируется новое качество взаимоотношений между государством и гражданами. Если раньше участие граждан в управлении общественными делами ограничивалось выборами, письмами в органы власти и редкими формами общественного контроля, то сегодня цифровые технологии открывают значительно более широкий инструментарий. От электронных петиций и онлайн-обсуждений до дистанционного голосования и цифрового наблюдения за исполнением решений — спектр форм взаимодействия с властью существенно расширился.

Становление гражданского общества в России, несмотря на наличие конституционно закреплённых основ, сопровождалось рядом сложностей: недостаточная правовая культура, ограниченный доступ к информации, слабое развитие институтов общественного участия. Однако интернет существенно изменил правила игры. Он дал возможность создавать горизонтальные связи, организовывать инициативные сообщества, объединяться без необходимости проходить сложные процедуры регистрации. Таким образом, интернет стал пространством, в котором гражданское общество может не только функционировать, но и эволюционировать — переходить от пассивной модели к активному влиянию на принятие государственных решений.

Современное гражданское общество определяется как совокупность независимых от государства структур, институтов и механизмов, функционирующих в правовом поле и выражающих интересы граждан [1]. Оно включает некоммерческие организации, профсоюзы, профессиональные и экспертные сообщества, СМИ, а также новые цифровые формы объединения — инициативные Telegram-каналы, онлайн-группы, виртуальные сообщества, краудфандинговые платформы и пр. Интернет-среда позволяет этим субъектам действовать более мобильно, анонимно (при необходимости), оперативно и, что особенно важно — публично. В этом контексте возникает потребность в новом правовом подходе к регулированию цифрового гражданского участия.

Параллельно с трансформацией самого гражданского общества происходит и перестройка публичного управления. Переход к электронному государству — это не просто оцифровка услуг, а изменение философии взаимодействия власти и общества. Появляется концепция «сотрудничающего управления» (*collaborative governance*), при которой государство признаёт субъектность гражданских институтов и предлагает им совместную работу в формате открытых данных, цифровых консультаций, публичных экспертных обсуждений [2]. Однако успешная реализация такой модели невозможна без устойчивого нормативно-правового фундамента, гарантирующего равный доступ, юридическую значимость участия, защиту персональных данных, прозрачность и подотчётность власти.

В Российской Федерации уже создана основа для электронного взаимодействия между государством и гражда-

нами. Ключевую роль здесь играет портал «Госуслуги» (www.gosuslugi.ru), предоставляющий доступ к более чем 3 тысячам федеральных и региональных услуг. Однако сервисный характер этих платформ не решает задачу включения граждан в управление. Для этого необходимо развитие механизмов электронной демократии, таких как: электронные петиции (например, на платформе РОИ); общественные обсуждения проектов нормативных актов (regulation.gov.ru); цифровые голосования («Активный гражданин» в Москве); платформы прямого гражданского участия («Госуслуги. Решаем вместе», ЦУР); инициативные карты проблем («Карта убитых дорог» ОНФ и др.).

Однако большинство из этих механизмов в российском правовом поле до сих пор не получили полноценного нормативного закрепления. Законодательство не различает чётко петиции и обращения, не наделяет электронные обсуждения юридическим статусом, не определяет правовую силу онлайн-голосований, не устанавливает обязанность органов власти учитывать результаты цифровых инициатив [3].

Вопрос правового регулирования цифрового взаимодействия между государством и гражданским обществом в России остаётся фрагментарным. Основополагающими актами, на которые опирается эта сфера, являются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» № 8-ФЗ от 9 февраля 2009 г. [4], а также Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» № 210-ФЗ от 27 июля 2010 г. [5].

Конституция (ст. 32 и ст. 33) закрепляет право граждан участвовать в управлении делами государства и обращаться лично или направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы. Однако эти нормы не адаптированы под цифровую среду, а значит, формы электронной коммуникации до сих пор рассматриваются скорее как дополнительный сервис, а не полноценная реализация конституционного права. Это приводит к неоднозначной практике: одни органы власти формально реагируют на онлайн-петиции или цифровые инициативы, другие — игнорируют или признают их «неофициальными».

Также отсутствует специальный закон, регламентирующий цифровое участие в управлении. В отличие от отдельных субъектов РФ (например, Москвы с её нормативной базой по «Активному гражданину»), на федеральном уровне институт электронной демократии пока не институционализирован. Это создаёт правовую неопределённость, препятствует широкому внедрению цифровых форм участия и снижает уровень доверия граждан к таким механизмам.

Особое внимание следует уделить правовым рискам, сопутствующим цифровизации публичного управления. Прежде всего, это вопросы защиты персональных данных. В условиях, когда цифровые платформы соби-

рают огромные объёмы информации о гражданах — от паспортных данных до поведенческих паттернов в сети, — встаёт вопрос о том, кто и как распоряжается этими данными, как обеспечивается безопасность их хранения и передачи, каков механизм юридической ответственности за их утечку или неправомерное использование. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. [6] является базовым в этой сфере, однако его положения нередко отстают от технологической реальности.

Ещё одна правовая проблема — цифровое неравенство. Неравный доступ к интернету, низкая цифровая грамотность, слабая инфраструктура в сельских и отдалённых регионах — всё это объективно ограничивает возможности граждан участвовать в цифровом управлении. Таким образом, возникает необходимость не только в нормативном обеспечении форм цифрового взаимодействия, но и в создании условий для реализации таких прав через развитие инфраструктуры, обучение, просвещение, адаптацию интерфейсов под пользователей с ограниченными возможностями.

На практике же наблюдается противоречивая картина. С одной стороны, Россия демонстрирует высокий уровень цифровизации государственных услуг в международных рейтингах (например, ООН по показателю EGDI) страна стабильно входит в группу с высоким уровнем развития электронного правительства [7]. С другой — механизмы гражданского участия через интернет зачастую остаются формальными или декоративными. Например, электронные петиции на платформе РОИ рассматриваются крайне ограниченно: даже при сборе необходимого количества подписей (100 тыс.) решение о принятии инициативы к рассмотрению остаётся за органом власти. Аналогично с общественными обсуждениями: юридически они не носят обязательного характера и редко приводят к изменениям содержания проектов.

В то же время нельзя не отметить положительные примеры. Так, платформа «Госуслуги. Решаем вместе» в ряде регионов позволяет не просто фиксировать проблемы, но и отслеживать этапы их решения. Портал «Наш город» в Москве даёт возможность напрямую повлиять на устранение конкретных коммунальных или городских нарушений. Интересным кейсом можно назвать цифровую платформу Общественной палаты РФ, где публикуются инициативы, обзоры, результаты круглых столов и общественных слушаний, при этом ведётся публичный мониторинг реализации предложений.

Однако для того, чтобы такие инструменты стали полноценным каналом диалога власти и общества, необходима правовая их институционализация. Это означает: включение цифровых форм участия в действующие механизмы общественного контроля и законотворчества; юридическое признание результатов онлайн-голосований и обсуждений; обязанность органов власти учитывать мнение граждан, выраженное в цифровом формате; внедрение правовых стандартов открытости, доступности и обратной связи.

Важно подчеркнуть: интернет как правовой инструмент — это не только о технологиях. Это прежде всего о доверии. Без прозрачных процедур, правовых гарантий и подотчётности государство не сможет убедить граждан в реальности и значимости цифрового участия.

В заключение следует отметить, что правовая система Российской Федерации находится в стадии перехода от традиционной модели публичного управления к цифровой. Интернет и иные информационно-коммуникационные технологии становятся ядром нового типа взаимодействия между государством и обществом. Чтобы этот переход был не только технологически, но и правозащитно эффективным, требуется целый комплекс мер: от законодательных инициатив до разработки цифровой правовой культуры.

Литература:

1. Козлова Е. И., Кутушев В. Я. Теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. — М.: Юрайт, 2022. — 431 с.
2. Сушкова И. В. Электронное правительство и гражданское общество в России: проблемы правового взаимодействия // Государственная служба. — 2021. — № 4. — С. 44–48.
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 30 (ч. I). — Ст. 4214.
4. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февр. 2009 г. № 8-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2009. — № 7. — Ст. 776.
5. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 31. — Ст. 4179.
6. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3451.
7. UN E-Government Survey 2022: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. — New York: United Nations, 2022. — 274 p.

Экономическая и правовая природа доходов бюджета: к единству дефиниции

Немирова Анна Андреевна, студент

Научный руководитель: Батурина Ирина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент
Курганский государственный университет

В статье проанализированы различные подходы к определению термина «доходы бюджета». Основная цель работы заключается в формулировании единой и четкой дефиниции этого понятия. С использованием сравнительного подхода выявлены основные характеристики бюджетных доходов, такие как безвозмездность и безвозвратность, двойственная экономико-правовая природа и функциональное назначение. На основе проведенного исследования предложено авторское интегрированное определение.

Ключевые слова: доходы бюджета, определение, финансовая основа государства, экономическая сущность.

Эффективность и прогресс государства в значительной мере зависят от его бюджетных доходов, которые обеспечивают финансовую основу для выполнения основных функций и социальных обязательств. Современные экономические условия, сопровождающиеся постоянными изменениями в законодательстве, требуют разработки ясного и унифицированного определения данной категории. В этой связи далее в работе будет про-

веден анализ существующих определений термина «доходы бюджета» (таблица 1).

Проведенный сравнительный анализ данного понятия позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, наблюдается единство в понимании *юридической природы* бюджетных доходов. Ключевыми их характеристиками, закрепленными как в законодательстве, так и в юридическом словаре, являются *безвозмездность*

Таблица 1. Современная трактовка понятия «доходы бюджета»

Источник	Определение
Большой юридический словарь (2008)	«... — денежные средства, поступающие в безвозмездном и безвозвратном порядке в соответствии с законодательством РФ в распоряжение органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления» [1]
Бюджетный кодекс Российской Федерации (статья 6)	«...поступающие в бюджет денежные средства, за исключением средств, являющихся в соответствии с настоящим Кодексом источниками финансирования дефицита бюджета» [2]
Афониная Е. В	«... представляют собой имущественную основу существования и функционирования государства, которая дает органам государственной власти и местного самоуправления экономические возможности для осуществления ими своих функций» [3]
Васильева Н. В	«... денежные средства, поступающие в процессе распределения (перераспределения) национального дохода безвозмездно и безвозвратно в бюджетные фонды бюджетной системы РФ, из их числа необходимо исключить межбюджетные трансферты, которые нужно рассматривать как методы бюджетного регулирования» [4]
Лукина В. Д., Кузминова О. А., Белотелова Н. П., Белотелова Ж. С	«... выражают экономические отношения, возникающие между государством и предприятиями, организациями и гражданами в процессе формирования бюджетного фонда страны» [4]
Мусаткина А. А., Чуклова Е. В	«... часть финансовых отношений, связанная с формированием финансовых ресурсов в распоряжении государства, а также, та часть национального дохода, которая обращается в процессе распределения через различные виды денежных поступлений, и направлена на создание финансовой базы для осуществления задач и функций государства» [5]
Петручак А. В	«... представляют собой совокупность денежных средств, поступающих в соответствии с бюджетным законодательством и законодательством о налогах и сборах Российской Федерации в федеральный, региональный или местный бюджет на безвозвратной основе, а также возвращаемые (возмещаемые) излишне уплаченные (взысканные) суммы, формирующие финансовую базу для исполнения публичных обязательств государства и муниципальных образований» [6]

и безвозвратность поступления денежных средств в соответствующий бюджетный фонд.

Во-вторых, в определениях раскрывается двойственная экономико-правовая сущность данного понятия. С одной стороны, доходы бюджета определяются как конкретные денежные средства, формирующие финансовую базу государства и муниципальных образований. С другой стороны, они рассматриваются как система экономических отношений, возникающих в процессе распределения и перераспределения национального дохода между государством и хозяйствующими субъектами. При этом выступая не только аккумулятором ресурсов, но и формой реализации финансово-правовых отношений.

В-третьих, выделяется функциональное назначение бюджетных доходов. Они формируют имущественную основу для осуществления государством и органами местного самоуправления властных полномочий и вы-

полнения возложенных на них функций, обеспечивая финансовые условия для публичных интересов и реализацию социально-экономических программ.

Таким образом, комплексный анализ представленных подходов позволяет определить доходы бюджета как совокупность безвозмездных и безвозвратных денежных поступлений в бюджетную систему, которые отражают экономические отношения, связанные с распределением и перераспределением национального дохода, и создают финансовую базу для осуществления функций и полномочий государственных и местных органов управления.

С нашей точки зрения, данное определение имеет интегрированный характер и может служить основой для дальнейших теоретических исследований и решения практических задач в области бюджетного права и публичных финансов.

Литература:

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. — М.: Инфра-М, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://law.niv.ru/doc/dictionary/large-legal/articles/562/dohody-byudzheta.htm> (дата обращения: 14.10.2025).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 03.11.2023) // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 12.11.2025).
3. Афонина Е. В. К вопросу о правовом регулировании доходов бюджета // Журнал юридических исследований. 2017. № 1. С. 39–46 [Электронный ресурс]. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/16290/view> (дата обращения: 16.11.2025).
4. Васильева Н. В. К вопросу об определении понятия и видов бюджетных доходов // Экономика и общество. 2019. № 8(63) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-i-vidov-byudzhethnyh-dohodov> (дата обращения: 12.11.2025).
5. Лукина В. Д., Кузминова О. А., Белотелова Н. П., Белотелова Ж. С. Бюджетная система Российской Федерации: учебное пособие: под ред. Н. П. Белотеловой. М.: М: РИО Российской таможенной академии, 2018. 184 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/read?id=388493> (дата обращения: 14.10.2025).
6. Мусаткина А. А., Чуклова Е. В. Финансовое право: учебное пособие / А. А. Мусаткина, Е. В. Чуклова. — Москва: РИОР: ИНФРА — М, 2023. 176 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/read?id=428084> (дата обращения 10.11.25)
7. Петручак А. В. Правовые основы формирования доходов бюджетов // Вестник МГЮА. 2019. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/850> (дата обращения: 14.10.2025).

Правоотношения, реализация права, правосознание.

Взаимосвязь этих понятий в правовой науке

Петровская Дарья Витальевна, студент

Научный руководитель: Тарасова Анастасия Алексеевна, преподаватель

Инжиниринговый колледж (г. Белгород)

Статья посвящена исследованию трех ключевых понятий в правовой науке: правоотношения, реализация права и правосознание. Рассматриваются их взаимосвязь, теоретические основы, а также проблемы и пути их совершенствования в правовой системе современной России. Анализируются основные подходы к пониманию каждого из этих понятий, а также влияние правосознания на успешность реализации права и функционирование правоотношений.

Ключевые слова: правоотношения, реализация права, правосознание, правовая система, правовое регулирование, юридическая ответственность.

Введение

Правоотношения, реализация права и правосознание составляют фундаментальные элементы правовой системы, взаимодействуя друг с другом и обеспечивая стабильность и предсказуемость правовых норм. Понимание их сущности и взаимосвязи имеет важное значение как для теории, так и для практики права.

Правоотношения лежат в основе правового регулирования, в их рамках осуществляется защита прав и свобод индивидов, а также регулирование общественных отношений. Реализация права, в свою очередь, представляет собой процесс воплощения правовых норм в жизни, и успешность этого процесса во многом зависит от уровня правосознания участников правоотношений. В свою очередь, правосознание — это осознание и восприятие индивида или группы индивидов юридических норм, что влияет на их поведение и готовность соблюдать право.

Данная статья направлена на анализ основных понятий, их взаимосвязи, а также на выявление проблем в их применении в условиях современной российской правовой системы.

Для того, чтобы рассмотреть связь данных понятий, нужно сначала разобрать, что они представляют из себя по отдельности.

Правоотношения — это общественные отношения, которые регулируются правовыми нормами и возникают на основе прав и обязанностей субъектов, закрепленных в законодательных актах. Это ключевая категория в юридической теории, поскольку именно через правоотношения реализуется правовая регуляция общественных процессов.

Правоотношения можно классифицировать по различным критериям:

1. По субъектам: публичные и частные правоотношения. Они различаются по характеру регулируемых интересов, субъектному составу и методу правового регулирования.

То есть, цитируя юриста ранней Римской империи — Ульпиана, можно кратко сказать, что «публичное право относится к положению государства, частное — к пользе отдельных лиц».

2. По содержанию: имущественные, личные неимущественные, содержательные (организационные). Главное отличие между данными правоотношениями — в объекте, то есть в том, по поводу чего возникают права и обязанности.

Например, имущественные — о деньгах и имуществе; неимущественные — о чести, имени, приватности; организационные — о процессе и порядке.

3. По объектам: правоотношения, связанные с действиями, вещами, услугами, правами и обязанностями. Отличие в объектах в том, что нужно участникам правоотношения.

Необходимо отметить, что важнейшей характеристикой правоотношений является наличие юридической

ответственности, которая наступает в случае нарушения норм, регулирующих данные отношения.

Правоотношение — динамическое звено между нормой права и результатом регулирования. Процесс правового регулирования можно представить как цепь:

Норма права — Юридический факт (действие или событие) — Возникновение правоотношения — Реализация прав и обязанностей — Достижение социально полезного результата (получение товара, вступление в брак, исполнение наказания).

Таким образом, правоотношение — центральное звено этой цепи, где абстрактная воля государства превращается в конкретные права и обязанности.

Реализация права — это процесс воплощения в жизнь норм, установленных правовыми актами, и осуществляется в рамках конкретных правоотношений. Реализация может происходить как в виде активных или пассивных действий субъектов права, так и через принятие решений компетентными органами, что в итоге приводит к практическому применению закона.

Если углубиться в механизмы реализации права, можно выделить несколько категорий, в которых право воплощается в жизнь:

1. Соблюдение — пассивная форма реализации, выражающаяся в воздержании субъектов от совершения действий, запрещенных правовыми нормами.

2. Исполнение — активная форма реализации, заключающаяся в выполнении субъектом юридических обязанностей, возложенных на него законом.

3. Использование — диспозитивная форма реализации, при которой субъект по своему усмотрению осуществляет предоставленные ему законом субъективные права.

4. Применение — властно-организующая форма реализации, осуществляемая компетентными государственными органами и должностными лицами путем издания индивидуальных правовых актов на основе норм права.

Однако процесс реализации права сталкивается с рядом проблем:

1. Неопределенность правовых норм. По мнению В. В. Лазарева данная проблема «порождает неоднозначность толкования нормативных предписаний и противоречивую практику применения». То есть главная проблема — расплывчатость формулировок. Например, «разумный срок», «существенное нарушение» и так далее.

Самое главное для решения данной проблемы — совершенствование законодательной техники и правовой терминологии, усиление роли толкования Конституционного Суда и Верховного Суда РФ, а также проведение антикоррупционной и лингвистической экспертизы проектов нормативных актов.

2. Правовая нестабильность. Н. И. Матузов отмечает частые изменения и несогласованность нормативных актов: «разрушают устойчивость правовой системы и подрывают доверие граждан к закону». Данная проблема проявляется во фрагментарности правового регулирования

Для решения нужно: обеспечить системность и преемственность законодательства; установить минимальный срок действия нормативных актов без изменений; создать механизм предварительной оценки правового воздействия.

3. Отсутствие правоприменительной практики. Данную проблему раскрывала Т. В. Кашанина, отмечая недостаточную разработанность правоприменительной практики в отношении новых правовых институтов: «создает вакуум правоприменения, заполняемый произвольным толкованием норм». Данная проблема особенно характерна для вновь принятых законов.

Пути решения: формирование единых методических рекомендаций и судебных обзоров; развитие разъяснительной деятельности Верховного Суда РФ; усиление роли научно-консультативных советов.

Если обобщить все ранее сказанное, можно сделать вывод, что для успешной реализации права необходима целая система механизмов: правовая система должна включать органы, которые будут исполнять нормы, а также предусматривать санкции за их нарушение, обеспечивая, таким образом, правовую стабильность.

Правосознание — это осознание, восприятие и оценка человеком юридических норм, а также системы права в целом. Включает в себя как индивидуальное, так и коллективное правосознание, которое может быть в разных формах: от правовых знаний до правового чувства и правового поведения.

Правосознание влияет на:

1. Правомерность поведения участников правоотношений. Высокий уровень правосознания способствует соблюдению норм права и снижает вероятность правонарушений.

2. Эффективность реализации права. Чем более правосознательны граждане, тем легче реализуются права и обязанности, тем меньше возникает правовых споров.

3. Правовую культуру общества. Формирование правосознания зависит от общего уровня правовой культуры, которая способствует уважению к праву и государственной власти.

Одной из проблем правосознания в России является несовершенство правовой культуры, особенно в части гражданской правосознания, что часто приводит к нару-

шениям прав и законов. В частности, недостаточная осведомленность о своих правах и обязанностях, а также неспособность понять последствия правонарушений, могут привести к неэффективности реализации права.

Правосознание — это «человеческий фактор» правовой системы. Без его поддержки самая совершенная правовая система будет буксовать.

Поэтому одна из главных задач любого государства, стремящегося к правовому — это целенаправленное формирование зрелого правосознания через правовое воспитание, образование и, что самое важное, через издание справедливых и эффективных законов, которые люди смогут уважать.

Наконец, после данного теоретического анализа, можно рассмотреть и саму связь между этими понятиями.

Правоотношения, реализация права и правосознание — это взаимосвязанные элементы правовой системы, взаимодействие которых определяет ее эффективность.

Правоотношения без реализации права утрачивают свою значимость, так как не происходят действия, направленные на соблюдение или изменение общественных отношений. В то же время успешная реализация права невозможна без правильных, правомерных действий участников правоотношений, которые должны понимать и осознавать свои обязанности и права. Важнейшую роль в этом процессе играет правосознание — оно обеспечивает правомерное поведение субъектов правоотношений и способствует адекватному применению правовых норм.

Заключение

В заключение можно сказать, что правоотношения, реализация права и правосознание — это основные элементы, определяющие эффективность правовой системы. Несмотря на значительные успехи в российском праве, продолжают существовать проблемы, связанные с их взаимодействием, что требует дополнительных исследований и реформ. Формирование сильной правовой системы возможно только при условии, что эти три компонента будут эффективно взаимосвязаны и обеспечивать правопорядок в обществе.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.): [поправки одобрены Советом Федерации 11 марта 2020 г.]: — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.11.2025). — Текст: электронный.
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 05 мая 2014. № 124-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49, ст. 4552. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения 14.11.2025) Текст: непосредственный.
3. Кашанина, Т. В. Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. — Москва: Норма, 2021. — 355с. — ISBN 978-5-00156-104-5 — Текст: непосредственный.
4. Матузова, Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузова, А. В. Малько. — Москва: Юристъ, 2018. — 309с. — ISBN 978-5-7975-1234-5. — Текст: непосредственный.

5. Протасов, В. Н. Актуальные проблемы теории права: что и как регулирует право: учебник для вузов / В. Н. Протасов. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 137 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–12415–6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/566747> (дата обращения: 14.11.2025).
6. Лазарев В. В. Теория государства и права: учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2020. — 287с. — ISBN 978–5–00156–098–7. — Текст: непосредственный.

Латентная преступность: сущность, типология и методы выявления в современном обществе

Пирогова Диана Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена всестороннему научному исследованию феномена латентной преступности как одного из ключевых показателей состояния правопорядка в современном обществе. В работе раскрываются теоретико-правовые основы понятия латентной преступности, её сущностные характеристики, структурные особенности, типологические и классификационные критерии.

Особое внимание уделено анализу методов выявления скрытых форм преступного поведения, включая социологические, статистические и моделирующие инструменты, применяемые в современной криминологической науке для установления реальных масштабов преступности.

Обосновывается вывод о том, что латентная преступность не сводится к простому искажению статистических данных, а представляет собой проявление системных дисфункций механизма уголовной юстиции, правоприменительной практики и состояния общественного правосознания.

Ключевые слова: латентная преступность, скрытая преступность, криминология, правопорядок, статистические методы, моделирование, выявление преступлений.

Современное общество сталкивается с рядом социальных явлений, которые подрывают основы правопорядка и создают ложное представление о реальной криминогенной ситуации. Одним из таких явлений является латентная преступность — совокупность преступлений, не отражённых в официальной статистике, не зарегистрированных либо умышленно скрытых. Именно она формирует «тёмную зону» преступности, искажая восприятие уровня безопасности и эффективности деятельности правоохранительных органов.

Латентная преступность представляет собой одну из наиболее опасных форм девиантного поведения, поскольку наносит скрытый, но существенный ущерб государству и обществу, разрушая доверие к институтам правосудия [1, с. 205]. Проблема выявления латентной преступности имеет фундаментальное значение для криминологии, поскольку от точности представления о её масштабах зависит обоснованность решений в сфере профилактики и борьбы с преступностью.

Понятие латентной преступности имеет многоаспектный характер, что обуславливает отсутствие единой общепринятой дефиниции.

В классическом понимании под ней подразумеваются преступления, сведения о которых не поступили в органы правопорядка и, следовательно, не нашли отражения

в официальных отчётах. Именно несоответствие между фактическим количеством преступлений и зарегистрированными случаями порождает «скрытый сегмент» криминальной реальности.

Ю. В. Торопин, анализируя данное явление, подчёркивает, что латентная преступность — это не просто статистическая погрешность, а отражение системных проблем функционирования уголовной юстиции [2, с. 82]. То есть феномен латентной преступности не сводится лишь к недостаткам учётно-статистической деятельности правоохранительных органов, поскольку речь идёт о более глубокой проблеме, затрагивающей саму структуру и принципы функционирования уголовно-правовой системы. Высокий уровень латентности свидетельствует о несовершенстве механизмов регистрации заявлений, недостаточной прозрачности работы следственных органов и дефиците доверия граждан к институтам правосудия.

Латентная преступность, таким образом, становится своеобразным индикатором состояния правовой системы в целом. Чем выше доля скрытых преступлений, тем очевиднее, что формально заявленные показатели раскрываемости и профилактики не отражают действительного положения дел. Это означает, что латентность проистекает не из ошибок статистики, а из внутренних струк-

турных проблем — бюрократизации, коррупции, низкой эффективности взаимодействия между ведомствами и недостаточном контроле за законностью процессуальных решений.

Таким образом, латентная преступность может быть определена как совокупность неучтённых и нераскрытых преступных деяний, которые остаются вне официальной правовой оценки.

При этом высокая латентность проявляется в отношении преступлений, затрагивающих личную, имущественную и экономическую сферы: семейно-бытовое насилие, коррупция, финансовые и насильственные преступления [3, с. 28]. Именно в этих категориях деяний скрытность приобретает максимальное выражение, поскольку в них особенно велика роль социально-психологических факторов — стыда, опасений перед общественным осуждением, отрицательной оценки возможности установления виновных лиц.

Более глубокому пониманию внутренней структуры и механизмов образования латентной преступности служит её типологизация.

Р. М. Акутаев в своих научных исследованиях предлагает рассматривать латентную преступность как многоуровневое явление, которое включает в себя две ключевые категории — естественно-латентную и искусственно-латентную преступность [4, с. 67]. Естественная латентность охватывает те общественно опасные деяния, сведения о которых по различным причинам не попали в поле зрения органов правопорядка, вследствие чего данные преступления не отражены в официальной уголовной статистике и не стали предметом процессуального реагирования. Иными словами, речь идёт о фактах преступных действий, которые остались неизвестными компетентным органам, а потому не повлекли привлечения виновных к ответственности.

Искусственно-латентная преступность, напротив, возникает в тех случаях, когда информация о преступлении умышленно исключается из статистического учёта должностными лицами, обязанными фиксировать заявления и сообщения граждан о ставших им известными фактах совершения преступных деяний. Данный вид латентности связан не с поведением потерпевших, а с сознательным нарушением закона со стороны представителей системы правопорядка, что снижает достоверность уголовно-правовой отчётности и искажает реальное представление о состоянии преступности.

Некоторые исследователи выделяют пограничную латентность, когда преступное деяние действительно имело место, но сам потерпевший не осознаёт факт его совершения либо не воспринимает произошедшее как преступление [5, с. 31].

В современных исследованиях выделяется иная классификация, основанная на анализе причин и механизмов латентизации деяний [6, с. 78]. Согласно этой концепции, латентные преступления распределяются по нескольким группам, каждая из которых отражает определённую модель формирования скрытности.

Во-первых, сюда относятся деяния, ошибочно не воспринимаемые обществом как уголовно наказуемые: например, случаи причинения вреда по неосторожности или деяния, совершаемые лицами с низким уровнем правовой грамотности.

Во-вторых, это преступления, о которых потерпевшие сознательно не сообщают правоохранительным органам из-за страха, стыда, зависимости от преступника или недоверия к системе правосудия.

В третью группу входят преступления без конкретного потерпевшего — посягательства на государственные или общественные интересы, где отсутствует личностный мотив обращения в органы власти.

Четвёртая категория включает преступления, известные лишь ограниченному кругу лиц, часто самим участникам противоправных действий. В подобных ситуациях виновные принимают специальные меры по сокрытию информации, а пострадавшие не проявляют заинтересованности в её разглашении. Особенно характерны такие случаи для теневых сфер экономики и коррупционных схем.

К пятой группе относятся так называемые «скрытые преступления», сведения о которых известны правоохранительным органам, но не получили соответствующей процессуальной оценки. Как отмечают исследователи, лишь малая часть обращений граждан действительно приводит к возбуждению уголовного дела, что свидетельствует о серьёзных нарушениях учётно-регистрационной дисциплины.

Наконец, шестую группу составляют деяния, по которым были приняты неправомерные решения об отказе в возбуждении дела по формальным основаниям — якобы за отсутствием события или состава преступления. Именно эта разновидность искусственной латентности наиболее опасна, поскольку она формирует иллюзию снижения преступности и подрывает доверие граждан к институтам правосудия.

Исследование скрытых форм преступности требует использования специфических методов, сочетающих криминологический, социологический и статистический подходы.

Одним из наиболее эффективных инструментов является **метод опросов и анкетирования**, направленный на выявление преступлений, о которых не сообщалось в официальные органы [7, с. 73]. Этот метод используется для измерения так называемой «тёмной фигуры преступности», представляющей собой разрыв между фактическими и зарегистрированными случаями. Сравнение данных социологических исследований и официальной статистики позволяет выявить масштабы скрытых преступлений и определить, какие факторы препятствуют их регистрации. При этом респонденты могут скрывать участие в преступной деятельности или выдавать ложные факты, что не даёт в полной мере оценить реальный уровень преступности.

Другим важным направлением в исследовании латентной преступности выступает анализ материалов

судебной и правоохранительной практики, который предполагает сопоставление количества возбужденных уголовных дел, направленных в суд, с предполагаемым числом реально совершённых преступлений [8, с. 31]. Подобный сравнительный подход позволяет выявить расхождения между фактической преступностью и её официальной регистрацией, а также установить долю дел, не получивших процессуального завершения. Изучение судебных решений, постановлений о прекращении уголовного преследования и иных актов правоприменительной деятельности предоставляет возможность определить, какое количество преступлений остаётся нераскрытым либо прекращается по основаниям, не имеющим достаточного правового обоснования.

В современной криминологической науке всё более широкое применение находят методы моделирования и прогнозирования, основанные на использовании статистических и математических инструментов анализа [9, с. 62]. Посредством экстраполяции данных о зарегистрированных преступлениях формируются вероятностные модели, позволяющие выявить предполагаемый объём латентной преступности, определить её внутреннюю структуру, динамику и тенденции развития. Этот подход

позволяет государственным органам корректировать профилактические меры и рационально распределять ресурсы правоохранительных органов с учётом реальных криминогенных рисков.

Таким образом, методы выявления латентной преступности должны быть направлены не только на измерение её масштабов, но и на повышение доверия граждан к институтам правосудия, что в перспективе позволит сократить объём «скрытой зоны» преступности.

Проблема латентной преступности имеет большое значение для понимания реального состояния правопорядка и эффективности уголовной политики государства. Скрытый характер многих преступлений искажает статистическую картину, подрывает принципы законности и равенства граждан перед законом.

Повышение эффективности выявления латентных преступлений возможно лишь при условии укрепления доверия к правоохранительным органам, совершенствования системы учёта, повышения правосознания и внедрения современных аналитических методов. Латентная преступность — это зеркало общественных противоречий и показатель зрелости правовой системы. Чем меньше её доля, тем выше уровень открытости, ответственности и справедливости в государстве.

Литература:

1. Простев, Е. Н. Особенности методов измерения латентной преступности // Молодой ученый. 2024. № 46 (545). С. 204–206.
2. Ю. В. Торопин Латентная преступность: понятие, сущность и структура // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18). С. 85–85.
3. Д. Е. Дроздов. Особенности современной латентной преступности // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 25–30.
4. Акутаев Р. М. Криминологический анализ латентной преступности: дис.... д-ра юрид. наук. СПб, 1999. С. 67.
5. Алексеев А. М., Роша А. Н. Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 19. — М., 1973. С. 31.
6. Галуева В. О. Латентная преступность как неотъемлемая составляющая преступности // Общество и право. 2019. № 11. С. 78.
7. Гавриленко, В. А. К вопросу об отдельных видах латентной преступности / В. А. Гавриленко, В. В. Карпеев // Актуальные проблемы государства и права. — 2020. — Т. 4, № 13. — С. 68–76.
8. Черноусов М. М., Цветков Г. С. Исследование латентной преступности: теоретические и практические аспекты // Наука, образование и культура. 2018. № 3 (27). С. 30–39.
9. Пилюгина Т. В., Натура Д. А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 61–70.

Коррупция от истоков до нашего времени и пути противодействия ей

Прохорова Елизавета Сергеевна, студент;

Грибовская Арина Валерьевна, студент

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

В рамках исследования был проведен всесторонний анализ коррупции в России как сложного социального явления и негативного института. Исследованы исторические корни коррупции в стране, ее трансформация и эволюция. Особое внимание уделено анализу коррупционной ситуации в современной России в период с 2022 по 2024 годы. Проанализиро-

вана правоприменительная практика в сфере противодействия коррупции, включая статистические данные, примеры резонансных дел и выявленные тенденции.

Целью исследования является выработка практических рекомендаций по совершенствованию системы противодействия и профилактики коррупции в современной России, учитывающих специфику и актуальные тенденции этого явления.

Ключевые слова: коррупция, противодействие, меры, закон, нормативные требования.

Коррупция, зародившаяся в эпоху первых государств, признается универсальной проблемой с давних времен. Слово «*corruptio*», означающее порчу, обман и подкуп, появилось у древних римлян и происходит из латинского языка, где оно символизирует разложение или деградацию [5, с. 111].

Термин «коррупция» был введен в научный оборот и стал использоваться в российском законодательстве только в XIX в., однако уже до этого существовали корыстные злоупотребления должностных лиц, подпадающие под понятие «коррупция» в соответствии с современным российским и международным правом [6, с. 160].

В период формирования государственных структур в Древней Руси, коррупция как социальное явление берёт своё начало из укоренённых общественных традиций. В те времена, члены государственной администрации получали материальное обеспечение от общины, согласно правилам, заданным правителем государства [8, с. 119].

В Древней Руси существовала практика «кормления», которая в IX-X веках получила официальное признание и превратилась в законодательно утвержденную форму коррупции. Несмотря на то, что к середине XVI века этот институт был официально ликвидирован, его влияние и практики продолжали функционировать в обществе.

Сейчас одной из ключевых задач государства в Российской Федерации является борьба с коррупцией и устранение основных факторов, которые её вызывают.

В апреле 2012 года Россия приняла значительное решение о присоединении к международным усилиям по борьбе с коррупцией, став 39-й страной-участницей Конвенции ОЭСР. Этот шаг подчеркнул стремление страны адаптировать свои антикоррупционные законы к мировым стандартам.

В январе 2013 года в России вступили в силу изменения в Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», обязывающие организации принимать меры по предупреждению коррупции [2].

Сегодня коррупция охватывает различные аспекты общественной жизни и административные структуры, став значительным препятствием на национальном уровне.

В 2024 году, согласно информации от Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД), число зарегистрированных преступлений, касающихся взяточничества, достигло 23 240, что на 14,6 % превышает показатели предыдущего года [4].

В первой половине 2024 года в России статистика Генпрокуратуры отмечает рекордное количество коррупци-

онных преступлений за последние 13 лет, с регистрацией 10 251 случая [3].

Для сравнения, за аналогичный период 2023 года было зарегистрировано 9 917 коррупционеров, а в 2022 году — 9 880.

Коррупция является многогранным явлением, которое анализируется через призму разных аспектов, включая правовые, социальные, психологические и культурные подходы.

Коррупционные действия часто зарождаются в условиях, где государственные служащие имеют возможность управлять дефицитными ресурсами в результате своих полномочий по принятию решений и контролю над имуществом.

Коррупция часто усиливается из-за ряда факторов, включая неэффективное государственное регулирование, которое приводит к возникновению ренты, слабость государственного надзора, отсутствие моральных стандартов, недостаточное развитие правовой осведомленности среди населения, а также из-за проблем в экономической структуре, включая распространение теневой экономики [5, с. 117].

Политическими причинами коррупции являются: зависимость власти от экономической элиты, отсутствие политической воли и желания бороться с коррупцией из-за личной выгоды, слабость гражданского общества и ослабление контроля над экономической деятельностью в условиях демократизации.

Коррупция часто укореняется в экономическом грунте, причины её многочисленны: желание доминировать на рынке через создание монополий, стремление к личной выгоде, недостаточные доходы у государственных служащих, усугубление экономического кризиса, расширение неформальной экономики и сокращение возможностей для честной конкуренции.

Коррупция часто укореняется в обществе из-за таких факторов, как специфические культурные обычаи, например традиция дарения подарков, неэффективная социальная политика, а также из-за социального разделения и неравенства, вызванных несправедливым распределением ресурсов.

Коррупционные явления часто коренятся в институциональных недостатках, таких как неэффективная политика отбора персонала, которая ведет к тому, что на государственные должности попадают люди без необходимых квалификаций [7, с. 70].

Несовершенство антикоррупционной политики проявляется в коррупционном фаворитизме и nepotизме, ослаблении антикоррупционных механизмов из-за ку-

мовства и недостаточного контроля за доходами должностных лиц.

Также причиной является несовершенство законодательства, не успевающего за экономическими изменениями.

Бороться с коррупцией стоит в числе основных задач, которые ставят перед собой государственные институты. Эффективность мер по борьбе с коррупцией достигается через внедрение открытых процедур, активное вовлечение гражданского общества, применение норм этического поведения и подчеркивание достигнутых успехов.

Эффективное противодействие коррупции требует комплексного подхода. Ключевыми аспектами являются укрепление институциональной структуры, стандарти-

зация антикоррупционных мер, обеспечение согласованности в действиях государственных органов, поддержание независимости средств массовой информации, а также совершенствование процессов на государственной и муниципальной службах.

Для эффективного противодействия коррупции необходимо применять ряд взаимодействующих стратегий, нацеленных на устранение основных причин и изменение тенденций в коррупционных действиях.

Эти стратегии должны предотвращать возникновение новых случаев коррупции и функционировать как профилактика. Важно, чтобы как гражданское общество, так и государственные структуры активно применяли антикоррупционные меры.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ. «О противодействии коррупции» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения 08.04.2025)
3. Государственная статистика // Единая межведомственная информационно — статистическая система URL: <https://fedstat.ru/indicators/> (дата обращения: 08.04.2025).
4. Состояние преступности // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/folder/101762/item/7445977/> (дата обращения: 08.04.2025).
5. Фархуллин Д. М., Дышлова А. А., Гаврилюк Р. В. Противодействие коррупции: развитие и правовое регулирование // Наука. Образование. Современность. — 2023. — № 4. — С. 110–118.
6. Честнов Н. Е. Координация правоохранительных органов как приоритетное направление по борьбе с коррупцией в сфере обеспечения национальной безопасности // Инновации. Наука. Образование. — 2022. — №. 52. — С. 157–161.
7. Шаманский Д. А. Независимость государственной власти: проблемы укрепления и антикоррупционной безопасности // Lex Russica. — 2022. — №. 8 (189). — С. 69–80.
1. Михеенко, А. И. Противодействие коррупции на государственной службе как приоритетное направление административной реформы России / А. И. Михеенко // Международные научные студенческие чтения — 2025. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2025. — С. 116–120.

Правовые последствия признания сделок должника недействительными в рамках дел о несостоятельности

Розыева Зухра Байрамовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Оспаривание сделок в деле о несостоятельности служит главным каналом восполнения конкурсной массы и восстановления равенства кредиторов. В статье рассмотрены последствия признания сделки недействительной с учетом их самостоятельной природы по отношению к общегражданской реституции. Показано, как работают возврат имущества, взыскание стоимости при невозможности натурального возврата и учет дохода от владения. Отдельно разобраны восстановление требований контрагента и их место в реестре, а также специфика прекращающих сделок. Освещен специальный порядок защиты покупателя жилья у должника. Предложены практические ориентиры по доказыванию изменения стоимости и расчету денежного эквивалента. Выводы опираются на закон, обзоры Верховного Суда и актуальную доктрину за 2023–2025 годы.

Ключевые слова: несостоятельность, недействительная сделка, конкурсная масса, реституция, восстановление требований, очередность, зачет, отступное, доход от владения, жилое помещение.

Legal consequences of recognizing the debtor's transactions as invalid within the framework of insolvency cases

Avoidance of transactions in insolvency proceedings is a core instrument for replenishing the bankruptcy estate and restoring creditor equality. This article analyzes the legal consequences of declaring a debtor's transaction void, emphasizing their autonomy from general civil restitution. It explains the mechanism of asset return, monetary compensation when natural return is impossible, and recovery of benefits from use. The paper also addresses reinstatement of the counterparty's claim and its priority in the register, focuses on terminating transactions, and outlines the special protection for buyers of residential premises from the debtor. Practical guidance is offered for proving value changes and calculating monetary equivalents. The conclusions rely on statute, recent Supreme Court reviews, and current scholarship for 2023–2025 [4].

Keywords: insolvency, void transaction, bankruptcy estate, restitution, reinstated claim, priority, set off, *datio in solutum*, benefits from use, residential premises.

Институт оспаривания сделок выполняет две ключевые задачи. Он возвращает актив в конкурсную массу и устраняет преимущество отдельного кредитора, которое возникло за счет других участников. Закон о несостоятельности создает особую модель последствий, где главным ориентиром выступает защита общего фонда удовлетворения требований, а не формальная симметрия сторон [4].

Эта логика лучше всего видна через переосмысление известных гражданских конструкций с учетом целей процедуры. Реституция в делах о несостоятельности служит интересам массы и принципу соразмерности. Современные учебные и практические издания подчеркивают самостоятельный характер данного механизма. Он встроен в систему специальных правил и не сводится к прямому применению статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации [5].

В доктринальном плане последствия недействительности в банкротстве имеют собственное назначение. Суд восстанавливает имущественное положение должника так, чтобы не закрепить выгоду у приобретателя и нейтрализовать экономический ущерб для конкурсной массы. Поэтому учитывается не только факт вывода актива, но и изменение его стоимости за период спорного владения [8].

Практическая модель последствий строится последовательно. Все полученное по недействительной сделке подлежит возврату в конкурсную массу. Если возврат в натуре невозможен, взыскивается действительная стоимость на момент приобретения, а также убытки от последующего изменения цены. Тем самым исключается ситуация, когда приобретатель сохраняет рост стоимости, возникший уже после выбытия вещи из массы. Судебные обобщения последних лет подчеркивают необходимость точной фиксации даты оценки и внимательного расчета убытков [3].

Из этого вытекает вопрос о восстановлении требований контрагента. Если недействительной признана сделка, которой погашалось обязательство, требование кредитора подлежит восстановлению и учитывается в реестре как конкурсное. При выявлении предпочтитель-

ного удовлетворения такое требование получает более низкую очередность. Обобщение практики за 2023 год закрепило именно этот подход. Он направлен на устранение скрытого преимущества, возникшего из-за формы прекращающей сделки [2].

Особого анализа требуют прекращающие сделки, прежде всего зачет и отступное, совершенные вблизи возбуждения дела. Формальная корректность не гарантирует устойчивости результата. Суд оценивает экономическую цель, реальное влияние на равенство кредиторов и связь по времени со стадиями процедуры. Обзор за 2024 год предлагает четкие ориентиры. Они помогают выделить допустимое перераспределение риска от недопустимого предпочтения [3].

Когда возврат вещи невозможен, денежная компенсация дополняется взысканием дохода, который приобретатель извлек или должен был извлечь при обычной заботливости. Речь идет не о санкции, а о восстановлении реальной стоимости потерь массы. Профессиональные разъяснения описывают случаи, когда следует учитывать проценты как элемент неосновательного обогащения, и предлагают понятные подходы к установлению периода пользования [6].

Отдельная ситуация касается приобретения гражданином жилого помещения у должника. Закон установил специальную процедуру. Спорная квартира реализуется с уведомлением покупателя, предоставлением права приоритетного приобретения по прозрачной цене и расчетами через специальный счет. До завершения расчетов сохраняется право пользования помещением. Эта конструкция поддерживает баланс между интересами кредиторского сообщества и защитой добросовестного гражданина.

Процессуальная стратегия строится на точной реконструкции экономического результата спорной сделки. Необходимы рыночные ориентиры на дату сделки и на период владения, внятная калькуляция дохода, а также доказательства осведомленности контрагента о признаках неплатежеспособности. В исследованиях по тематике оспаривания предложены рабочие схемы причинной связи и структуры доказательств. Такой подход сокращает

число формальных отказов и делает расчет взыскания предсказуемым [7].

Практика показывает повторяемость трех сюжетов. Нерыночная цена отчуждения, взаимозачет накануне процедуры и адресное исполнение избранному кредитору. Для каждого случая ключевым становится быстрый выбор средства защиты. При сохранности актива предпочтение имеет натуральный возврат. При невозможности его возвращения суд ориентируется на действительную стоимость и на доход от пользования. Для расчета часто применяются методики оценки и структурированный анализ документов. Это системно отражено в современных публикациях [9].

В теоретическом плане последствия недействительности в банкротстве близки к особой ответственности, которая служит интересам конкурсной массы. Поэтому мо-

дель включает не только возврат полученного, но и учет изменения стоимости и выгоды от владения. В доктрине это описано как ответственность особого правового характера. Такая трактовка позволяет отделить ее от гражданской симметрии и сохранить внутреннюю логику процедуры [1].

Завершая изложение, можно выделить два устойчивых принципа. Приоритет сохранности и пополнения конкурсной массы, а также равенство кредиторов без скрытого предпочтения. Суд возвращает актив либо взыскивает стоимость с учетом изменения цены и дохода. Восстановленное требование включается в реестр по справедливым правилам. Для покупателя жилья действует особая защита. Практическая эффективность достигается тогда, когда участники заранее готовят доказательства экономического эффекта спорной сделки и представляют суду прозрачный и проверяемый расчет.

Литература:

1. Блинов Д. А. Последствия недействительности сделки в деле о банкротстве как ответственность особой правовой природы // Вопросы права. 2024. № 4. С. 86–89.
2. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности за 2023 год: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024.
3. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности за 2024 год: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025.
4. О несостоятельности: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Актуальная редакция. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. 416 с.
6. Реституция в банкротстве: в каких случаях необходимо учитывать проценты // ЭЖ Юрист. 12.09.2024. URL: <https://www.eg-online.ru/article/489374/> (дата обращения: 19.11.2025).
7. Солтус А. А., Пушкарев И. П. Оспаривание сделок в делах о несостоятельности // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 10. С. 427–432.
8. Столярчук М. В. Правовая природа последствий недействительности сделок должника при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 7. С. 115–123.
9. Штейникова Л. В. Правовые последствия признания сделок должника недействительными в рамках дел о банкротстве // Право и экономика. 2024. С. 15–19.

Психологическое портретирование в эпоху цифровых технологий: вызовы и возможности

Русакова Анжела Руслановна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Современные тенденции цифровизации затрагивают все сферы человеческой деятельности, включая криминалистику и судебную психологию. Психологическое портретирование преступника, ранее основанное преимущественно на анализе места происшествия, поведения и мотивов, сегодня приобретает новые формы в связи с активным использованием цифровых технологий. В статье рассматриваются особенности применения метода профайлинга в условиях цифровой среды, анализируются возможности использования больших данных, цифровых следов и искусственного интеллекта для составления психологического портрета преступника. Отдельное внимание уделено этическим и правовым аспектам цифрового профайлинга, связанным с вопросами конфиденциальности и достоверности информации. Делается вывод о необходимости интеграции традиционных психологических методов с инструментами цифровой криминалистики для повышения эффективности расследования преступлений и прогнозирования преступного поведения.

Ключевые слова: психологическое портретирование, профайлинг, цифровизация, искусственный интеллект, криминалистика, цифровые следы, большие данные.

Психологическое портретирование на данный момент развития криминалистики один из важных методов, применяемых в расследовании преступлений. Он направлен на реконструкцию предполагаемых характеристик личности преступника на основе анализа поведенческих характеристик, места происшествия и известных обстоятельств произошедшего преступления. Метод прошел десятилетия в своем развитии от эмпирических описаний и экспертных заключений, основанных только на интуиции до формализованных подходов, которые включают систематизация паттернов поведения и использования известных типологий преступников. [1;4]

Последнее десятилетие ознаменовалось цифровизацией во всех сферах общественной жизни. Все больше растет использование социальных сетей, мессенджеров, облачных сервисов и мобильных устройств — все это влияет и на криминалистическую составляющую процесса расследований преступлений. Появился новый класс доказательств — цифровые следы. К цифровым следам относят: текстовые коммуникации, мультимедийные материалы, метаданные, записи геолокации, паттерны поведения пользователей онлайн-сервисами. Такие данные представляют глубокую основу для психологического анализа. [2;5]

Для составления психологического портрета цифровая среда открыла ряд преимуществ. Расширился объем источников информации, которую можно получить благодаря хроникам онлайн-поведения, активности в сети и взаимодействия внутри нее, развитие машинное обучение позволяет быстро и объективно обработать большие массивы собранных данных, а также цифровые инструменты облегчают интеграцию междисциплинарных данных — психологических тестов, криминалистических наблюдений и IT-логов — в единую аналитическую модель. [2;8]

Но вместе с тем выявился и ряд существенных недостатков — существенный разрыв между «онлайн» и «офлайн» личностью. Не всегда по поведению человека в сети, возможно, объективно составить профиль реального человека. Существует бессознательное моделирование «параллельной личности», которая выстраивается человеком в сети, где возможно создать «фальшивую личность» и наделить её желаемыми чертами. Из-за этого возможно столкнуться с предвзятостью и ошибками, осложняющими проведение следственно-оперативных мероприятий. Нельзя не обозначить возникающие при этом этические и правовые вопросы, связанные с приватностью, доступностью к личной информации о личности в сети, а также ответственностью за выводы, сделанные с помощью автоматизированных сетей. [7]

Ранние подходы, включая работы А. Р. Ратинова [6] и Ю. М. Еникеева [3] заложили основы использования

психологии в раскрытии преступлений, фокусируясь на мотивации и типологии личности. Современная задача идет дальше. Речь идет не о том, чтобы «угадать» характер преступника, а о том, чтобы на основе анализа способа совершения преступления и «почерка» системно исключить из проверки неподходящие категории лиц и выдвинуть обоснованные версии о поле, возрасте, профессиональных навыках, образе жизни, криминальном опыте и психическом состоянии.

Из этого следует, что основная задача психологического портретирования в криминалистике на современном этапе — это создать информативную, верифицируемую и динамическую модель личности неизвестного преступника, интегрируемую в современные информационно-аналитические системы для сужения круга поиска и прогнозирования его поведения.

В данной статье будет сделан анализ цифровой среды в контексте её трансформирования метода психологического портретирования, выявлены основные возможности и риски, а также определены практические направления интеграции цифровых инструментов в криминалистическую психологию.

Эволюция метода психологического портретирования происходила достаточно быстро и интенсивно. Метод формировался на стыке психологии, криминалистики, криминологии, социологии и психиатрии. Первые попытки построить психологический профиль преступника, опираясь на имеющиеся данные о совершенном деянии восходят к середине XX века, когда в США проводились систематизированные исследования сексуализированных и серийных преступлений.

Говоря об основной роли следует выделить деятельность Федерального бюро расследований (ФБР). Разработкой концепции поведенческого анализа преступлений занимались Дж. Дуглас, Р. Расслер и А. Бердженс. [1] В основу легла идея о том, что личность преступника находит свое отражение в способе совершения преступления и особенностях взаимодействия с жертвой. Анализ этих параметров позволял выявлять устойчивые типы поведения, которые впоследствии легли в основу классификации серийных преступников. Так возникла система профайлинга, сочетающая интуитивные наблюдения, статистические данные и психологические обобщения.

Стоит отметить большой вклад А. Р. Ратинова, В. А. Образцова и Е. А. Климовой, подробно разработавших методологию в 1980-е годы XX века. [4; 6]. Психологическое портретирование вначале рассматривалось как логико-аналитическая процедура, которая включает выявление закономерностей между криминалистическими характеристиками преступления и личностными особенностями преступника. В данной парадигме такие вещи, как характер повреждения на телах жертв, выбор места

и жертвы преступления, оружия убийства и прочее интерпретировалось как проявление личностных установок субъектов. [5]

Со временем, с развитием компьютерных технологий, профайлинг обрел в том числе и количественную основу. Стали появляться базы данных серийных преступников, которые позволяли выявить устойчивые связи между характеристиками преступлений и профилем преступника. В начале XXI века метод переживает новую трансформацию — информацию о личности преступника стало возможным получить, не только исследуя место преступления и материалы следствия, но и собирая данные о цифровом поведении преступника — его активности в социальных сетях, совершаемые цифровые запросы, изучаемый контент. Это позволяет более точно реконструировать портрет личности преступника.

На современном этапе, в связи с глобальной цифровизацией можно говорить, что и криминалистика не осталась в стороне. Так, традиционные методы построения профиля личности преступника дополнились возможностью анализа цифровых следов, что открыло принципиально новые горизонты для раскрытия преступлений, но в то же время и потребовало пересмотра многих существующих десятилетиями теоретических и практических положений и разработок.

Возможность отслеживания «цифрового следа» в разы расширила доступность информации, необходимой следствию. По цифровым следам возможно понять определенные аспекты личности. Например, набор лексики может свидетельствовать о темпераменте и эмоциональном интеллекте личности, структура социальных контактов — о его коммуникативных предпочтениях и степени социальной адаптации; время активности и тематические интересы — о жизненном ритме, привычках и склонностях. В совокупности эти параметры формируют уникальный психологический профиль цифрового поведения, позволяющий лучше понять личность потенциального преступника и соответственно значительно сузить круг подозреваемых.

Ключевым отличием классического профайлинга от цифрового профилирования можно обозначить возможность отслеживания динамики личности во времени, выявления изменений в эмоциональном состоянии, мотивации и когнитивных паттернах. [8]. Цифровизация в свою очередь изменила структуру коммуникации между жертвой, преступником и обществом в целом. Ранее область анализа криминалиста ограничивалась физическими следами преступника, найденными в процессе следствия, сейчас же значительная часть перешла в интернет-пространство, как и смещение самой специфики преступлений. Кибермошенничество, кибербуллинг, мошеннические схемы, вербовка в деструктивные сообщества. Всё это оставляет цифровые следы, пригодные для психологической интерпретации.

Важным направлением современной практической деятельности экспертов-криминалистов является пси-

холингвистический анализ цифровых коммуникаций. Его эффективность доказана рядом проведенных масштабных исследований, так как особенности письменной речи в онлайн-пространстве могут служить индикаторами личностных черт и психоэмоционального состояния автора. Так, использование агрессивной, экспрессивной лексики, частота выделения «Я» — конструкций, степень структурированности текста, количество ошибок и сокращений позволяют судить о степени импульсивности, самооценке, тревожности или агрессии [7].

Наравне с неопценимыми преимуществами цифровизации, формируются и весьма серьезные вызовы. Так, сюда следует отнести искажение личности в цифровой среде (создание анонимных и фейковых профилей, попытки самостоятельно выстроить желаемый образ). Сложностью является слишком большой объем данных, который невозможно обработать без автоматизированных алгоритмов, качественная обработка становится невозможной. В то же время в механической интерпретации существует риск замены психологического смысла на количественные показатели. Кроме этого, обостряется проблема контекста. Так, использование жаргонизмов и нецензурной лексики в подростковой среде далеко не всегда говорит о реальной склонности к агрессии или насилию, это может свидетельствовать лишь о попытках самовыразиться и подчеркнуть собственную «взрослость». В связи с этим психологическое портретирование с учетом данных взятых из цифровой среды требует от эксперта не только знания технологий, но и высокого уровня психологической и социокультурной компетенции.

Говоря о достижениях последнего десятилетия, стоит уделить отдельное внимание внедрению в криминалистическую работу обработку информации с помощью искусственного интеллекта. Если ранее психологическое портретирование основывалось преимущественно на экспертных суждениях и наблюдениях, то сегодня в арсенале исследователей и следователей появляются инструменты анализа больших данных (Big Data), машинного обучения (Machine Learning) и искусственного интеллекта (Artificial Intelligence). Эти технологии позволяют не только ускорить обработку информации, но и выявлять закономерности, которые трудно заметить при традиционном анализе [2;8].

Другим значимым направлением является анализ визуальных данных — фотографий, видеозаписей, изображений профилей. На данный момент является возможным распознать мимику, направление взгляда, позу и другие невербальные признаки, что позволяет дополнить текстовый анализ визуальной составляющей. В совокупности это даёт возможность построения мультимодального психологического профиля, который объединяет различные типы информации в единую систему.

Использование искусственного интеллекта в формировании психологического портрета открывает перспективу получения уникальных преимуществ. Способность к стремительной обработке огромных объемов данных,

обнаружение латентных закономерностей в поведенческих моделях преступников и оперативное создание статистически подтвержденных профилей — вот лишь некоторые из них.

Вместе с этим, даже самые продвинутые нейросети, без участия квалифицированного эксперта, не способны обеспечить всесторонний и глубокий анализ личности. Алгоритмы — это мощные инструменты, но искусственный интеллект все еще лишен возможности адекватно интерпретировать контекст, отличать метафоры от буквальных утверждений и распознавать иронию. Он не в состоянии уловить завуалированные намеки и скрытые мотивы, которые играют ключевую роль в понимании человеческой психологии.

Таким образом, внедрение машинного анализа не обесценивает роль психолога-криминалиста, а скорее трансформирует и оптимизирует его деятельность. Искусственный интеллект на современном этапе развития целесообразно рассматривать как средство предварительной фильтрации и систематизации информации, но ни в коем случае не как альтернативу опытному профайлеру [6]. Компетентность и интуиция специалиста остаются незаменимыми при построении точного и всестороннего психологического портрета.

Согласно прогнозам ученых, уже в недалеком будущем станет возможным не только обрабатывать материалы совершенного преступного деяния, но и «предугадывать» совершение преступления с помощью искусственного интеллекта. Уже сейчас в Китае, Великобритании и США запущены тестировочные модели, способные предсказать вероятность совершения преступления на основе цифровых следов, биометрических параметров или поведенческих паттернов.

В России ученые также работают над созданием подобной модели искусственного интеллекта (ИИ), которая может предсказывать преступления. Точность ее прогнозов превышает 82 %. Система учится на основе ранних видеозаписей, набора поведенческих факторов и статистики, однако специалисты отмечают, что цена ошибок подобных нейросетей может быть очень высока. [5]

Однако, наряду с преимуществами использования данных технологий, возникает и ряд возможных правовых и этических «проволочек». И касается это как защиты конституционных прав человека, так и вопросов методологической точности.

При всей привлекательности описанного подхода, он не может решить проблему расследования преступления. Важно понимать, что цифровые следы являются лишь индикаторами, при чем весьма вероятностными, и в качестве доказательств преступных намерений использоваться не могут. Ошибки в интерпретации алгоритмами или же специалистом на основе машинного сбора информации, могут быть чреваты стигматизации и необоснованными обвинениями. Отсюда вытекает ключевой принцип цифрового профайлинга — взвешенное сочетание техно-

логического анализа и профессиональной психологической экспертизы, где искусственный интеллект является лишь вспомогательным звеном, а не конечным арбитром. Второй спорный аспект использования цифровых данных — это нарушение приватности и неприкосновенности личности. Использование данных без персонального согласия может быть чревато притеснением конституционных прав.

Следователи и психологи сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, цифровые данные могут существенно повысить эффективность расследования; с другой — их сбор и обработка должны соответствовать законодательным нормам. В этом контексте особенно важно, чтобы цифровой профайлинг выполнялся в рамках правовых процедур и под контролем квалифицированных специалистов.

Ну, и конечно, большие вопросы вызывают точность полученных данных. Если в оставлении цифровых следов возможны серьезные намеренные искажения собственной личности, то и полагаться на данные сведения не представляется возможным. Это создаёт риск ложной интерпретации, когда психологический портрет строится на базе неполных или недостоверных данных. А перепроверять каждый вывод нейросети экспертом не представляется возможным физически. [2]

Уязвимым местом профайлинга выступает правовое регулирование. На сегодняшний день можно заключить, что оно находится на стадии активного формирования. Так, в ряде стран существуют законы о защите персональных данных, о допустимости применения цифровой информации в уголовном процессе, о хранении и обработке данных. Нарушение этих норм может привести не только к дискредитации экспертизы, но и к юридической ответственности специалистов и организаций [4].

Таким образом, современное психологическое портретирование переживает качественно новый этап своего развития — переход от классических методов анализа поведения преступника к интеграции цифровых технологий, искусственного интеллекта и анализа больших данных. Цифровизация не только расширила информационные возможности криминалистической психологии, но и изменила саму природу источников данных, сделав поведение человека в виртуальной среде столь же значимым индикатором личности, как и его действия в реальном мире.

Использование цифровых следов, психолингвистического анализа и алгоритмов машинного обучения позволяет глубже понять внутренние мотивации, эмоциональные состояния и когнитивные особенности субъекта преступления. Вместе с тем, сохраняется необходимость критического экспертного осмысления полученной информации: автоматизированные технологии могут ускорить обработку данных, но не способны заменить психологическую интерпретацию, основанную на контексте, интуиции и профессиональном опыте.

Основные вызовы цифрового профайлинга связаны с обеспечением достоверности данных, защитой персональной информации и предотвращением злоупотреблений при использовании технологий прогнозирования поведения. Без разработки чёткой методологической и правовой базы, а также соблюдения этических принципов, внедрение цифровых инструментов в практику расследований может привести к серьёзным ошибкам и искажению судебной истины.

Перспективы развития метода заключаются в формировании интегративной модели психологического портретирования, объединяющей научную точность, технологическую эффективность и гуманистическую направленность. Такая модель позволит сделать процесс расследования более точным, научно обоснованным и этически выверенным, сохранив при этом ключевую роль человека-эксперта как центрального элемента системы криминалистического анализа.

Литература:

1. Douglas J., Ressler R., Burgess A. Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes. — New York: Lexington Books, 1992.
2. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // PNAS. — 2013. — Vol. 110(15). — P. 5802–5805.
3. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. — М.: Проспект, 1996. — 336 с.
4. Кривошеев, А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования / А. С. Кривошеев. — Москва, 1971. — 79 с.
5. Коробков, В. А. Метод профайлинга в оперативно-розыскной деятельности: проблемы и перспективы использования / В. А. Коробков // Пенитенциарное право. Юридическая теория и правоприменительная практика. 2015. — № 1 (3). — С. 67–69.
6. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей: Учеб. пособие / А. Р. Ратинов. — Москва, 1967. — 290 с.
7. Сибгатуллина, С. Р. Психологический портрет преступника / С. Р. Сибгатуллина. — Текст: непосредственный // Современные научные исследования и инновации. — 2017. — № 5. — С. 96–101.
8. Фойгель Е. И. О понятии поисково-криминалистического профиля неизвестного преступника // Пролог: журнал о праве. 2016. № 4 (12) — С. 35–42.

Механизмы государственного регулирования предпринимательской деятельности: теория и практика

Салмиянова Виктория Алексеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся механизмов государственного регулирования предпринимательской деятельности, проводится теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ существующих инструментов регулирования, позволяющий подробно проследить их систематизацию, эффективность и кодификацию. Исследуются экономические, административные и правовые меры воздействия государства на бизнес, а также выявляются проблемы их применения и направления совершенствования.

Ключевые слова: государственное регулирование, предпринимательская деятельность, административные меры, экономические инструменты, правовое регулирование, эффективность, сравнительный анализ.

Актуальность исследования, проведенного в рамках статьи, не вызывает сомнений, поскольку российские и зарубежные ученые отмечают, что современная система государственного регулирования предпринимательской деятельности характеризуется многогранностью и динамическим развитием. Изучение историко-правовых и экономико-правовых аспектов регулирования предпринимательства позволяет выявить эффективные подходы и инструменты, существовавшие в разные исто-

рические и социально-экономические периоды [2]. При этом значительная часть научной литературы посвящена лишь общим вопросам регулирования предпринимательства, тогда как систематическое изучение конкретных механизмов государственного воздействия, их классификации и эволюции в российском контексте до сих пор недостаточно освещено.

Первой попыткой системного регулирования предпринимательства в России можно считать деятельность

по введению патентной системы в XIX веке. В этот период государство начало устанавливать права и обязанности предпринимателей, а также меры контроля за их деятельностью. Однако законодательство было фрагментарным, отсутствовала единая структура регулирования, а контрольные и стимулирующие меры носили преимущественно административный характер.

С конца XIX — начала XX века наблюдается постепенное расширение инструментов регулирования: наряду с административными мерами появляются экономические стимулы, включая налоговые льготы и государственные субсидии для определенных отраслей. В советский период регулирование предпринимательства приобрело централизованный характер: функции контроля и планирования осуществлялись государственными органами через плановые и административные методы. Появились системы лицензирования, квотирования, а также строгие правила ведения коммерческой деятельности, что формировало сложную сеть ограничений и обязательств для предпринимателей [1].

С переходом к рыночной экономике в 1990-е годы возникла острая необходимость пересмотра подходов к регулированию бизнеса. Государство стало использовать более гибкие инструменты: налоговые стимулы, субсидии, программы поддержки малого и среднего предпринимательства. В законодательстве РФ в этот период формируются основные принципы регулирования предпринимательства, закладываются основы корпоративного и антимонопольного права, вводятся механизмы защиты прав предпринимателей [3].

На современном этапе государственное регулирование предпринимательства включает комплекс экономических, административных и правовых мер. Экономические меры представлены налоговыми льготами, субсидиями, грантами, стимулирующими инновации и инвестиции. Административные меры включают лицензирование, сертификацию, проверки и надзорные мероприятия. Правовое регулирование охватывает защиту прав собственности, антимонопольное законодательство, меры по борьбе с недобросовестной конкуренцией и коррупцией. При этом современная практика демонстрирует растущую роль цифровизации регулирования: электронные сервисы позволяют автоматизировать процедуры, повысить прозрачность и снизить административное давление на бизнес.

Несмотря на наличие комплекса мер, в современной практике наблюдаются следующие проблемы: сложность и избыточность регуляторных процедур, создающих бюрократическое давление на предпринимателей; недостаточная систематизация и унификация норм, что приводит к неоднозначной правоприменительной практике; ограниченная эффективность экономических стимулов для малого и среднего бизнеса в регионах с низким уровнем инвестиционной активности; недостаточная интеграция современных цифровых инструментов с законодательными мерами регулирования.

Для повышения эффективности государственного регулирования предпринимательства необходимо провести кодификацию и систематизацию действующих нормативных актов. На сегодняшний день законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность, представляет собой разрозненный комплекс правовых, административных и экономических мер, что затрудняет их применение и создает неопределенность для бизнеса. Объединение всех этих мер в единую комплексную систему позволит повысить прозрачность и предсказуемость регулирования, устранить дублирование норм и облегчить доступ предпринимателей к информации о своих правах и обязанностях.

Кроме того, важной мерой является сокращение избыточных бюрократических процедур, внедрение «цифрового кабинета предпринимателя». Такой инструмент позволит автоматизировать процессы подачи отчетности, получения лицензий и разрешений, проведения проверок и контроля соблюдения нормативных требований. В результате снизится административная нагрузка на бизнес, ускорятся процессы взаимодействия с государственными органами, а также повысится прозрачность и объективность принимаемых решений.

Особое внимание следует уделить усилению региональных программ поддержки малого и среднего бизнеса с учетом специфики территорий. Развитие предпринимательства в различных регионах России характеризуется существенными различиями в экономических условиях, уровне инфраструктуры и доступности финансовых ресурсов. Адаптация программ государственной поддержки с учетом этих факторов позволит более эффективно стимулировать бизнес-активность, создавать новые рабочие места и развивать инновационные проекты в разных частях страны.

Не менее важным направлением является разработка механизма мониторинга эффективности регулирующих мер и их оперативной корректировки. Такой механизм позволит государству своевременно выявлять слабые места в действующих мерах, оценивать результативность экономических стимулов, лицензирования, проверок и других инструментов, а также вносить изменения в регулирование без длительных законодательных процедур. Это обеспечит более гибкую и динамичную систему воздействия на предпринимательство, отвечающую современным экономическим реалиям.

Наконец, необходимо активнее использовать международный опыт, адаптируя лучшие практики гибкого регулирования и стимулирования предпринимательства к российским условиям. Изучение зарубежных моделей позволяет выявить эффективные инструменты, такие как налоговые каникулы для стартапов, инновационные грантовые программы, упрощенные процедуры регистрации бизнеса и цифровизация административных процессов. Их внедрение в российскую практику позволит создать более благоприятную среду для предпринимательства, повысить конкурентоспособность отече-

ственных компаний и стимулировать развитие новых отраслей экономики.

Таким образом, историко-правовой и современный анализ государственного регулирования предпринимательства показывает, что механизмы воздействия государства на бизнес прошли длительный путь эволюции: от фрагментарных административных мер XIX века до ком-

плексной системы современного регулирования, сочетающей экономические, административные и правовые инструменты. На современном этапе важной задачей является систематизация действующих норм, оптимизация процедур и интеграция цифровых технологий для повышения прозрачности, эффективности и гибкости регулирования предпринимательской деятельности в России.

Литература:

1. Душакова Л. А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: учебное пособие / Л. А. Душакова. — М.: ИД «Проспект», 2022. — 232 с. — ISBN 9785406084298.
2. Ершова И. В., Енькова Е. Е., Тарасенко О. А., Трофимова Е. В. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / И. В. Ершова и др.; отв. ред. И. В. Ершова. — М.: Проспект, 2020. — 224 с. — ISBN 9785392310340.
3. Соловьёва В. М. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в современных условиях: автореф. дис. ... канд. экон. наук / В. М. Соловьёва. — Санкт-Петербург, 2022. — 23 с.

Эффективность государственного регулирования малого и среднего бизнеса в России

Салмиянова Виктория Алексеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оценкой эффективности государственного регулирования малого и среднего бизнеса в России. Проводится анализ действующих программ поддержки, налоговых и экономических стимулов, административных мер и правового регулирования, направленных на развитие предпринимательства. Особое внимание уделяется проблемам реализации этих мер на практике, выявлению препятствий для бизнеса и оценке результативности государственных инициатив.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, государственное регулирование, экономические меры поддержки, административные меры, правовое регулирование, эффективность, региональные программы.

Государственное регулирование малого и среднего бизнеса в Российской Федерации представляет собой комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности, стимулирование экономического роста и обеспечение занятости населения. Практика показывает, что эффективность регулирования предпринимательства напрямую зависит от сбалансированного сочетания экономических стимулов, административных мер и правового обеспечения. Данный комплекс мер, формируя правовое и экономическое поле для функционирования бизнеса, призван не только создавать возможности для развития предпринимательства, но и предотвращать риски, связанные с недобросовестной конкуренцией, уклонением от налогов и нарушением прав потребителей [2].

Современная российская система регулирования малого и среднего бизнеса развивается в условиях высокой динамики экономической среды и глобализации рынков. В законодательстве закреплены меры государственной поддержки, включая налоговые льготы, субсидии, гранты,

программы льготного кредитования и страхования, а также возможность участия в специальных инвестиционных и инновационных проектах. Важным элементом является правовое регулирование, включающее защиту прав собственности, антимонопольные меры и контроль за соблюдением обязательных стандартов и норм. Взаимодействие этих механизмов обеспечивает комплексное воздействие государства на предпринимательскую деятельность и создает условия для устойчивого развития бизнеса.

Однако анализ практики применения государственных мер поддержки малого и среднего бизнеса выявляет ряд системных проблем, которые существенно снижают их эффективность. Несмотря на наличие экономических стимулов, предприниматели часто сталкиваются с многочисленными бюрократическими барьерами, сложностью оформления документов и длительными процедурами получения субсидий, грантов и налоговых льгот. Эти факторы создают дополнительную нагрузку на бизнес, требуют значительных временных и финансовых затрат, что

особенно тяжело для малых предприятий с ограниченными ресурсами.

Кроме того, наблюдается недостаточная информированность предпринимателей о существующих возможностях государственной поддержки. Часто малый и средний бизнес не располагает полными данными о доступных программах, условиях их получения и сроках реализации. Это приводит к тому, что значительная часть потенциальной поддержки остается невостребованной, а предприниматели вынуждены самостоятельно искать пути финансирования и развития, что замедляет рост бизнеса и ограничивает инновационную активность.

Существует также заметный дисбаланс между федеральными и региональными программами. В одних регионах условия для бизнеса более благоприятны за счет развитой инфраструктуры, активной поддержки со стороны местных органов власти и доступности финансовых инструментов, тогда как в других — недостаток ресурсов и слабое законодательное сопровождение ограничивают возможности предпринимателей. Этот региональный дисбаланс снижает общую эффективность государственной политики, поскольку централизованные меры не всегда учитывают специфические потребности отдельных территорий.

Помимо этого, проблемой остается правоприменение, связанное с несогласованностью нормативных актов и медленной адаптацией законодательства к быстро меняющимся экономическим условиям. Частые изменения в налоговом и административном законодательстве, отсутствие единых процедур и методических рекомендаций для региональных органов власти создают правовую неопределенность. Предприниматели вынуждены тратить значительные усилия на адаптацию к новым требованиям, что отвлекает их от основной деятельности и ограничивает потенциал роста бизнеса. В совокупности эти факторы создают системные препятствия, которые препятствуют полному раскрытию возможностей малого и среднего бизнеса и снижают эффективность государственных мер регулирования [3].

Особое значение приобретает оценка результативности государственных программ поддержки. Существует необходимость в мониторинге эффективности мер, позволяющем выявлять слабые места и корректировать политику в режиме реального времени. Например, автоматизация подачи документов, внедрение цифровых сервисов и «кабинетов предпринимателя» позволяют сократить административные процедуры, повысить прозрачность и снизить нагрузку на бизнес. Использование современных информационных технологий способствует ускорению процессов взаимодействия предпринимателей с государственными органами, облегчает контроль и минимизирует риски коррупции.

Для повышения эффективности государственного регулирования целесообразно также значительно усилить региональные программы поддержки малого и среднего бизнеса с учетом экономических, социальных и геогра-

фических особенностей каждой территории. В России регионы различаются не только уровнем развития инфраструктуры, но и доступностью финансовых ресурсов, степенью инвестиционной активности, наличием квалифицированных кадров и уровнем предпринимательской культуры. Например, крупные города и индустриальные центры обладают развитой транспортной и финансовой инфраструктурой, высокой концентрацией квалифицированных специалистов и широким доступом к кредитным и инвестиционным ресурсам, тогда как в малых городах и отдаленных регионах условия для ведения бизнеса зачастую ограничены.

Адаптация мер поддержки к конкретным условиям региона позволяет создавать индивидуальные программы, ориентированные на реальные потребности предпринимателей. Это может включать предоставление льготных кредитов и грантов для запуска новых предприятий, субсидирование аренды производственных помещений, налоговые послабления для начинающих компаний, обучение и повышение квалификации предпринимателей, а также создание специализированных бизнес-инкубаторов и технопарков. Такой подход способствует развитию малого и среднего бизнеса именно в тех регионах, где он испытывает наибольшие трудности, стимулируя предпринимательскую активность и повышая шансы на устойчивый рост предприятий.

Кроме того, укрепление региональных программ поддержки способствует созданию новых рабочих мест, развитию инновационных проектов и внедрению современных технологий, что в свою очередь положительно отражается на экономическом росте регионов и страны в целом. Индивидуальный подход позволяет не только компенсировать региональные дисбалансы, но и интегрировать малый и средний бизнес в стратегические отраслевые программы, повышая их конкурентоспособность и устойчивость на внутреннем и внешнем рынках. В долгосрочной перспективе это формирует основу для комплексного экономического развития и сокращения социального и экономического разрыва между различными территориями России [1].

Важным направлением является также активное использование международного опыта. Зарубежные практики гибкого регулирования предпринимательства, включая налоговые каникулы для стартапов, инновационные грантовые программы, упрощенные процедуры регистрации бизнеса и цифровизацию администрирования, могут быть адаптированы к российским условиям. Это позволит создать более прозрачную и конкурентоспособную среду для малого и среднего бизнеса, стимулировать внедрение инноваций и повысить инвестиционную привлекательность регионов.

Таким образом, эффективность государственного регулирования малого и среднего бизнеса в России определяется не только наличием нормативной базы и экономических стимулов, но и качеством их реализации, согласованностью федеральных и региональных мер,

а также уровнем использования современных цифровых инструментов. Основной проблемой остаются бюрократические барьеры, недостаточная систематизация нормативных актов и ограниченная информированность предпринимателей о доступных мерах поддержки. Для преодоления этих проблем необходима кодификация и си-

стематизация действующих нормативных актов, создание единой комплексной системы регулирования, автоматизация процессов взаимодействия бизнеса с государством, а также постоянный мониторинг эффективности применяемых мер и адаптация к изменяющимся экономическим условиям.

Литература:

1. Душакова Л. А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: учебное пособие / Л. А. Душакова. — М.: ИД «Проспект», 2022. — 232 с. — ISBN 9785406084298.
2. Ершова И. В., Енькова Е. Е., Тарасенко О. А., Трофимова Е. В. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / И. В. Ершова и др.; отв. ред. И. В. Ершова. — М.: Проспект, 2020. — 224 с. — ISBN 9785392310340.
3. Соловьёва В. М. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в современных условиях: автореф. дис. ... канд. экон. наук / В. М. Соловьёва. — Санкт-Петербург, 2022. — 23 с.

Влияние отсутствия государственной регистрации перехода права собственности на транспортные средства на права и обязанности участников гражданских правоотношений

Сафронов Ярослав Валерьевич, юрист (г. Самара)

Конституцией РФ как высшим законом Российской Федерации гарантировано, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц [1].

Гражданский кодекс РФ разграничивает основания смены собственника транспорта и недвижимости. Собственник недвижимости (квартиры, апартаментов, зданий) становится таковым после государственной регистрации в реестре Управлением Росреестра. Именно с момента внесения регистрационной записи в ЕГРН, собственник недвижимости может ее продать, подарить или заложить, а также официально обязан платить налоги и сборы, содержать и ремонтировать, нести ответственность перед третьими лицами за причиненный ущерб и вред [2].

Таким образом, собственник недвижимости становится таковым после того, как Управление Росреестра зарегистрировало сделку и внесло запись в ЕГРН.

Такой порядок возникновения собственности представляется наиболее логичным с точки зрения исключения манипуляций недобросовестных действий со стороны субъектов гражданских правоотношений, которые могут заключить мнимые сделки с целью создания препятствий в реализации прав третьих лиц.

Собственником транспорта возможно стать после фактического приема от предыдущего владельца и оформления договора. При этом обращение в государственный орган для регистрации договора не требуется. Закон лишь регламентирует порядок, при котором новый соб-

ственник должен поставить транспортное средство на учет в ГИБДД в течение 10 дней после сделки [3].

В то же время уклонение от постановки на учет или обращение с заявлением за сроками не ограничивает собственника совершать сделки, в том числе продать, подарить или заложить транспорт.

Автор статьи полагает, что отсутствие на законодательном уровне требований удостоверения государственным органом юридического факта перехода права собственности на транспорт, по аналогии как по недвижимому имуществу приводит к возникновению злоупотреблений и коллизий права.

Коллизии права с точки зрения автора возникают при пересечении статей и пунктов гражданского законодательства (определяющего момент возникновения собственности субъекта на транспорт в момент подписания акта приема-передачи к договору от продавца к покупателю) с нормами административного регламента, Налогового кодекса РФ, которые устанавливают, что собственником транспорта (легковых и грузовых автомобилей, спецтехники, самоходных машин и мотоциклов) является лицо, сведения о котором зарегистрированы в ГИБДД.

Схожие правила действуют в случае наложенных запретов на регистрационные действия на транспорт по исполнительному производству, ограничивая тем самым права и обязанности лица, владеющего транспортом, которое новым собственником не зарегистрировано в системе учета ГИБДД.

Злоупотребление правом со стороны недобросовестных лиц возникает с целью исключения риска неблагоприятных последствий в форме ареста, в том числе с изъятием автомобиля или другой техники у владельца и перемещением транспорта на стоянку без предоставления права доступа до исполнения требований или обращения взыскания на транспортное средство.

Реализация злоупотреблений осуществляется таким образом, при котором должник оформляет с другим лицом договор купли-продажи более ранней датой, для предоставления его в суд или приставу с целью создания правового иммунитета, защищающего от реализации транспортного средства на организованных торгах с целью погашения требований кредиторов.

Верховный Суд РФ также указывает, что по закону транспортные средства — объекты движимого имущества, поэтому действует правило, при котором собственником становится покупатель или кредитор (по соглашению об отступном) в момент принятия имущества от предыдущего владельца.

При этом, новый субъект, обладающий всеми правами собственника, имеет возможности не менять сведения в регистрирующем органе, продолжать эксплуатацию приобретенного транспорта и совершать с ним сделки, в том числе передавать в залог или отчуждать иным образом.

А регистрационные действия, совершаемые ГИБДД, носят учетный характер и относятся к условиям допуска к эксплуатации транспорта по дорогам общего пользования [4].

Аналогичные выводы сделаны в определении Верховного Суда РФ по судебному делу, в котором оспаривалось принадлежность транспортного средства, водитель которого купил автомобиль, не поставил его на учет и совершил на автомобиле ДТП. В результате пострадавшему участнику ДТП было отказано страховыми компаниями в выплате компенсаций по причине того, что в ГИБДД в качестве собственника числится другое лицо. Потерпевший был вынужден доказывать в суде, что он имеет право на выплату компенсации, и дойдя до высшей инстанции, коллизии права были разрешены в пользу потерпевшего. При этом Верховный Суд РФ указывает, что информация в ГИБДД о собственности автомобилей носит учетный характер, регистрационные действия не наделяют собственностью покупателей, а лишь фиксируют такой юридический факт [5].

Исходя из пункта 2 статьи 218, статьи 233, статьи 130, пункта 1 статьи 131, пункта 1 статьи 454 ГК РФ, транспортные средства не отнесены законом к объектам недвижимости, являются движимым имуществом, в связи с чем при их отчуждении действует общее правило о возникновении права собственности у приобретателя с момента передачи ему этого транспортного средства. Несовершение регистрационных действий в отношении автомобиля в данном случае не влияет на выводы об отчуждении (передаче права собственности) третьим лицам.

Следует также отметить, что имеет место практика по отчуждению транспортных средств в пользу так называемых перепродавцов, которые в свою очередь пользуются купленным автомобилем, проводят соответствующее техническое обслуживание, в целях дальнейшей его продажи, однако не осуществляют переоформление их на себя, в целях ухода от уплаты налогов. В последующем оформляется новый договор между собственником и конечным покупателем, где первоначальный покупатель не фигурирует [6].

Таким образом, отсутствие факта регистрации сделки государственным органом в отношении транспорта порождает правовые споры участников субъектов права.

В период с декабря 2021 г. по декабрь 2022 г. автор статьи являлся представителем взыскателя по исполнительному производству, возбужденному в отношении юридического лица по судебной задолженности. Должник, преследуя цель причинить вред взыскателю, совершил мнимые сделки купли-продажи транспортных средств для исключения обращения взыскания на транспортные средства. Затем один из покупателей транспортных средств обратился в Орджоникидзевский районный суд г. Магнитогорска с иском об отмене запрета на регистрационные действия, в качестве основания были указаны выводы Верховного Суда РФ. Должник пояснил, что он купил транспорт у другого юридического лица, которое за долги приняло транспортные средства по соглашению об отступном и сделки совершены за долго до того, как приставы вынесли постановление об аресте имущества должника. Также покупатель упоминал, что нормы Гражданского кодекса и разъяснения Верховного Суда РФ, устанавливающие отсутствие взаимосвязи факта получения собственности при совершении сделки и регистрационных действий [7].

Постановка на учет в ГИБДД не является обязательной, носит учетный характер, не ограничивает и не устанавливает фактов перехода права собственности на приобретенное имущество. Суд первой принял позицию заявителя и отклонил возражения ответчиков, указав, что для получения права собственности на транспортное средство достаточно подписать акт приема-передачи, проведение регистрационных действий в ГИБДД не требуется.

Такие действия связаны с осуществлением государственного учета транспортного средства в целях допуска транспортного средства к участию в дорожном движении. Решение суда будет служить устранением нарушений прав собственника и приведения сведений государственной автоматизированной системы в соответствие с фактическими обстоятельствами, аресты, наложенные в рамках исполнительного производства, подлежат отмене [8].

Судебная коллегия Челябинского областного суда сделала вывод о несоответствии решения фактическим обстоятельствам по делу и отменила его, отказав в удовлетворении иска. При этом суд апелляционной инстанции сделал интересные выводы, которыми поставил под сомнение выводы и разъяснения Гражданского кодекса РФ

и Верховного Суда РФ. Собственник несет расходы по содержанию, принадлежащего ему имущества, при этом допуск транспортных средств к передвижению по дорогам общего пользования осуществляется после их регистрации и выдачи соответствующих документов. Также суд уточнил, что собственник транспорта является таковым после регистрационных действий в органах ГИБДД в течение 10 суток после оформления документов по сделке [9].

Указанные выводы суд обосновал тем, что настоящий покупатель и продавец заинтересованы в совершении последовательных действий, которые прекращают учет предыдущего собственника, снимают с него обременение по содержанию транспорта в таком состоянии, в котором обеспечивается его безопасная эксплуатация по дорогам общего пользования и возложение такой обязанности на действительного собственника, т. е. приобретателя транспортного средства, т. к. транспорт является источником повышенной опасности для окружающих. Отнесение транспорта к источнику повышенной опасности устанавливает соблюдение правового режима, для обеспечения безопасности дорожного движения, а значит регистрационный учет транспорта подтверждает право собственности покупателя.

При этом суд отклонил доводы истца и указал, что отсутствие регистрационного учета в ГИБДД при наличии документов о получении транспорта не является абсолютным доказательством возникновения права собственности на них, в том числе не доказывает перехода права собственности к покупателю при подписании акта с другим юридическим лицом, которое приобрело транспорт в качестве отступного. Такой вывод был основан прежде всего, потому что покупатель не обращался с заявлением о проведении регистрационных действий в отношении транспорта по заключенной сделке [10].

Следовательно, такие действия приобретателя дорожного имущества, по мнению судебной коллегии, не отвечает принципам разумности и добросовестности. Седьмой кассационный суд общей юрисдикции поддержал выводы суда апелляционной инстанции [11].

Судебное дело указывает на непоследовательность правовых норм, идет в разрез в применении гражданского законодательства и административного регламента

касательно автомобилей. При этом смягчение порядка перехода права собственности на движимое имущество, упрощение приобретателям порядка получения собственности без постановки на учет приводит к нарушению прав других лиц. Права других лиц нарушаются, когда должники преследуют цель оформить мнимые сделки, исключая возможность обратиться взыскание на имущество в рамках процедуры банкротства или исполнительного взыскания.

Одной из форм мнимой сделки является заключение договора о залоге в отношении транспортного средства. По закону договор о залоге регистрации не подлежит, может быть совершен в простой письменной форме. В случае сговора между физическими и юридическими лицами, договор о залоге может быть заключен задним числом, с целью предотвращения обращения взыскания на движимое имущество со стороны кредиторов должника. Опровергнуть договор о залоге весьма проблематично, причем нормы части 4 ст. 339.1 ГК РФ являются диспозитивными, т. к. исходя из буквального толкования указанных норм следует, что залог иного имущества, не относящегося к недвижимым вещам, помимо указанного в пунктах 1–3 настоящей статьи имущества, может быть учтен путем регистрации уведомлений о залоге.

Автор статьи полагает, что выявленные коллизии права негативно влияют на общество, предоставляя недобросовестным участникам гражданских правоотношений привилегии по использованию и применению норм права с целью причинения имущественного ущерба, исключения обращения взыскания на транспортные средства или исключение возможности изъятия транспорта с целью проведения действий по принудительной продаже транспорта.

Недобросовестные действия осуществляются путем оформления мнимых сделок, без государственной регистрации, создающих при этом факт перехода права собственности.

С целью исключения подобных злоупотреблений, автор полагает возможным закрепить за органами ГИБДД полномочия по регистрации перехода права собственности, учета залога на транспорт по аналогии с недвижимым имуществом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст. 17
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994г. N 51-ФЗ ч. 1.
3. Федеральный закон от 10.12.1995г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 от 26.04.2017г.
5. Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2022г. № 78-КГ22–8-К3 по гражданскому делу № 2–923/2020.
6. Постановление от 24.07.2025г. Пятого арбитражного апелляционного суда по делу № А51–3429/2024
7. Правила государственной регистрации транспортных средств в ГИБДД МВД РФ, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 21.12.2019г. № 1764
8. Решение от 21.03.2022г. Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области по гражданскому делу № 2–105/2022

9. Постановление Правительства РФ от 12.08.1994г. № 938 «О государственной регистрации автомототранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации»
10. Апелляционное определение от 08.07.2022г. Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда по делу № 11–8162/2022
11. Определение от 01.12.2022г. Судебной коллегии по гражданским дела Седьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–18054/2022

Государственное обвинение в суде

Севкович Дмитрий Константинович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье проводится комплексный анализ института государственного обвинения в современном уголовном процессе Российской Федерации. Рассматриваются сущность, цели и задачи деятельности прокурора как государственного обвинителя в суде, его процессуальный статус и полномочия. Особое внимание уделяется эволюции роли прокурора — от надзирающего органа до равноправной стороны в состязательном процессе. Исследуются актуальные проблемы реализации государственного обвинения, включая вопросы обеспечения подлинной состязательности сторон, качества доказывания и соблюдения баланса между интересами государства и правами личности.

Ключевые слова: государственное обвинение, прокурор, уголовный процесс, состязательность сторон, доказательства, отказ от обвинения, судебное разбирательство, уголовное преследование, профессиональная компетенция, права личности.

Государственное обвинение представляет собой осуществляемую в соответствии с принципом состязательности сторон уголовно-процессуальную деятельность прокурора — государственного обвинителя в ходе судебного следствия и судебных прений. Содержанием уголовно-процессуальной деятельности прокурора является доказывание виновности подсудимого в совершении инкриминированного ему преступления, с целью применения к нему предусмотренных законом мер уголовно-правового воздействия. Этот институт является системообразующим элементом судебного разбирательства по уголовным делам публичного и частного обвинения. Поскольку без представленного прокурором в суд уголовного дела с обвинительным заключением, судебное производство не может быть начато, в связи с отсутствием правовых оснований и предмета разбирательства.

Как верно отмечает В. Н. Исаенко, рассмотрение вопроса о сущности той или иной деятельности целесообразно начинать с выяснения ее целей и задач, поскольку «целеполагание — обязательное смыслообразующее содержание практики, состоящее в формировании цели и ее воплощении в объективно-реальном результате деятельности» [7]. В контексте государственного обвинения это положение приобретает особую значимость.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ, государственный обвинитель — это поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу, должностное лицо органа прокуратуры (п. 9 ст. 5 УПК РФ) [2]. В своей деятельности он руководствуется не только задачей изобличения подсудимого, но и обязанно-

стью соблюдения прав личности, гарантированных Конституцией РФ.

Цели и сущность поддержания государственного обвинения нашли свое глубокое освещение в работе В. Н. Исаенко, который, анализируя научные подходы, приходит к выводу, что главной целью деятельности прокурора в суде является постановление законного и обоснованного обвинительного приговора. Для достижения этой цели государственный обвинитель решает задачу доказывания, то есть представления суду достаточной совокупности обвинительных доказательств, убеждающих в виновности подсудимого [7]. Эта позиция согласуется с мнением А. В. Казаковой, подчеркивающей, что государственное обвинение представляет собой процессуальную деятельность прокурора, направленную на изобличение подсудимого, которая должна быть основана на бесспорных и допустимых доказательствах [8]. Таким образом, в современной правовой доктрине деятельность государственного обвинителя рассматривается не как надзор за судом, а как активная роль стороны в состязательном процессе, направленная на достижение целей правосудия через доказывание предъявленного обвинения.

Эволюция процессуального положения прокурора в суде свидетельствует о кардинальном изменении его роли — от надзирателя за законностью в суде до стороны в процессе. Положения Закона о прокуратуре 1992 г., а затем и УПК РФ 2001 г. обусловили толкование процессуального положения прокурора — государственного обвинителя в суде первой инстанции как участника судебного разбирательства, пользующегося правами стороны. Поддержание государственного обвинения в суде не свя-

зано с выполнением прокурором надзорных функций. Действующее законодательство не предоставляет прокурору каких-либо надзорных полномочий в судебных стадиях уголовного судопроизводства, определяя его процессуальное положение как стороны в процессе.

Участие в судебном разбирательстве обвинителя, обязательно по уголовным делам публичного и частного публичного обвинения. Согласно ст. 246 УПК РФ, государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания [2].

Одним из ключевых полномочий государственного обвинителя является право на отказ от обвинения. Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части [9]. Кроме того, государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату, для постановления приговора может изменить обвинение в сторону смягчения путем: исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание; исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса; переквалификации деяния в соответствии с нормой Уголовного кодекса, предусматривающей более мягкое наказание.

В судебной практике встречаются прецеденты, когда суд назначает подсудимому более строгое, чем предложенное государственным обвинителем наказание. Это порождает дискуссию о законности и справедливости вынесенного судом приговора в контексте взаимосвязи двух принципов уголовного процесса: осуществления правосудия только судом и состязательности сторон [4].

Представляется, что позиция государственного обвинителя по вопросу о наказании должна являться для суда обязательной в части определения верхнего предела (размера) наказания по следующим причинам:

- высказывание о назначении наказания является не только правом, но и обязанностью государственного обвинителя как публичного субъекта уголовного процесса;
- установленный государственным обвинителем максимальный размер уголовного наказания является элементом предъявленного подсудимому обвинения, которое в целом определяет пределы судебного разбирательства;
- в соответствии с ч. 7 ст. 292 УПК РФ для суда не имеют обязательной силы лишь формулировки сторон по вопросам, указанным в п. п. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, к которым вопрос о виде и размере наказания не относится [2].

Одной из ключевых проблем остается нарушение баланса состязательности в контексте доступа к доказательствам. Формально ст. 15 УПК РФ закрепляет равенство сторон обвинения и защиты, однако фактически прокурор, как представитель государственного обвинения, обладает значительными преимуществами на стадии предварительного расследования [2]. Защита же зачастую лишена возможности на равных участвовать в собирании доказательств, особенно в случаях, когда подозреваемый содержится под стражей и ограничен в ресурсах.

Еще одной острой проблемой является качество доказывания и вынужденный отказ от обвинения в суде. Рост таких случаев свидетельствует о системных недостатках предварительного расследования. Нередко обвинительные заключения составляются без должной проверки допустимости и достаточности доказательств, что приводит к их последующему опровержению в суде.

Активность и профессиональное мастерство государственного обвинителя в представлении, исследовании и оценке доказательств становятся решающим фактором в обеспечении неотвратимости наказания за совершенное преступление. Подготовка к поддержанию государственного обвинения включает в себя:

- тщательное изучение материалов уголовного дела;
- формирование позиции по делу;
- определение тактики представления и исследования доказательств;
- подготовку проекта обвинительной речи;
- прогнозирование доводов защиты и подготовку контраргументов.

Особое значение имеет участие государственного обвинителя в судебных действиях. Тактика судебного допроса, представления вещественных доказательств, назначения экспертиз требует от прокурора глубоких познаний не только в области уголовного права и процесса, но и в криминалистике, психологии и этике. Эффективная тактика поддержания государственного обвинения предполагает умение прокурора гибко реагировать на изменения ситуации в судебном заседании, своевременно заявлять ходатайства, возражать против необоснованных доводов защиты, представлять дополнительные доказательства при необходимости.

Государственное обвинение остается важнейшим элементом уголовного процесса, от которого зависит реализация принципа неотвратимости наказания. Однако его эффективность напрямую связана с соблюдением баланса между интересами государства и правами личности. Эволюция процессуального законодательства и судебной практики свидетельствует о постепенном укреплении состязательных начал в уголовном судопроизводстве, что повышает требования к профессиональной компетенции государственных обвинителей.

Современный государственный обвинитель должен не только обладать глубокими знаниями закона и практики его применения, но и быть готовым к активной состязательной деятельности в суде, уметь комплексно

анализировать доказательства, формулировать и аргументировать свою позицию, проявляя при этом объективность и беспристрастность. Дальнейшее совершенствование законодательства в сфере государственного

обвинения требует системных изменений, направленных на обеспечение подлинной состязательности, повышение качества досудебного производства и гармонизацию судебной практики.

Литература:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 8. — Ст. 366.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.10.2023 № 78-УД23-15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 1.
5. Белоусов А. В. Проблемы отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения в свете новейшей судебной практики // Уголовное судопроизводство. — 2023. — № 3. — С. 12–19.
6. Данилевич, А. А. Поддержание государственного обвинения в суде [Электронный ресурс]: пособие / А. А. Данилевич, О. В. Петрова. — Минск: БГУ, 2020.
7. Казакова, А. В. Государственное обвинение в суде // Вестник магистратуры. 2025. № 8 (167). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-obvinenie-v-sude> (дата обращения: 19.11.2025).
8. Исаенко, В. Н. Цели, задачи, сущность государственного обвинения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 6 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-zadachi-suschnost-gosudarstvennogo-obvineniya> (дата обращения: 19.11.2025).
9. Мадина, И. А., Иса Д. М. Сущность и понятие государственного обвинения // Закон и право. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-ponyatie-gosudarstvennogo-obvineniya> (дата обращения: 19.11.2025).

Теоретические основы исследования административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность

Селиверстова Лидия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретические основы института административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность. Раскрывается сущность и признаки административной ответственности, анализируются теоретические подходы к определению её места в системе юридической ответственности, исследуется соотношение административной ответственности с мерами предупреждения и принуждения в условиях современной государственности, в том числе с учетом вызовов, связанных с обеспечением безопасности в период проведения специальной военной операции.

Ключевые слова: административная ответственность, правонарушение, общественный порядок, общественная безопасность, административное принуждение, теория права.

Theoretical foundations of the study of administrative liability for offenses infringing on public order and public safety

The article examines the theoretical foundations of administrative liability for offenses encroaching on public order and public safety. The essence and features of administrative liability are revealed, theoretical approaches to determining its place in the system of legal responsibility are analyzed, and the relationship between administrative liability and preventive and coercive measures is explored, taking into account the modern conditions of ensuring state security during the special military operation.

Keywords: administrative liability, offense, public order, public safety, administrative coercion, theory of law.

Административная ответственность традиционно рассматривается как самостоятельный вид юридической ответственности, представляющий собой особую форму государственного принуждения, направленного на охрану общественных отношений от административных правонарушений [1, с. 12]. Теоретические основы данного института заложены в трудах дореволюционных и советских правоведов, которые определяли административную ответственность как реакцию государства на противоправное, виновное деяние, нарушающее установленный порядок управления.

Современная доктрина административного права исходит из того, что административная ответственность занимает промежуточное положение между уголовной и дисциплинарной, обеспечивая баланс между защитой публичных интересов и соблюдением прав личности [2, с. 45]. В условиях современной государственности, особенно в период проведения специальной военной операции, институт административной ответственности приобретает особое значение как инструмент обеспечения общественной стабильности и безопасности.

Понятие общественного порядка и общественной безопасности раскрывается через призму конституционных ценностей. Согласно Конституции Российской Федерации, защита прав и свобод человека, а также обеспечение общественного порядка и безопасности являются обязанностью государства (ст. 2, 71, 114) [3]. Эти положения определяют необходимость постоянного совершенствования механизмов административно-правового воздействия.

Ключевое значение для правоприменительной практики имеют нормы главы 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, регулирующие ответственность за деяния, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность. К ним относятся, в частности, правонарушения, предусмотренные статьями 20.1, 20.2, 20.3.2 КЛАП РФ и др., направленные на защиту общества от экстремистских проявлений и дестабилизирующих действий [4].

Важную роль в формировании единой практики привлечения к административной ответственности играет судебная интерпретация норм. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. № 19 «О судебной практике по делам об административных правонарушениях» содержит ключевые разъяснения относительно квалификации составов административных правонарушений и соблюдения прав граждан в процессе производства по делам [5]. Аналогично, Постановление Пленума ВС РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 подчеркивает необходимость соблюдения принципов законности, соразмерности и справедливости при применении мер административного воздействия [6].

Административная ответственность, как элемент механизма правового регулирования, выполняет ряд функций: превентивную, воспитательную и карательную. Превентивная функция проявляется в предупреждении нарушений путем демонстрации неотвратимости наказания. Воспитательная — в формировании у граждан правосознания и уважения к правопорядку. Карательная — в восстановлении социальной справедливости посредством санкций [7, с. 88].

С теоретической точки зрения, административная ответственность опирается на принципы законности, вины, справедливости и гуманизма.

Эти начала закреплены как в Конституции РФ, так и в общих положениях КоАП РФ. Важно подчеркнуть, что в современных условиях, когда повышаются угрозы общественной безопасности, данные принципы обеспечивают баланс между защитой государства и правами личности.

Таким образом, институт административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, является системообразующим элементом административного права. Его развитие должно учитывать как теоретико-правовые основы, так и современные вызовы, связанные с поддержанием стабильности, общественной дисциплины и доверия граждан к государству.

Литература:

1. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Проспект, 2020.
2. Кутафин О. Е. Проблемы ответственности в российском праве. М.: Норма, 2018.
3. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Теоретические основы российского административного права. М.: Юрайт, 2022.
4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 2020 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. № 19 «О судебной практике по делам об административных правонарушениях».
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об административных правонарушениях».

Анализ юридических составов и видов административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность

Селиверстова Лидия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится комплексный анализ юридических составов и видов административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Рассматриваются элементы состава административного правонарушения, их значение для квалификации, проводится классификация правонарушений по главе 20 КоАП РФ, а также анализируется судебная практика и роль Пленума Верховного Суда РФ в обеспечении единообразия правоприменения.

Ключевые слова: административное правонарушение, состав правонарушения, общественный порядок, общественная безопасность, КоАП РФ, юридическая ответственность.

Analysis of legal elements and types of administrative offenses infringing on public order and public safety

The article provides a comprehensive analysis of the legal elements and types of administrative offenses encroaching on public order and public safety. The study examines the structure of administrative offense elements, their role in qualification, and judicial interpretation in light of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Special attention is given to the influence of modern conditions, including the digitalization of administrative control and security challenges during the special military operation.

Keywords: administrative offense, legal elements, public order, public safety, Code of Administrative Offenses, legal liability.

Система административных правонарушений, предусмотренных главой 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), является одной из ключевых в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности [1, с. 34]. Ее нормы направлены на защиту фундаментальных общественных интересов — стабильности, спокойствия, законности и доверия граждан к органам государственной власти.

Юридический состав административного правонарушения традиционно включает четыре элемента: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Каждый элемент имеет самостоятельное значение при квалификации деяния [2, с. 18]. Нарушение любого из них влечет невозможность привлечения лица к ответственности. В то же время в правоприменительной практике нередко возникают сложности, связанные с определением границ между объективной и субъективной стороной правонарушения, особенно в делах, касающихся экстремистских проявлений (ст.ст. 20.3.1–20.3.3 КоАП РФ).

Объектом данных правонарушений выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование общественной жизни, защиту прав граждан, а также поддержание общественной безопасности. В теоретической доктрине выделяются общие и родовые объекты посягательства, что позволяет систематизировать нормы главы 20 КоАП РФ в зависимости от степени общественной опасности деяния [3].

Анализ объективной стороны показывает, что для большинства правонарушений, посягающих на обще-

ственный порядок, характерна активная форма действия — организация несанкционированных мероприятий, распространение символики экстремистских организаций, публичные призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации и др. [4]. В современных условиях, включая период проведения специальной военной операции, данные составы приобретают особую значимость, поскольку нарушение общественного порядка способно повлечь массовые дестабилизирующие последствия.

Субъектом административного правонарушения может быть как гражданин, так и должностное лицо, а в отдельных случаях — юридическое лицо. Проблематика привлечения юридических лиц к административной ответственности активно исследуется в современной юридической литературе и остаётся дискуссионной [5, с. 62]. При этом действующее законодательство исходит из принципа виновности, исключающего объективное вменение (ст. 1.5 КоАП РФ).

Субъективная сторона составов правонарушений главы 20 КоАП РФ характеризуется наличием вины в форме умысла или неосторожности.

В ряде случаев (например, ст. 20.3.3 КоАП РФ) доказательство умысла на дискредитацию Вооружённых Сил РФ вызывает сложности у правоприменителя. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 24.10.2006 и № 2 от 10.02.2009 содержат разъяснения относительно необходимости конкретизации субъективных признаков и недопустимости формального подхода [6].

Особое внимание следует уделить видам административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и безопасность. Условно их можно разделить на три группы: 1) правонарушения против порядка управления (например, ст. 20.1–20.2 КоАП РФ); 2) правонарушения, связанные с нарушением общественной морали и спокойствия граждан (например, ст. 20.21); 3) правонарушения, связанные с угрозой государственной безопасности и территориальной целостности (например, ст. 20.3.2–20.3.3, 20.29).

Юридический анализ составов показывает, что законодатель стремится к повышению превентивного потенциала административных норм.

Усиление санкций, введение новых составов (например, ст. 20.3.3 КоАП РФ в редакции 2022 г.) отражает стремление государства адекватно реагировать на современные вызовы безопасности, в том числе в контексте проведения СВО и мобилизационных мероприятий [7].

Теоретическое осмысление состава административного правонарушения имеет не только академическое, но и практическое значение. Корректная квалификация позволяет дифференцировать меры ответственности и избежать нарушения принципа справедливости.

Именно поэтому совершенствование норм главы 20 КоАП РФ должно сопровождаться единообразием судебной практики, основанной на разъяснениях Пленума ВС РФ и доктринальных выводах теории административного права.

Таким образом, анализ юридических составов административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, показывает, что данный институт продолжает развиваться, отвечая требованиям времени и повышенным стандартам общественной безопасности. Он сохраняет фундаментальное значение в системе мер административного принуждения и правового обеспечения устойчивости государства.

Литература:

1. Бахрах Д. Н. Административное право России. М.: Норма, 2021.
2. Старилов Ю. Н. Административная ответственность: проблемы теории и практики. Воронеж: ВГУ, 2020.
3. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Теоретические основы административного права. М.: Юрайт, 2022.
4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 2020 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. № 19 «О судебной практике по делам об административных правонарушениях».
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об административных правонарушениях».

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (598) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 03.12.2025. Дата выхода в свет: 10.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.